

130 лет
ФРАНКО-РУССКОМУ
АЛЬЯНСУ

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ
ДВУСТОРОННЕГО
СОТРУДНИЧЕСТВА

Нестор-История
Санкт-Петербург
2022

УДК 93/94
ББК 63.3
С81

Издание подготовлено при поддержке
Российского Научного Фонда (РНФ), проект № 20-78-10014
«От Согласия к Пакту: франко-русские/франко-советские
отношения в 1890-1930-е гг.»

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.Н. Баранов* (УрФУ),
доктор исторических наук *Г.Н. Канинская* (ЯрГУ)

С81 130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества / под ред. Ю. М. Галкиной (отв. ред.), А. А. Вершинина, К. А. Беспаловой. СПб.: Нестор-История, 2022. — 304 с.

ISBN 978-5-4469-1998-7

В сборник включены материалы Всероссийской научной конференции «130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества», прошедшей в Уральском федеральном университете 3–4 декабря 2021 г. Проблематика конференции посвящена специфике франко-русских и франко-советских отношений в период XIX — первой трети XX в. Среди ее тематических приоритетов — проблема взаимовосприятия России и Франции, значение франко-русского альянса и франко-советских контактов в системе международных отношений, трудности переговорного процесса между двумя странами, вызванные политическими, культурными и иными причинами. Значительное внимание уделено сюжетам, связанным с участием Франции в событиях Революции и Гражданской войны в России, особенностям восприятия во Франции этих процессов, репрезентации франко-русских контактов в прессе, общественном и профессиональном мнении двух стран.

Книга предназначена для историков-профессионалов, специалистов в сфере гуманитарных и социальных наук, а также для всех интересующихся всеобщей и отечественной историей, международными отношениями.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-4469-1998-7

9 785446 191998 7

© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Нестор-История», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. Франко-русский/франко-советский контекст международных отношений XIX–XX вв.

Земцов В.Н. Россия в планах Наполеона: к истории франко-русского альянса XIX в. 8
Романова Е.В. Франко-русский союз в системе европейских отношений конца XIX — начала XX в. 18
Остапенко А.И. От русско-французского альянса начала 90-х гг. XIX в. к советско-французскому договору 10 декабря 1944 г. 33

Глава 2. Франция и Россия: проблемы взаимного восприятия

Бодров А.В. Изучая потенциального союзника? Русская армия в донесениях французских военных представителей в 1870-е гг. 44
Юдин С.С. Русская армия в донесениях французского военного атташе Л.-Э. Мулена (1891–1905) 59
Лиманова С.А. Высочайшие встречи Николая II с Феликсом Фором (1897) и Эмилем Лубе (1902) в фокусе петербургской прессы 74
Поршнева О.С. Репрезентация русско-французского альянса в российской пропаганде периода Первой мировой войны 87
Магадеев И.Э. Российская революция через призму Французской: особенности восприятия революционного кризиса 1917 г. военными и дипломатическими представителями Третьей Республики 102
Павлов А.Ю. Французский взгляд на восприятие российским обществом будущей интервенции летом 1918 г. 120
Конев К.А. Франция как «значимый Другой» в политических дискурсах антибольшевистских сил на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.) 130
Молодяков В.Э. «Action française» против франко-русского и франко-советского союза: взгляд Жака Бенвиля 146
Каменская Е.В. Политическая среда Франции в советской печати (1924–1935 гг.) 156
Будрина Л.А. Резной камень в русско-французских взаимоотношениях: история явления в двух картах 171

Глава 3. Франция — Россия: механизмы взаимодействия/противодействия

<i>Паоли М., Попова О. О.</i> Французская военная миссия в Казани и Самаре и Волжский фронт (лето 1918 г.)	183
<i>Феськова Е. П.</i> Французская военная миссия в Сибири и проблема военного командования в конце 1918 — начале 1919 гг.	211
<i>Рудковская М. М.</i> Русские моряки на юге Франции в первой трети XX в.: люди, механизмы, институты, сообщества	227
<i>Беспалова К. А.</i> Наблюдение <i>Sûreté Générale</i> за деятельностью «Союза русских рабочих Франции» и «Союза советских граждан во Франции» в 1925–1929 гг.	239
<i>Вершинин А. А.</i> «В моем лице Вы имеете убежденного сторонника франко-советского сближения»: Шарль Альфан, посол Франции в Советском Союзе (1933–1936 г.)	256
<i>Платонова Т. В.</i> Творчество французских писателей на страницах советских литературных журналов в 1930-е гг.	271
<i>Галкина Ю. М.</i> К вопросу о преемственности политики Франции по отношению к России в 1890–1930-е гг.	289
Сведения об авторах	298

Предисловие

Предлагаемый читателю сборник приурочен к памятной рубезу франко-российских отношений — 130-летней годовщине с момента заключения франко-русской военной конвенции, ставшей значительной вехой в сближении двух стран. Известно, что годовщины исторических событий могут послужить мощным стимулом для «инвентаризации» имеющихся в научном сообществе знаний, разработки новых интерпретаций профессиональными историками и специалистами, а выходящие в юбилейные годы монографии, статьи и материалы научных конференций и семинаров задают новые тенденции в осмыслении эпохи¹. Вместе с тем конец XIX — первая половина XX в. — один из ключевых периодов мировой истории, в ходе которого произошли глобальные изменения социальной, политической и духовной жизни европейского и российского обществ. В условиях нестабильной межгосударственной обстановки практика формирования межгосударственных военно-политических союзов была особенно востребованной.

В контексте вышеупомянутой памятной даты 3–4 декабря 2021 г. в Уральском федеральном университете им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) состоялась научная конференция «130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества». В фокусе внимания исследователей оказался значимый период взаимодействия двух стран: от заключения франко-русской военной конвенции до начала Второй мировой войны. На наш взгляд, участники конференции убедительно продемонстрировали богатую палитру сюжетов, связанную как с взаимным притяжением, так и с противоречиями франко-русского диалога. Значительное внимание ученых было приковано к проблематике образа Другого, воздействию взаимных культурных стереотипов, реакциям и восприятию Первой мировой войны

¹ Поршнева О. С. От юбилея к юбилею: интерпретация российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. в контексте двух знаменательных дат // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2018. Выпуск 64. С. 248.

и интервенции элитами и общественным мнением двух стран. Эти сюжеты прозвучали в выступлениях О. С. Поршневой, К. А. Конева, А. Ю. Павлова.

Безусловно, широкое обсуждение вызвали сообщения, посвященные профессиональной оценке взаимного сотрудничества или противостояния. Докладчики обратили внимание как франко-русские и франко-советские отношения, проблемы и перспективы двустороннего взаимодействия отражались в донесениях и отчетах военных представителей, дипломатов, в трудах интеллектуалов (А. В. Бодров, С. С. Юдин, И. Э. Магадеев, В. Э. Молодяков, А. А. Вершинин). Опираясь на широкий корпус оригинальных документальных источников из архивов России и Франции, участники конференции рассмотрели проблемы восприятия и оценки французскими военными специалистами боеспособности русской армии в последней трети XIX в., идеологические конструкты, выполнявшие роль своеобразной «оптики» при анализе и восприятии своего визави, особенности коммуникативного пространства между русскими/советскими и французскими представителями.

Специфика публичной репрезентации двусторонних отношений в зеркале отечественной прессы применительно к концу XIX — началу XX в. была затронута С. А. Лимановой, советский период рассмотрела Е. В. Каменская. Исследователи ярко продемонстрировали роль прессы в формировании образа союзника/врага и влияние этих образов на общественное мнение в России. Культурная проблематика нашла отражение в докладах Т. В. Платоновой — на материалах советских литературных журналов была реконструирована специфика франко-советского диалога; в свою очередь, Л. А. Будрина убедительно показала, как индустрия резного камня в России/СССР оказалась фактором политического диалога двух стран.

Важным для отечественной историографии событием стала публикация обстоятельного доклада М. Паоли и О. Поповой, посвященного деятельности французской военной миссии в Казани и Самаре в 1918 г. На материалах французских архивов авторы доказывают высокую вовлеченность военных Третьей Республики в процесс эскалации Гражданской войны в России и их участие

в событиях на Волжском фронте в указанный период. Проблематика деятельности французских военных в годы Гражданской войны была продолжена Е. П. Феськовой на материалах сибирской миссии генерала Жанена (1918 — начало 1919 г.), в центре внимания автора находилась проблема определения и разграничения полномочий между М. Жаненом и А. В. Колчаком.

Как известно, после событий 1917–1918 гг. франко-русские связи развивались в атмосфере новых политических реалий, важнейшей из которых стало особое влияние идеологического фактора на взаимоотношения между двумя странами, что было рассмотрено в докладе К. А. Беспаловой. Антропологический и институциональный контекст франко-русских контактов на уникальном материале о жизни русских моряков на юге Франции в первой трети XX в. был проанализирован М. М. Рудковской.

Анализ стратегических и политических предпосылок сближения Франции и России, его кризисных точек, а также место франко-русского сотрудничества в системе международных связей было рассмотрено В. Н. Земцовым, Е. В. Романовой, А. И. Остапенко, Ю. М. Галкиной.

Длительная история отношений России и Франции убедительно демонстрировала, что периоды отдаления, прерывания двусторонних контактов не вели к полному разрыву связей. И важную роль в реабилитации диалога играло стремление к установлению баланса сил и обеспечению стабильности и безопасности международных отношений, как в европейском, так и в мировом масштабе.

Мы сердечно благодарны всем участникам за плодотворную и насыщенную дискуссию, обмен идеями и мнениями, и выражаем надежду, что подобное мероприятие обретет свою постоянную платформу.

Редколлегия

Франко-русский/франко-советский контекст международных отношений XIX–XX вв.

В. Н. Земцов

РОССИЯ В ПЛАНАХ НАПОЛЕОНА: К ИСТОРИИ ФРАНКО-РУССКОГО АЛЬЯНСА XIX ВЕКА

Статья посвящена дискуссионному вопросу причин кризиса и краха франко-русского союза 1807–1812 гг. Обратившись к ключевым вопросам 200-летней дискуссии, в особенности к роли континентальной системы в ухудшении отношений между двумя странами, автор поднимает проблему наличия или отсутствия у Наполеона далеко идущих стратегических расчетов в отношении России. Сопоставляя данные ряда документов, выявленных в архивах в последние годы, с реальными действиями французского императора на Востоке Европы в 1812 г., автор приходит к выводу о том, что действия Наполеона в отношении России определялись исключительно прагматическими мотивами, и многое зависело от реально складывавшихся обстоятельств. Любой исход событий 1812 г. (или 1812–1813 гг.) применительно к перспективам (или их отсутствию) возрождения франко-русского альянса был вероятен.

Ключевые слова: франко-русский союз 1807–1812 гг.; Наполеон; континентальная система; «польский вопрос».

Истории формирования и разрушения франко-русского союза 1807–1812 гг. посвящена обширная литература. За два столетия обсуждения этой темы исследователи смогли высказать не только общие суждения на этот счет, но и реконструировать, казалось бы, в деталях все перипетии происходивших тогда событий. Между тем, ряд документов, обнаруженных в последние годы и ряд публикаций, обративших на себя внимание, заставляют вновь обратиться к этой проблематике. В центре обсуждений объективно оказывается вопрос о месте России в планах Наполеона, что, в конечном итоге, не может не заставить вновь вернуться к причинам разрушения франко-русского союза начала XIX в.

Одной из ключевых работ, увидевших свет чуть более года назад, и приковавшей к себе внимание научного сообщества, стало фундаментальное исследование известного историка А. Микаберидзе «Наполеоновские войны: глобальная история» [20]. А. Микаберидзе убежден, что уже со времени провала экспедиции генерала Ш. Леклерка на о. Гаити и продажи Луизианы, а потом и трафальгарской катастрофы, Наполеон вынужден был отказаться от своих амбиций в отношении заморских территорий и сосредоточиться на делах европейского континента. Это, в свою очередь, с неизбежностью должно было привести его к ожесточенной борьбе с двумя державами, находящимися на своего рода европейской периферии — Англией и Россией, в совокупности обладавшими большими ресурсами, нежели Франция или даже «французская Европа».

Между тем, очевидно, что ключевым противником для наполеоновской Франции оставалась Британия, но не Россия. С последней Парижу не раз удавалось находить точки соприкосновения, и создание долгосрочного, стратегического союза с Петербургом казалось делом вполне возможным и даже предпочтительным. Однако отказ петербургского двора от заключения династического брака с французским императором заставил Наполеона реализовать «запасной вариант» тесных союзнических отношений с третьей по значению континентальной державой — Австрией.

Причины такого поворота событий большинство историков склонно искать в воздействии последствий континентальной блокады на русскую экономику. Этот вопрос имеет длительную историю. Применительно к зарубежной традиции он выглядит следующим образом. Имеются хорошо фундированные труды, в которых утвердился как тезис о ключевой роли последствий континентальной блокады в развязывании войны 1812 года [см. например: 15; 14], так и признание ее только одним из факторов, предопределивших разрыв русско-французского союза [см. например: 18].

С конца XX в. зарубежные авторы все большее внимание стали уделять воздействию системы Наполеона на внутриконтинентальные аспекты — социальные, экономические, политические и культурные сдвиги в Германских государствах, Австрии, Франции и др. [см. например: 16]. Применительно к русско-французской

войне 1812 г. особенно интересны публикации американского автора М. Б. Кросби-Арнольда [8], который считает, что целью вторжения Наполеона в Россию стало не просто стремление добиться полномасштабного возвращения Петербурга в континентальную систему, но захват торгового рынка, который им контролировался, включая выходы на азиатские регионы.

В целом, в зарубежной историографии уже достаточно давно преобладает взвешенный подход к решению этого вопроса, при котором роль экономических факторов отнюдь не умаляется, но и не абсолютизируется. Преобладает стремление отказаться от общих схем и углубить понимание различных внутренних аспектов проблемы.

Что касается отечественной традиции данной проблемы, то вплоть до начала XX в. преобладающей была идея ключевой роли континентальной блокады в ухудшении финансово-экономического положения России в период 1807–1812 гг. Только в 1900 г. вышла фундаментальная работа М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика», в которой автор отметил положительное влияние континентальной системы на русскую экономику. В 1911 г. Ю. Карцов и К. Военский, а затем В. И. Пичета [7; 9] поставили этот тезис под сомнение, не только указав на безудержную эмиссию бумажных денег в условиях нескончаемых войн России в конце XVIII — начале XIX вв.¹ как на главную причину финансового кризиса, но и на позитивные последствия континентальной системы для отдельных регионов и отраслей российской экономики.

Важный вклад в обсуждение проблемы внесла работа Е. В. Тарле «Континентальная блокада» [12], материал которой в дальнейшем, к сожалению, интерпретировался (в том числе и самим автором) достаточно односторонне. Эта односторонность наиболее последовательно оказалась представлена А. В. Предтеченским в его статье 1931 г., где отмечались исключительно негативные для России последствия континентальной системы. Однако в середине 1960-х гг. столь односторонняя версия вновь была поставлена под сомнение работой М. Ф. Злотникова [6]², в которой более отчетли-

во, чем у авторов начала XX в., был показан противоречивый характер влияния системы на финансово-экономическое положение России. В дальнейшем, к концу XX — началу XXI вв. именно труд Злотникова стал той основой, которая позволяет современным отечественным авторам (А. А. Орлову, Н. Н. Трошину, Г. В. Носовой, В. М. Безотосному, С. Н. Искюлю, А. А. Подмазо и др.) пытаться выявлять и конкретизировать различные стороны воздействия континентальной системы на Россию.

Под этим углом зрения, то есть противоречивости воздействия континентальной блокады на российские (но также и на французские) реалии следует рассматривать и представления Наполеона о месте России в его европейской системе.

На сегодняшний день преобладает точка зрения, согласно которой Наполеон рассматривал Россию исключительно через призму глобальной геополитической задачи вытеснения ее из европейского политического и даже цивилизационного пространства. Это мнение был склонен разделять и автор данной публикации. Так, в одной из наших работ [5] мы ссылаемся на документ, обнаруженный нами в фондах Дипломатического архива Франции. Министр внешних сношений Франции Ю. Б. Маре, герцог Бассано, в обширной записке, помеченной 21 июня 1812 г., сформулировал на основе предложенных ему Наполеоном принципов внешнеполитические задачи. Записка Маре начиналась с того, что предлагала обзор длительных усилий Франции, направленных на установление прочного мира в Европе. После военных поражений России в 1805–1807 гг. и подписания Тильзитского договора появились контуры континентальной системы в форме Европейской федерации. Однако Россия, которая стала к 1807 г. частью этой континентальной системы, последовательно начала отходить от ее принципов по целому ряду направлений, в том числе по отношению к великому герцогству Варшавскому, Пруссии, проблеме Греции, режиму заморской торговли. В конечном итоге, Россия оказалась в фарватере английской политики и стала превращаться в главного континентального противника Франции. Записка подробно освещала, неизменно указывая на неконструктивные, а то и злонамеренные действия Санкт-Петербурга, как, начиная с середины 1811 г., в негативном

¹ В сущности, этот момент был обозначен еще в 80-е гг. XIX в. [См.: 2].

² К сожалению, 2-й том этого исследования так и не увидел свет.

ключе происходило развитие французско-российских отношений. Бассано особо останавливался на миролюбивой позиции Франции, предложившей к апрелю 1812 г. возобновление контактов с Англией. Но и этот демарш остался без ответа со стороны России. Более того, русский посол потребовал паспорта для выезда из Франции. Подходя к завершению, Бассано отметил, что в настоящее время «победоносные армии Вашего в-ва выполняют миссию возвращения России к миру». Если же, отмечал он, не восстановить «фундаментальные основы Тильзита», Россия пойдет на мир с Англией и начнет беспредельное расширение своей экспансии по миру, прежде всего, в направлении Турции, Греции, великого герцогства Варшавского. Все это, считал Маре, вызывает необходимость создания против России барьера в Европе и приходил к выводу о неизбежности объявления против нее войны [Archives du Ministère des affaires étrangères Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie». Vol. 154. F. 462–492]. В течение 1812 г. Наполеон неоднократно использовал фрагменты этой записки в своих посланиях.

В свое время в Российском государственном архиве древних актов нами был выявлен еще один документ, работающий на эту версию. Он был обнаружен русскими войсками в 1813 г. в бумагах поверенного в делах Франции в Берлине г-на Лефедюра, и идеи его вполне сопрягались с другой документацией. Документ определял рамки планируемой Наполеоном новой европейской конфигурации. В нем говорилось, что Наполеон собирался стать главой Европейской континентальной конфедерации, которая, в свою очередь, должна была функционировать на основе признания полной свободы и независимости во всех сферах (административной, военной и коммерческой) оставшихся за ее пределами стран, а именно шведской, датской и турецкой монархий и республиканских США. Предполагалось достижение универсальности для всех стран коммерческих отношений на суше и на море, а также признания всех захватов, сделанных как Францией, так и Великобританией после 1809 г. Для достижения компромисса на этой основе со странами, не входящими в Европейскую конфедерацию, предусматривалась широкая система компенсаций. Реализация этих положений, при военном доминировании Франции, по мысли составителя до-

кумента, должна была привести к росту коммерции, процветанию и ликвидации войн. О России в этой системе документ умалчивал [Российский государственный архив древних актов. Ф. 30. Оп. 1. Д. 268. Л. 41–55]³.

Мнение о том, что Россия, по замыслам Наполеона, должны была быть вытеснена из европейской системы, нередко воспринималась и воспринимается как некое общее место, как очевидность. Вот что писал знаменитый А. Жомини, как бы излагая мысли самого Наполеона: «Всякий мог ясно видеть, что Россия была слишком сильна, чтобы войти в новую, преобразованную систему Европы, стержнем которой была Франция». «Мне должно было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единства моей системы, и дать этому новому политическому разделению довольно сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы» [4]. Более того, борьба с Россией и русскими зачастую подавалась и подается как важнейший фактор сплочения остальных народов континента. «...Я поведу за собой всю Европу», — сказал Наполеон известному деятелю Первой империи Ж. Фуше перед походом в Россию [17]. «...Я шел на Россию во главе остальной Европы, — говорил он на о. Св. Елены. — Начало было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое оставалось сделать Франции... Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России, и успех предприятия был несомненен» [19].

С каких пор мог формироваться подобный вариант планов Наполеона в отношении России? Скорее всего, после отказа русского двора вступить в родственные отношения с французским императором. Принципиальное же решение о войне с Россией Наполеон принимает весной 1810 г. Исследователи не раз обращали внимание на доклад министра иностранных дел Ж.Б.Н. Шампаньи от 16 марта 1810 г., в котором он по поручению императора проанализировал динамику развития французско-российских отношений и общеевропейской ситуации [10]. По мнению Н. К. Шильдера, эта записка была перехвачена с другими бумагами в 1812 г. и была доставлена Александру I в Петербург еще до его отъезда в декабре

³ Текст этого проекта был послан начальником секретной части архива МИД России П. Г. Дивовым А. А. Аракчееву 18 мая (ст.ст.) 1813 г.

1812 г. в Вильно [13]. Однако Шильдер был, по-видимому, не прав. В. Г. Сироткин на основе переписки К. В. Нессельроде и М. М. Сперанского пришел к выводу, что еще в апреле 1810 г. Нессельроде через Ш. М. Талейрана приобрел копию доклада Шампаньи и переправил ее в Россию с послом в Испании Г. А. Строгановым [11].

Несмотря на то, что этот документ никогда не публиковался во Франции, а наши собственные попытки обнаружить его в центральных французских архивохранилищах не дали результата, мы с большой долей вероятности считаем его подлинным. В любом случае, письмо Наполеона к Ф.Ж.Г. Кларку, герцогу Фельтрскому, военному министру, от 6 октября 1810 г., полностью опубликованное только в новом издании корреспонденции Наполеона в 2014 г., ясно свидетельствует, что к тому времени подготовка к войне с Россией уже шла полным ходом, и закончить эту подготовку французский император планировал к марту 1812 г. [22]⁴

И все же ясность и стройность картины всех этих антироссийских планов Наполеона не может не вызывать определенных сомнений. Эти сомнения возникают, когда исследователь начинает анализировать планы французского императора в отношении Восточных и Юго-Восточных окраин Российской империи, в особенности «польского вопроса». На счет этих планов имеется обширнейшая литература. Наиболее интересны работы Д. Наврота, А. Неуважного и В. Ададунова [23; 24; 1]. При этом многие десятилетия обсуждение проблемы вращалось вокруг деятельности Ильи Борщака, его книги «Наполеон и Украина» [3]. Только относительно недавно Ф. Бокуру и В. Ададунову удалось выяснить ключевой вопрос — кто же был автором ряда меморандумов, подготовленных для высшего французского руководства — А.М. д’Отрив, ключевая фигура в МИДе (так заявлял Борщак), либо польский генерал М. Сокольников. Этим человеком оказался Сокольников, и время подготовки документов — декабрь 1811 г. Наполеон, ознакомившись с одним из меморандумов Сокольникового, сделал его начальником военной разведки. Если до этого Наполеон, как можно предположить, мог рассматривать Россию как свою возможную союзницу

против Англии, то Сокольниковый видел Россию максимально ослабленной. Французский император стал склоняться в 1811 г. именно к последнему варианту. Проект Сокольникового — это фактически возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. Согласно ему, рядом с Россией должен был создан ряд герцогств, находящихся под польским протекторатом — Ливонское, Полоцкое, Смоленское, Мстиславское, Черниговское, Полтавское. Затем — некое государство Наполеонида, включавшее «казачьи орды» запорожцев и крымских татар. Таким образом, создавался бы мощный заслон против российской экспансии на длительную перспективу.

Помимо меморандумов Сокольникового были и иные многочисленные и более ранние проекты подобного рода, авторами которых были, прежде всего, поляки — Тадеуш Морский, Анджей Гордынский, Петр Стржижевский и многие другие.

В любом случае, очевидно, что, несмотря на факт существования подобных проектов, Наполеон отнесся к идеям такого рода достаточно настороженно. Более того, он, подогревая энтузиазм польской шляхты, фактически использовал ее для давления на русского императора с целью сделать его более уступчивым в плане готовности пойти на заключение нового «Тильзита».

Итак, имеющиеся на сегодняшний день материалы (как документальные свидетельства, так и результаты исторических исследований и историографических споров) формируют достаточно противоречивую картину намерений Наполеона в отношении России. Стремился ли Наполеон к долговременному стратегическому сотрудничеству с Александром I, или же его победа над русской армией в 1812 г. (или 1812–1813 гг.) должна была завершиться превращением России в третьестепенную державу, отгороженную от Европы заслоном лимитрофных образований — однозначно сказать на сегодняшний день невозможно. С уверенностью можно только утверждать, что действия Наполеона в отношении России определялись исключительно прагматическими мотивами, и многое зависело от реально складывавшихся обстоятельств. Любой исход событий 1812 г. (или 1812–1813 гг.) применительно к перспективам (или их отсутствию) возрождения франко-русского альянса был вероятен.

⁴ Наполеон — Кларку. Фонтенбло, 6 октября 1810 г.

Список литературы

1. Адауров В. «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007. 560 с.
2. Блюх И. Финансы России XIX столетия. СПб.: Общественная польза, 1882. Т. 1. 344 с.
3. Борщак І. Наполеон і Україна. З невідомих документів із тогочасними ілюстраціями. Львів: Діло, 1937. 127 с.
4. Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Изд. 3-е. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 2. 515 с.
5. Земцов В. Н. Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.
6. Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. Л.: Наука, 1966. 360 с.
7. Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб.: тип. А. Ф. Штольценбурга, 1911. 115 с.
8. Кросби-Арнольд М. Б. Была ли война 1812 года связана с экономикой? // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 33–60.
9. Пичета В. И. Причины отечественной войны. Исторический очерк. М.: «Польза» В. Антик и К°, 1912. 80 с.
10. Секретный доклад, представленный Наполеону министром иностранных дел. Париж, 4 (16) марта 1810 г. // Русская старина. 1897. Кн. 3. С. 421–455.
11. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М.: Наука, 1966. 208 с.
12. Тарле Е. В. Континентальная блокада. М., 1913.
13. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: А. С. Суворин, 1897. Т. 3. 569 с.
14. Crouzet F. L'économie britannique et le blocus continental. Paris: Presses Universitaires de France, 1958. Т. 1–2.
15. Dunan M. Napoléon et l'Allemagne. 1806–1810. Paris: Plon-Nourrit, 1949. 763 p.
16. Ellis G. Napoleon's Continental Blockade: The Case of Alsace. Oxford: Oxford University Press, 1981. 348 p.
17. Fouché J. Mémoires. Paris: Le Rouge, 1824. Т. 2. 315 p.
18. Heckscher E. The Continental System. An Economic Interpretation. Oxford, 1922. 420 p.
19. Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve consigné, jour par jour ce qu'a dit et fait Napoléon, durant dix-huit mois. Paris, 1823. Т. 1. 485 p.

20. Mikaberidze A. The Napoleonic Wars: A Global History. Oxford: Oxford University Press, 2020. 960 p.
21. Nesselrode K. R. Lettres et papier. 1760–1850. Paris: Lahure, 1909. Т. 3.
22. Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Paris: Fayard, 2014. Т. 10. № 24816. P. 743–748.
23. Nawrot D. Litwa I Napoleon w 1812 roku. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2008. 762 s.
24. Nieuważny A. My z Napoleonem. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1999. 305 p.

Zemtsov Vladimir Nikolaevich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural State Pedagogical University, Head of the Department of General History and Methods of Teaching Historical Disciplines; Saratov State University, Chief Researcher; Ural Federal University, Professor

RUSSIA IN NAPOLEON'S PLANS: ON THE HISTORY OF THE FRANCO-RUSSIAN ALLIANCE OF THE XIX CENTURY

The article is devoted to the debatable issue of the causes of the crisis and collapse of the Franco-Russian Union of 1807–1812. Turning to the key issues of the 200-year-old discussion, especially the role of the continental system in the deterioration of relations between the two countries, the author raises the problem of whether or not Napoleon had far-reaching strategic calculations with regard to Russia. Comparing the data of a number of documents revealed in the archives in recent years with the real actions of the French emperor in Eastern Europe in 1812, the author comes to the conclusion that Napoleon's actions against Russia were determined solely by pragmatic motives, and much depended on the actual circumstances. Any outcome of the events of 1812 (or 1812–1813) in relation to the prospects (or lack thereof) of the revival of the Franco-Russian alliance was likely.

Keywords: Franco-Russian Union of 1807–1812, Napoleon, continental system, “Polish question”.

Романова Е. В.

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.¹

В статье рассматривается вопрос о функционировании франко-русского союза в конце XIX — начале XX вв. в контексте проблемы поляризации системы международных отношений накануне Первой мировой войны. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на подписание в 1892 г. военной конвенции, отражавшей тенденцию к поляризации, сотрудничество России и Франции в конце XIX — начале XX вв. часто носило ситуативный и ограниченный характер и не исключало для каждой из них создания политических комбинаций с государствами вне союза. Реальностью европейской политики, несмотря на существование довольно прочных военно-политических блоков, оставались также гибкие, временные, меняющиеся в зависимости от обстоятельств группировки европейских держав. Однако после заключения Антанты европейская политика все в большей степени приобретала характер блокового противостояния. Франко-русский союз сохранил декларированную ранее задачу поддержания европейского равновесия, однако элементами этого равновесия становились блоки, а не отдельные державы, что неизбежно предполагало расширение союзнических обязательств и более высокую угрозу общеевропейского конфликта.

Ключевые слова: Франко-русский союз; Антанта; происхождение Первой мировой войны; франко-русские отношения; система союзов.

Формирование франко-русского союза явилось важным этапом в истории международных отношений конца XIX в. Нередко это событие рассматривается как шаг в процессе поляризации европейской системы, приведшей к началу Первой мировой войны. В ряде работ, посвященных исследованию ее причин, блоковая политика фигурирует в качестве одного из факторов, определявших характер и динамику отношений между великими державами в начале XX в. и сыгравших немаловажную роль в возникно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20–59–18007.

вании Великой войны. Истоки подобных взглядов можно найти в настроениях либеральных политических деятелей и общественности, распространенных после окончания войны прежде всего в Великобритании и США, для которых было характерно осуждение силовой политики и принципа баланса сил как механизма регулирования международных отношений. Размежеванию на блоки, рассматриваемому как проявление этих пагубных начал, противопоставлялся идеал коллективной безопасности, воплощением которого была призвана стать Лига Наций.

Уже в постбиполярный период известный американский дипломат и государственный деятель Г. Киссинджер видел в создании франко-русского союза веху на пути стремительного движения Европы к войне, шаг к тому, чтобы европейская политика превратилась в «игру с нулевой суммой», где выигрыш одного союза означал проигрыш другого, неизбежной была гонка вооружений и отсутствовала возможность компромисса. Следующим логическим шагом на этом пути стало формирование Антанты, по мнению Киссинджера, окончательно похоронившее систему европейского равновесия, основанную, в его интерпретации, на постоянном маневрировании держав, предполагавшую возможность создания различных временных комбинаций по отдельным вопросам мировой политики и, таким образом, исключавшую сведение всех значимых конфликтов к одному — межблоковому [17, р. 181–182].

Связь между началом Первой мировой войны и блоковым размежеванием прослеживается в работах французской исследовательницы А. Огюнис-Селиверстоф. При этом, обращаясь к истории франко-русского союза, она рассматривает не только политику и дипломатию Парижа и Петербурга, но и ту систему представлений о состоянии международных отношений, которая сложилась в обществах обеих стран в конце XIX — начале XX вв. Составляющей сближения двух держав, как полагает Огюнис-Селиверстоф, являлось восприятие русским общественным мнением лелеемой многими французскими политиками и интеллектуалами «схемы биполярной Европы», исходившей из тезиса о враждебности Германии и предполагавшей безальтернативность франко-русского союза [5, с. 151].

Вопрос о роли франко-русского союза в роковых событиях июля 1914 года не обошел вниманием кембриджский профессор К. Кларк, автор одной из наиболее широко цитируемых в последнее время книг о происхождении Первой мировой войны. Именно на Париж и Петербург он возлагает ответственность за создание условий для эскалации балканского кризиса в общеевропейскую войну. Кларк полагает, что готовность России и Франции поддержать Сербию в ее конфликте с Австро-Венгрией и де-факто расширение сферы действия союза на Балканы в преддверии Первой мировой войны явилось необходимым условием ее начала [10, p. 350].

Приведенные выше общие заключения о роли франко-русского союза не означают отсутствия нюансированности в оценках исследователей. Так, например, А. Огенюис-Селиверстоф отмечала попытки как французских, так российских государственных деятелей наладить отношения с Германией, К. Кларк подчеркивал, что расширение сферы действия франко-русского союза произошло лишь в последние предвоенные годы. Называя поляризацию европейской системы условием возникновения Первой мировой войны, историк в то же время указывал, что размежевание на блоки в равной степени способствовало эскалации конфликтов и их сглаживанию в предвоенной Европе. Позитивное воздействие создания франко-русского союза на стабильность международного положения склонен признать А. В. Ревякин. С его образованием, по мнению исследователя, «равновесие в силах основных держав, сложившееся ранее в результате национальных войн, приобрело устойчивый характер. Наличие двух противостоящих друг другу военных союзов, объединявших крупнейшие и самые могущественные государства Европы, делало любую попытку нарушить существующий баланс сил исключительно рискованной. Не случайно крупнейшие государства впредь в течение 20 лет воздерживались не только от использования военной силы в Европе, но даже от угрозы ее применения... В конце XIX — начале XX в. мир, по крайней мере, в Европе, казался как никогда прочным и незыблемым. Государства находили возможность решать путем компромиссов даже застарелые и болезненные противоречия» [6, с. 177–178].

Наличие разных оценок характера воздействия франко-русского союза на европейскую политику побуждает вновь обратиться к вопросу о его значении в контексте проблемы поляризации системы международных отношений в конце XIX — начале XX вв.

Рассматривая более чем двадцатилетнюю историю союза Франции и России до Первой мировой войны, исследователи справедливо выделяли несколько этапов в его функционировании, которые определялись, по словам В. И. Бовыкина, как общими изменениями в расстановке сил на международной арене, так и соотношением мощи держав внутри союза [2, с. 57].

Изначально он был призван решить задачу преодоления изоляции России и Франции перед лицом стремившейся укрепить Тройственный союз Германии и наметившегося сближения Великобритании с державами Тройственного союза, одним из выражений которого стало создание в 1887 г. Средиземноморских антант, фактически направленных против интересов Парижа и Петербурга. Заключение союза упрочило позиции обеих стран на международной арене. Созданный в противовес Тройственному союзу, он, однако, не привел к ухудшению отношений России и Франции со странами, входившими в эту группировку, а скорее побудил последних к поиску возможностей сотрудничества с Парижем и Петербургом. Уже к 1894 г. наметилось улучшение русско-германских отношений, а в следующем году Петербург, Париж и Берлин оказали совместное давление на Японию, вынудив ее отказаться от некоторых плодов победы в войне с Китаем; возможности франко-русско-германского сотрудничества проявились в условиях Ближневосточного кризиса 1895–1897 гг.; в 1897 г. Австро-Венгрия и Россия заключили так называемую Балканскую антанту, декларировав свою заинтересованность в поддержании статус-кво на полуострове и договорившись о консультациях в случае осложнений ситуации; на рубеже XIX — XX вв. Париж и Рим вступили на путь преодоления колониальных противоречий. В отчете МИД России за 1901 г. констатировалось благотворное влияние русско-французского союза на ситуацию в Европе. На Певческом мосту полагали, что благодаря заключению соглашений России с Францией «Тройственный союз утратил присущий ему в первые годы создания вызывающий

характер», а «входящие в состав его государства пытаются вступить в более тесные и дружественные отношения с другими державами, что в значительной степени способствует упрочению общего мира и согласия в Европе» [Архив Внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 132. Л. 16]. Оценивая значение союза для Франции, в 1908 г. А. Тардьё писал, что он способствовал росту ее авторитета и «дипломатической ценности». Он открыл для Франции возможности для политических комбинаций, которые были исключены в предшествовавший период изоляции [21, р. 14].

Представляется, что сам факт сближения двух стран в конце XIX в., «политическая антанта», созданная соглашением 1891 г., играли в первое десятилетие существования союза большую роль, чем собственно военная конвенция, хотя последняя и подкрепляла политическое согласие. Европейская война не рассматривалась как ближайшая или сколько-нибудь желательная перспектива ни одной из великих держав. Характеризуя русско-французское взаимодействие в то время, А. В. Неклюдов в депеше направленной в декабре 1910 г. незадолго до того назначенному министром иностранных дел С. Д. Сазонову указывал на «скорее осторожную политику России по отношению к Германии», которая «сдерживала Францию и направляла ее отчасти по следам России на колониальное соперничество с Великобританией» [4, с. 10–11]. Подобная характеристика в некоторой степени перекликалась с тем, что писали в 1895 г. «Биржевые ведомости»: «Европа как бы мирится со своим положением, с существующими границами и отношениями государств, старается забыть свои старые счеты в других частях земного шара...». Перенесение центра тяжести европейской политики на другие материки, активизация колониального соперничества создавали, по мнению издания, «возможности совершенно иной группировки держав», в качестве примера которой оно приводило упомянутую выше русско-франко-германскую комбинацию, способствовавшую, в оценке журналистов, «весьма благополучному исходу японо-китайской войны» [цит. по: 7, с. 50]. Таким образом, если тенденция к поляризации и прослеживалась в военных обязательствах в рамках существовавших союзов, реальностью европей-

ской политики в конце XIX в. являлись гибкие, временные, меняющиеся в зависимости от обстоятельств комбинации европейских держав.

Этому способствовала некоторая неопределенность в вопросе о сфере действия франко-русского союза. Хотя военная конвенция имела ограниченный характер и была направлена против нападения со стороны Германии и ее союзников, область применения политического соглашения оставляла простор для возможных интерпретаций. Франция и Россия, охарактеризовав себя как державы, «оставшиеся вне какого-либо союза» в ситуации возобновления Тройственного союза и вероятного присоединения Великобритании к его политическим целям договаривались «совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру».

Примечательно, что в Великобритании, политические круги которой видели в России и Франции своих основных соперников, отсутствовало единство в оценке того, насколько тесным и угрожающим интересам Лондона способно стать их сотрудничество. Пожалуй, наибольшее беспокойство испытывали колониальные деятели и публицисты, связанные с Британской Индией. Так, в ноябрьском номере авторитетного журнала «Найнтинс сенчури» Л. Гриффин, занимавший должности в англо-индийской администрации, писал о том, что «союз России и Франции направлен так же против Англии и ее восточной империи, как и против держав Тройственного союза». Дружба Парижа и Петербурга, с точки зрения Гриффина, не сулила ничего хорошего ни Тройственному союзу в Европе, ни английскому спокойствию и могуществу в Азии...» [15, р. 675, 680]. Еще раньше, в августе 1893 г., то же издание поместило статью Дж. Н. Керзона с красноречивым названием «Индия между двух огней», в которой автор призывал обратить внимание на русско-французское сближение, способное при определенных обстоятельствах стать для Британской империи «угрозой первой величины» [11, р. 177].

Более спокойно комментировала франко-русское сближение газета «Таймс». Так, например, в редакционной статье от 8 августа 1891 г. как «практически немислимое» представлялось партнерство

этих двух держав в достижении тех планов, которые, по мнению издания, были особенно лелеемы той или иной стороной. «Француз, верящий, что царь будет воевать с Германией за то, чтобы республика получила левый берег Рейна, находится в состоянии величайшего заблуждения. Точно так же, русские... обманываются, если считают, что Франция будет рисковать ради того, чтобы поддержать их восточную политику» [12]. Автор даже высказывал мысль о том, что, находясь в изоляции, такие страны, как Россия и Франция, могут быть склонны вынашивать более опасные планы, чем в ситуации, когда каждая из них берет обязательство действовать лишь в согласии с другой. Газета достаточно сочувственно, хотя и не без иронии, отнеслась к словам одного из венских изданий о том, что соглашение России и Франции составляет «вторую лигу мира». «Лигой мира» в то время в Великобритании порой называли Тройственный союз как комбинацию, сдерживающую представляющиеся угрожающими интересам Великобритании потенциальные устремления России и Франции. Однако ориентация исключительно на Тройственный союз сулила определенные неудобства для Лондона, что отразилось в утверждении парижского корреспондента газеты «Таймс», заметившего в октябре 1899 г., что франко-русский союз был всегда выгоден для Англии, позволяя ей играть на противоречиях двух блоков и заставляя их участников, в частности Германию, быть более сговорчивыми по отношению к Лондону [13].

В значительной степени оценки газеты относительно несовпадения интересов Франции и России представлялись справедливыми. Сотрудничество двух держав часто было ситуативным и ограниченным. Так, в начале 1898 г. на Певческом мосту констатировали, что «достигая наибольшей силы и крепости в вопросах собственно европейских, дружеские узы, связующие Россию и Францию, по мере удаления от центра нашего материка, постепенно ослабевают, на Ближнем Востоке встречая препятствия в унаследованных от прошлого несогласиях, а на Крайнем — оставляя Францию совершенно равнодушной к нашим интересам...» [цит. по: 7, с. 215]. В свою очередь Россия, не поощряя реваншистских устремлений Третьей республики, далеко не всегда спешила поддерживать и ее колониальные притязания, что отчетливо проя-

вилось в ходе Фашодского кризиса 1898 г. [1, с. 215–219]. А. Тартье охарактеризовал период с 1893 по 1902 гг. как время, когда «согласованным действиям союзников недоставало интенсивности и последовательности. Каждый из них заботился о своих собственных делах, хотя и извлекая пользу из той моральной поддержки, которую приносил союз» [21, р. 17].

Хотя французский дипломат рассматривал период конца XIX — начала XX вв. в функционировании франко-русского союза как единый, на рубеже столетий взаимные обязательства двух стран были несколько расширены. Так, 9 августа 1899 г. состоялся обмен письмами между министрами иностранных дел М. Н. Муравьевым и Т. Делькассе, из которого следовало, что военная конвенция между двумя странами, срок действия которой ранее был обусловлен существованием Тройственного союза, становилась бессрочной. В качестве же цели заключения соглашения декларировалось не только «поддержание всеобщего мира», но также и «равновесия европейских сил» [7, с. 304]. На рубеже веков начальники генеральных штабов России и Франции согласовали вопрос о взаимной помощи в войне против Великобритании. В случае нападения последней на Россию Франция обязывалась сосредоточить 100 тыс. человек на побережье Ла-Манша и угрожать вторжением на Британские острова. Английская агрессия против Франции обязывала Россию сосредоточить не менее 300 тыс. человек на границе с Индией и Афганистаном. Расширению военных обязательств соответствовало предоставление России французского займа на строительство железной дороги Оренбург — Ташкент, призванной облегчить подвоз войск к границам Индии [8, р. 124–125].

Исследователи по-разному оценивают значение этих событий в истории франко-русского союза. В работах отечественных специалистов они, как правило, не рассматриваются как отдельный этап. Так, В. И. Бовыкин и И. С. Рыбаченок в качестве определенной вехи в эволюции союза называли 1904 г., ознаменованный изменениями в расстановке сил великих держав в связи с заключением англо-французской Антанты. [2, с. 57; 7, с. 5]. В то же время П. Ренувен был склонен связывать с приходом в июне 1898 г. на пост министра иностранных дел Третьей республики Т. Делькассе

новый этап в развитии франко-русского союза. [20, р. 132]. Принципиальным, с точки зрения французского исследователя, являлось расширение сферы действия союза, которое подразумевалось соглашением 1899 г. В интерпретации Ренувена, в его основе лежала попытка Делькассе склонить Россию к изменению позиции по вопросу Эльзаса и Лотарингии, пообещав в обмен большую степень вовлеченности Франции в политику на Балканах. Это представляло собой отход от линии, которой придерживались предшественники Делькассе, М. Бертелло и Г. Аното, рассматривавшие Восточный вопрос как лежащий вне поля действия союзных обязательств. Дополнение военной конвенции протоколами, предполагаемыми совместные действия против Великобритании, Ренуven объясняет обострением англо-французских отношений в условиях англо-бурской войны. Отмечая новые черты в политике Делькассе по отношению к России, исследователь вместе с тем далек от утверждения о том, что изменения носили стратегический характер. Он считает вполне вероятным ситуативный характер подписанных на рубеже веков документов. [20, р. 133]. Важно, что попытку укрепить союз Делькассе предпринял на волне того тягостного впечатления, которое оказала прежде всего на командование французской армии, но и на политиков, рассчитывавших на Россию как на союзницу в возможной войне против Германии, инициатива российского императора созвать конференцию по сокращению вооружений, а также в условиях, когда было необходимо рассеять возможные сомнения Петербурга в союзоспособности Франции в связи с делом Дрейфуса.

Более подробно на анализе дипломатии Т. Делькассе останавливается британский исследователь К. Эндрю. Для него инициированное французским министром иностранных дел соглашение 1899 г. — это прежде всего реакция французского империализма на вызов германской мировой политики. По мнению Эндрю, Делькассе в тот момент ожидал краха Австро-Венгрии и безосновательно опасался русско-германского соглашения о ее будущем, которое позволило бы Второму рейху утвердить свои позиции в качестве средиземноморской державы. Воспрепятствовать такому сценарию развития событий была призвана «реанимация»

франко-русского союза, выразившаяся в обмене письмами между двумя министрами иностранных дел. В то же время К. Эндрю не оставляет без внимания и обретение союзом ясной антианглийской направленности, которая стала следствием опыта Фашодского кризиса и убежденности Делькассе в необходимости гарантировать более ощутимую поддержку со стороны России против Великобритании [8, р. 119–135].

Антианглийская направленность прослеживалась и в декларации России и Франции, с которой правительства обеих стран выступили в марте 1902 г. в связи с заключением англо-японского союза. Обращаясь в 1908 г., то есть уже после заключения Антанты, к факту обнаружения этой декларации, как и предшествовавшим случаям поддержки Парижем дальневосточных устремлений России, А. Тардьё трактовал ее как проявление слабости политики Франции, которая, подтолкнув Россию к войне с Японией, в то же время столкнулась с опасным вызовом со стороны Германии в период Марокканского кризиса и едва не поставила союз на грань краха. Для Тардьё было очевидно, что попытки расширения сферы действия союза на неевропейские вопросы противоречили его сути и главному назначению [21, р. 19–21]. Однако представляется, что в условиях конца XIX — начала XX вв. они объективно отражали как разновекторность политики каждой из великих держав, так и волатильность их комбинаций. Примечательно, например, что отчеты русского МИД констатировали в 1901 и 1902 г. тенденцию к франко-германскому сближению [АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 132. Л. 2; Д. 133. Л. 3, 4].

Заключение англо-французской Антанты в 1904 г. стало шагом от волатильности к большей жесткости группировок великих держав. Эту тенденцию высвечивают слова французского посла в Петербурге М. Бомпара, сообщавшего в Париж, что «если за англо-французским соглашением не последует англо-русское, то за ним последует русско-германское» [9, р. 28]. Сходную мысль высказывал Неклюдов, отметивший, что после Портсмутского мира русской политике «предоставлялись на выбор лишь два исхода — либо приступить к Англо-Французскому соглашению, либо решительно повернуть к Германии» [4, с. 16]. Замечания дипломатов, казалось бы,

позволяют ставить вопрос о кризисе, который переживал союз на том этапе. Действительно, с 1903 г. стала все более ощущаться разнонаправленность в политике двух стран: если Франция взяла курс на урегулирование разногласий с Великобританией, то англо-русские противоречия, напротив, обострялись прежде всего в связи с развитием событий на Дальнем Востоке. Николай II высказывал определенные предпочтения созданию континентальной комбинации держав, носившей антианглийскую направленность. Вместе с тем ценность сохранения франко-русского союза осознавалась в политико-дипломатических кругах обеих его участниц. Париж стремился не выбирать между Англией и Россией, а развивать отношения с обеими странами, способствуя их сближению. Ряд русских дипломатических документах свидетельствует о позитивном восприятии англо-французской Антанты. Так, посол в Лондоне А. К. Бенкендорф в ноябре 1904 г. писал В. Н. Ламздорфу о том, что «французская позиция в Англии полезна для русских интересов», а в отчете МИД за 1906 г. констатировалось, что укрепление «сердечного согласия» Англии и Франции является «в настоящий политический момент одним из важнейших устоев сохранения европейского мира» [АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 225. Л. 104 об. — 105; Ф. 137. Оп. 475. Д. 138. Л. 38].

Обращаясь к истории франко-русского союза после заключения Антанты, историки неизбежно рассматривают ее в контексте проблемы происхождения Первой мировой войны и порой приходят к выводу о том, что одна из союзниц вынудила воевать другую за свои интересы. При этом на вопрос о том, чьи же интересы — России или Франции — оказались в итоге доминирующими, даются разные ответы. Так, У. Лангер полагал, что посредством союза, а затем и Антанты Франция и Англия оказались втянуты в защиту русских интересов на Ближнем Востоке [18, р. 416–417]. Напротив, В. И. Бовыкин характеризовал период с 1904 по 1914 гг. как время, когда англо-германские противоречия вышли на первый план, франко-русский союз потерял свое самостоятельное значение, став инструментом для втягивания России в войну против Германии [2, с. 57]. Не солидаризируясь в полной мере ни с одной из точек зрения, отметим, что подобная постановка проблемы отражает

фактически произошедшее после 1907 г. расширение сферы действия франко-русского союза.

Безусловно, что в основе англо-французского и англо-русского сближения лежали разные причины. Если для Франции Антанта носила антигерманский характер, то для России приоритетом являлось урегулирование возможных поводов для конфликтов, закрепление существующих позиций в Центральной Азии, обеспечение передышки после поражения в войне с Японией, но в то же время недопущение того, чтобы согласие обрело выраженную антигерманскую направленность.

Однако после заключения Антанты европейская политика все в большей степени приобретала характер блокового противостояния. Этому способствовал как рост англо-германского антагонизма, так и во многом обусловившее его более активное проникновение Германии на Ближний Восток, расширявшее также область русско-германских противоречий. Эта тенденция сказывалась и на франко-русском взаимодействии. Некоторая степень неопределенности в отношении готовности союзников к активной взаимной поддержке оставалась, что проявлялось в период Боснийского и Второго Марокканского кризисов. В преддверии начала Балканской войны занимавший пост посла в Париже А. П. Извольский писал С. Д. Сазонову о существующей во Франции традиционной симпатии к Австро-Венгрии и весьма распространенном убеждении, что «из этой державы можно сделать противовес Германии». [4, с. 216]. Однако с началом Балканских войн русский дипломат констатировал «поворот умов» во Франции в пользу балканских государств и русской точки зрения [4, с. 292], а вскоре занимавший пост премьер-министра Франции Р. Пуанкаре выразил готовность признать вопрос о возможных приобретениях Австро-Венгрии на Балканах вопросом европейского равновесия, что часто рассматривается как предвестье французской поддержки России в период июльского кризиса. Примечательно, что предложения, направленные на то, чтобы посеять рознь среди Центральных держав, которые могли бы служить ослаблению межблокового размежевания, хотя и рассматривались в странах Антанты, не встречали поддержки со стороны тех, кто определял курс внешней политики. Раздельное существование

двух систем союзов — такова, по мнению британского исследователя Дж. Кигера, была внешнеполитическая установка, которой руководствовался Р. Пуанкаре [16, р. 649]. В этом вопросе глава французского правительства выражал солидарность с британским министром иностранных дел Э. Греем, отвергавшим проекты, нацеленные на то, чтобы привлечь Австро-Венгрию в стан Антанты [19, р. 247–248].

Решения Пуанкаре побудили исследователей задаться вопросом о роли субъективного фактора в политике. Его значение признавали современники. Пожалуй, наиболее отчетливо о его роли было заявлено в не раз цитированных дневниках занимавшего пост посла в России в период с 1910 по февраль 1913 г. Ж. Луи. Дипломат передавал запись своей беседы с С. Пишоном, в которой собеседники согласились в том, что, если бы Луи оставался послом в Петербурге, Пишон — на посту министра иностранных дел, а Елисейский дворец занимал А. Фальер, а не Пуанкаре, война бы не началась [3, с.52]. Не сбрасывая со счетов роль фактора личностей в истории, отметим, что Балканы становились средоточием европейского равновесия не по воле Пуанкаре. Характерно, что со времени Боснийского кризиса Германия проявляла готовность расширить свои обязательства в отношении Австро-Венгрии, рассматривая как соответствующую собственным интересам поддержку союзницы даже в наступательной войне на Балканах. Как писал Р. Жиро, исследовавший отношения России и Франции на Балканах в 1912 г., существовавшие различия в локальных интересах, которые, так же как и превосходившие их по значению общие выгоды от союза, до того времени лежали в основе двустороннего взаимодействия, фактически исчезли. Локальное слилось с глобальным, интересы России и интересы Франции, существовавшие отдельно друг от друга, растворились в общих интересах Тройственной Антанты. [14, р. 181]. Франко-русский союз сохранил декларированную ранее задачу поддержания европейского равновесия, однако элементами этого равновесия становились блоки, а не отдельные державы, что неизбежно предполагало расширение союзнических обязательств и более высокую угрозу общеевропейского конфликта.

Список литературы

1. Айвазян А. А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014. 306 с.
2. Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М.: Издательство Московского университета, 1961. 208 с.
3. Луи Ж. Записки посла: С прил. переписки Ж. Луи с Пуанкаре и Сазонова с Извольским и писем Пуанкаре, Пишона, Палеолога, Камбона и др. по поводу появления «Записок посла» / Пер. и коммент. С. А. Лопашова; Предисл. Е. А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1925. 88 с.
4. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего Императорского Российского министерства иностранных дел. М.: [б. и.], 1922. 733 с.
5. Огенис-Селиверстоф А. Франция — Россия — Германия (1878–1918) // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3 / отв. ред. П. Черкасов. М.: Наука, 2000. С. 149–165.
6. Ревякин А. В. История международных отношений в новое время: Учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2004. 262 с.
7. Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Ин-т истории СССР, 1993. 351 с.
8. Andrew C. Théophile Delcassé and the Making of the Entente Cordiale: A Reappraisal of French Foreign Policy 1898–1905. Palgrave: Macmillan, 1968. 330 p.
9. Bovykin V. I., Spring D. W. The Franco-Russian Alliance // History. 1979. Vol. 64, № 210. P. 20–35.
10. Clark C. The Sleepwalkers: how Europe went to war in 1914. New York: Harper, Kindle Edition, 2014. 698 p.
11. Curzon G. N. India between two fires // Nineteenth Century. 1893. № 198. P. 177–186.
12. [Editorial] // Times. 1891. 8 Aug. P. 9.
13. Europe and the War (from our Paris Correspondent.) // Times. 1899. 26 Oct. P. 13.
14. Girault R. Les Balkans dans les relations franco-russes en 1912 // Revue Historique. T. 253, № 1 (513). P. 155–184.
15. Griffin L. England and France in Asia // Nineteenth Century. 1893. № 201. P. 673–687.
16. Keiger J. Jules Cambon and Franco-German Détente, 1907–1914 // The Historical Journal. 1983. Vol. 26, № 3. P. 641–659.

17. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1995. 912 p.
18. Langer W. The Franco-Russian Alliance. 1890–1894. Cambridge: Harvard University Press, 1929. 455 p.
19. Poincaré R. Au service de la France, neuf années de souvenirs. T. 1: Le lendemain d'Agadir. 1912. Paris: Plon-Nourrit, 1926. 391 p.
20. Renouvin P. Les relations franco-russes a la fin du XIXe et au début du XXe siècle: Bilan des recherches // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1959. Vol. 1, № 1. P. 128–147.
21. Tardieu A. France and the Alliances. The Struggle for the Balance of Power. New York: Macmillan, 1908. 314 p.

Romanova E. V.

PhD (in History), History Faculty, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History

FRANCO-RUSSIAN ALLIANCE IN THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The article deals with the functioning of the Franco-Russian alliance in the late XIX – early XX centuries analyzed in the context of the problem of polarization of the system of international relations on the eve of the First World War. The author concludes that despite the signing of the military convention of 1892, reflecting the trend towards polarization, cooperation between Russia and France in the late XIX – early XX centuries was often situational and limited in nature and did not exclude for each of them the creation of political combinations with states outside the alliance. Despite the existence of fairly strong military-political blocs, flexible and temporary alignments of European powers also remained the reality of European politics. However, after the conclusion of the Entente, European politics increasingly acquired the character of a block confrontation. The Franco-Russian alliance retained the previously declared task of maintaining European equilibrium, but blocs, not individual powers, became elements of this equilibrium, which inevitably implied an expansion of allied obligations and a higher threat of a pan-European conflict.

Keywords: Dual Alliance, Entente, Origins of the First World War, Franco-Russian relations, alliance system

А.И. Остапенко

**ОТ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО АЛЬЯНСА
НАЧАЛА 90-х ГОДОВ XIX ВЕКА
К СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОМУ ДОГОВОРУ
10 ДЕКАБРЯ 1944 ГОДА**

В статье рассматриваются основные этапы взаимоотношений царской, а затем Советской России/СССР с Французской Республикой в период от образования русско-французского союза в начале 90-х гг. XIX в. до подписания в Москве 10 декабря 1944 г. советско-французского договора о союзе и взаимной помощи. На основе документов автор проводит мысль о том, что союзнические отношения с Россией способствовали процветанию Франции, а отход от этой линии в 1937–1939 гг. стал причиной ее капитуляции в июне 1940 г. перед лицом гитлеровской Германии. Восстановление Францией статуса великой державы, присутствие ее в лагере победителей во Второй мировой войне, получение зоны оккупации в Германии и места постоянного члена Совета Безопасности ООН — все это стало возможным лишь благодаря поддержке И. В. Сталиным организации генерала де Голля. Со своей стороны, Советский Союз получил в лице Франции определенный противовес Соединенным Штатам и Великобритании на международной арене.

Ключевые слова: генерал де Голль; И. В. Сталин; Франция; СССР; советско-французский договор о союзе и взаимной помощи.

Вершиной российско-французского сближения в XIX в. стал русско-французский союз. Он сложился в 1891–1893 гг. Образование альянса было вызвано возросшей опасностью со стороны объединившейся Германии, сформировавшей совместно с Италией и Австро-Венгрией Тройственный союз, направленный против Франции и России.

В результате подписания договора и военной конвенции Франция обрела верного союзника в лице царского, а затем и Временного правительств, а на Россию обрушился поток инвестиций, приведший к небывалому экономическому росту в 1910–1912 гг. В итоге Франция оказалась в лагере победителей в Первой мировой войне, а Россия получила революцию, распад и национальную катастрофу.

Было бы неправильно утверждать, что к трагедии России привел союз с Францией. Причины намного сложнее и глубже. Очевидно, что Россия как крупная мировая держава в любом случае не могла остаться в стороне от мировой бойни. Конец русско-французскому альянсу положила Октябрьская революция 1917 г.

Война и революция оставили в наследство бывшим союзникам классовую ненависть, довоенные и военные долги, национализированную иностранную собственность и память об интервенции.

Попытка стабилизировать мировую экономику, предпринятая Верховным советом Антанты в начале 1922 г. привела к созыву весной 1922 г. Генуэзской конференции. Впрочем, взаимопонимания достигнуть не удалось ни в Генуе, ни позже в Гааге. Ситуация оказалась еще больше запутанной.

При этом в ходе Генуэзской конференции в местечке Рапалло наркомом по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин и министром иностранных дел Германии В. Ратенау был подписан договор, который создал прецедент отказа от военных реквизиций, репараций и национализированной собственности. В результате был создан неприятный для Франции вариант решения особо болезненных для нее вопросов.

Другой негативной стороной соглашения в Рапалло для французов могла стать и стала перспектива военного сотрудничества и сближения Германии и Советской России. В Париже прекрасно понимали, что возрожденная Парижским миром Польша вряд ли сможет заменить Россию в противостоянии Германии на востоке.

Установление дипломатических отношений между СССР и Францией осенью 1924 г. не устранило накопившихся между сторонами противоречий. Париж в это время стремился выстроить систему безопасности собственной страны, гарантировав Францию от нападения Германии в будущем. Для этого французским правительством были подписаны в 1921 г. политический и военный договоры с Польшей.

Еще в период советско-польской войны 1920 г. французское правительство направило в Варшаву миссию военных советников, которые должны были оказать помощь полякам. В феврале в Париже прошли переговоры начальника польского государства

Ю. Пилсудского и президента Французской Республики А. Мильерана. По итогам встречи был подписан ряд документов. Среди них политический и военный договоры, подписанные соответственно 19 и 21 февраля 1921 г. (Оба договора должны были войти в силу после подписания 6 ноября 1922 г. экономического соглашения. Произошло это в результате обмена ратификационными грамотами 27 июня 1922 г.)

Впоследствии документы были детализированы в двусторонних договорах: секретном военном соглашении от 27 апреля 1922 г., в военной конвенции от 15 сентября 1922 г., в дополнении к ней от 12 мая 1923 г. и, наконец, в гарантийном договоре, заключенном сторонами 16 октября 1925 г. в Локарно.

Общий смысл имевших место обязательств сводился к следующему: стороны обязывались действовать согласованно в случае неспровоцированного нападения на одну из них, отдельно оговаривалась помощь Польше со стороны Французской республики при возникновении вооруженного конфликта между Польшей и РСФСР, а также взаимная военная помощь при нападении Германии на Польшу или Францию. Документы изобиловали многочисленными оговорками. Локарнские соглашения 1925 г. в значительной степени снизили действенность подписанных документов поскольку обусловили помощь Польши действиями Лиги наций.

В 1924 г. между Францией и Чехословакией без указания продолжительности действия был заключен договор о союзе и дружбе, предусматривавший проведение консультаций в случае возникновения угрозы безопасности сторон и международному порядку, установленному Версальским и другими договорами, заключенными по итогам Первой мировой войны и двусторонними соглашениями. Стороны обязывались в случае возникновения угрозы аннексии Австрии со стороны Германии не допустить этого путем совместных действий. В дополнение к документу был подписан двусторонний франко-чехословацкий пакт о взаимных гарантиях, ставший в 1925 г. частью Локарнских соглашений.

На проходившей в Швейцарии в Локарно с 5 по 16 октября 1925 г. международной конференции с участием министров иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии,

Франции, Польши и Чехословакии были подготовлены и подписаны в начале декабря 1925 г. в Лондоне Локарнские договоры. Они включали: 1) Рейнский гарантийный пакт между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, 2) арбитражные соглашения между Германией и Францией, Германией и Бельгией, 3) арбитражные договоры между Германией и Польшей, Германией и Чехословакией и, наконец, 4) договоры о гарантиях между Францией и Польшей, Францией и Чехословакией.

Согласно Пакту государства, поставившие свои подписи под документом, обязывались соблюдать положения, зафиксированные Версальским договором 1919 г., то есть гарантировать границы между Германией и Бельгией, Германией и Францией, а также демилитаризацию Рейнской области. Спорные вопросы подлежали урегулированию согласно арбитражным соглашениям. Стороны взяли на себя обязательства не нападать друг на друга. В случае нарушения Пакта одной из стран его участники должны были помочь стороне жертве неспровоцированной агрессии.

Договоры о гарантиях между Францией и Польшей, Францией и Чехословакией обязывали Францию по решению Лиги наций, которое во многом зависело от Англии, помогать Польше и Чехословакии в случае нападения на них Германии. То есть в отличие от границ Германии с Францией и Бельгией, гарантированных Пактом, гарантии неприкосновенности границ Германии с Польшей и Чехословакией были весьма условными.

Потепление между СССР и Францией началось в начале 30-х гг., когда в 1932 г. в Париже на неопределенный срок с возможностью денонсации одной из сторон по прошествии двух лет был подписан советско-французский договор о ненападении. Такого рода соглашения являлись обычной практикой того времени.

Приход в 1933 г. А. Гитлера к власти в Германии заставил Париж и Москву задуматься о более тесном взаимодействии. В конце 1933 г. стороны выступили с инициативой создания «Восточного пакта», призванного гарантировать незыблемость восточных границ Германии. Однако Германия и Польша заявили о своем нежелании участвовать в таком договоре. В результате по предложению СНК Советский Союз и Франция заключили протокол о заинтересован-

ности держав в таком соглашении. В декабре 1934 г. к протоколу присоединилась Чехословакия. Однако этого было явно недостаточно. К тому же вскоре стало очевидным, что вследствие негативной позиции Германии идею о «Восточном пакте» реализовать не удастся.

Связанное с усилением Германии нарастание напряженности в Европе подтолкнуло советское и французское правительства к заключению в Париже 2 мая 1935 г. договора о взаимной помощи сроком на пять лет с возможностью продления неопределенное количество раз до того времени, пока одна из сторон не заявит о своем желании его денонсировать. Это был уже более серьезный документ, предусматривавший в случае нападения на одну из сторон третьего государства не только организацию консультаций, а оказание немедленной военной помощи даже при отсутствии соответствующего решения Совета Лиги наций. Одновременно предусматривалось сохранение в силе прежних обязательств и необходимость подписания более широкого соглашения о взаимопомощи. 16 мая 1935 г. в Праге был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи аналогичного содержания, но предусматривавший ряд оговорок, ослаблявших его действенность.

Создаваемая Францией системой европейской коллективной безопасности оказалась сложной и вследствие этого малоэффективной. Среди правительств ведущих европейских держав возобладало мнение, что на пути уступок гитлеровской Германии можно обрести не только собственную безопасность, но и направить ее агрессию на восток против СССР. Эта политика получила название политики «умиротворения агрессора». Она привела Францию в сентябре 1938 г. к Мюнхену, в сентябре 1939 г. — к вступлению во Вторую мировую войну, а в июне 1940 г. — к национальной катастрофе. 22 июня 1940 г. французское правительство капитулировало.

Гитлер разделил Францию на две зоны. Северная часть страны, включая Париж, была оккупирована. В Южной зоне сохранялась иллюзорная власть правительства маршала А. Ф. Петэна, обосновавшегося в курортном городке Виши.

Однако не все французское общество поддержало Петэна. Все больше взоров обращалось к генералу де Голлю, который в июне 1940 г. встал в Лондоне во главе движения «Свободная Франция».

После нападения Гитлера на Советский Союз СССР, Великобритания и США стали союзниками в войне против держав «оси». У трех участников по антигитлеровской коалиции была общая цель — разбить фашистских агрессоров, но задачи войны и перспективы устройства послевоенного мира нередко понимались по-разному. Великобритания и США стремились устранить с мировой арены опасного конкурента и расширить свое влияние на новые регионы Европы, Азии и Африки. СССР защищал свое социалистическое Отечество и боролся за независимость и свободу народов, подпавших под власть гитлеровских захватчиков.

В связи с этим советское правительство поддерживало патриотические силы на поработанных территориях, выступающие против фашистского «нового порядка». При этом Франции придавалось особое значение. Во-первых, в связи с тем, что на французской земле практически с первых месяцев оккупации развернулось движение Сопротивления, в котором большую роль играли французские коммунисты. Во-вторых, территория Франции представляла собой удобный плацдарм для открытия второго фронта на Западе [2, с. 314–333; 7, с. 230–232].

В 1940 г. взаимоотношения де Голля с главой британского правительства У. Черчиллем, а также с американским президентом Ф. Рузвельтом [6, р. 99] оставались сложными. Нападение Германии на СССР открыло перед генералом новые перспективы.

Глава «Свободной Франции» понимал, что участие СССР в войне ускорит разгром гитлеровской Германии, а в будущем И. В. Сталин наряду с лидерами Великобритании и США будет играть одну из главных ролей в устройстве послевоенного мира. Кроме того де Голль, по его собственным словам, стремился найти в лице СССР «некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам» [1, с. 250].

Уже 24 июня 1941 г. де Голль дал своему представителю в Лондоне указание обратиться к Майскому и заявить, что его организация желает установить военное сотрудничество с Москвой в борьбе с Гитлером [1, с. 652].

После разрыва режимом Виши дипломатических отношений с Советским Союзом [1, с. 44; 2, с. 147–158; 6, с. 144–158] в августе

1941 г. советское правительство согласилось «установить с де Голлем официальные отношения на той же базе, как установлены отношения между Англией и де Голлем»¹.

За 1941–1944 гг. благодаря неумемной энергии самого де Голля и последовательной поддержке советского правительства лидеру свободных французов, преодолев жесткое противодействие У. Черчилля и особенно Рузвельта, удалось пройти путь от малоизвестного генерала до главы Временного правительства Французской республики, которое в начале ноября 1944 г. получило право в качестве четвертого постоянного члена принять участие в работе Европейской консультативной комиссии (ЕКК), призванной решать судьбу Германии.

Идея долговременного франко-советского союза зародилась у де Голля еще в начале войны [8, с. 165–166, 252–254, 257–259; 9, с. 116–118, 138–139]. В поисках союзника в противостоянии англо-американскому блоку и стремясь найти свое место в коалиционной тройке 2 декабря 1944 г. по приглашению советского правительства де Голль прибыл в Москву. В тот же день начались официальные переговоры [3, с. 35–42; 4, с. 66–71].

Еще до встречи с французским лидером Сталин предположил, что «французские друзья... поставят два вопроса:

1. О заключении франко-советского пакта о взаимопомощи, аналогичного с англо-советским пактом...
2. ...об изменении восточной границы Франции с расширением французской границы до левого берега Рейна...» [9, с. 156].

В период пребывания де Голля в советской столице состоялось четыре его встречи со Сталиным — 2, 3, 6 и 8 декабря.

¹ 23 июня 1940 г. английское правительство опубликовало заявление о том, что оно не признает независимого характера правительства Виши, а 28 июня признало де Голля «главой всех свободных французов, которые, где бы они не находились присоединяются к нему для защиты дела союзников». 7 августа 1940 г. между де Голлем и английским правительством было подписано соглашение, определяющее порядок формирования французских вооруженных сил и характер отношений с правительством Англии. В ведение де Голля были переданы находившиеся в Англии французские воинские части.

В беседе 2 декабря с де Голлем о заключении франко-советского пакта о взаимопомощи, аналогичного англо-советскому... Сталин «указал ...на необходимость выяснения ... о том, кто будет ратифицировать такой пакт во Франции в настоящих условиях» [9, с. 167]. Что же касается территориального вопроса, то руководство СССР полагало, что довоенные границы Франции в Европе не должны были претерпеть существенных изменений. Впрочем в процессе его обсуждения советские руководители предпочли уклониться от прямого ответа, сославшись на необходимость консультации с Англией и США.

Одним из принципиальных моментов в переговорах являлась судьба послевоенной Польши, в которой советское руководство хотело бы иметь дружественное по отношению к Советскому Союзу правительство. Советская сторона настаивала на налаживании отношений Временного правительства Франции с просоветским Люблинским комитетом, созданным в июле 1944 г. в Москве и продолжившим свою деятельность на освобожденной советскими войсками территории Польши в городе Люблине. При этом СССР допускал сохранение связей французов с польским эмигрантским правительством, находящимся в Лондоне, а лишь предлагал Парижу обменяться официальными представителями с Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) [9, с. 172–173]. Это должно было стать базой для подписания обсуждаемого договора.

По вопросу о восточной и западной границах Польского государства разногласий не было. Что же касается обмена официальными представителями с ПКНО, то французская сторона предложила, чтобы в Люблине при Польском комитете национального освобождения находились два французских офицера для заботы о французских военнопленных, а в Париже находился представитель Польского комитета с теми же полномочиями [9, с. 171]. Иначе говоря, прерогативы представителей значительно ограничивались.

Де Голль в польском вопросе не уступил. Он отстаивал общую для Великобритании, США и Франции позицию, стремясь привести к власти в Варшаве лондонских поляков.

В свою очередь Сталин, понимая, что Польша будет занята советскими войсками, дальновидно не обуславливал подписание

советско-французского договора с урегулированием польского вопроса. В итоге советскому лидеру удалось реализовать свой план.

Переговоры завершились 10 декабря подписанием советско-французского договора о союзе и взаимной помощи [9, с. 108–110].

Советский Союз и Франция обязались «довести совместно и до конца войну против Гитлера и совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии». Стороны приняли решение сотрудничать в деле создания международной системы безопасности для поддержания всеобщего мира. Обе державы приняли на себя также обязательство не заключать какого-либо союза и не участвовать в какой-либо коалиции, направленной против одной из сторон [Там же]. Подписание этого документа знаменовало собой новый этап сотрудничества между двумя государствами. Он отвечал интересам двух стран как в борьбе против фашизма, так и в устройстве послевоенного мира.

Договор 10 декабря 1944 г. определял внешнюю политику двух государств в решении ряда главных международных проблем и особенно в германском вопросе, где интересы СССР и Франции совпадали. Идя на подписание договора, де Голль показал себя дальновидным государственным деятелем, понявшим, в чем состоят жизненные интересы его страны.

В конце декабря 1944 г. стороны ратифицировали подписанный документ.

По итогам Второй мировой войны Франция оказалась в числе победителей, вернув себе статус великой державы. Ее представитель присутствовал при подписании Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Страна получила свою оккупационную зону, стала постоянным членом Совета Безопасности ООН. Эти успехи вряд ли были возможны без благожелательной позиции СССР.

Выгоды Советского Союза не столь очевидны. В годы холодной войны Франция стала членом НАТО. И все же страна занимала в Североатлантическом договоре особую позицию, которая отчасти была обусловлена плодотворным сотрудничеством двух государств в годы Великой Отечественной войны.

Анализ двусторонних отношений показывает, что сближение России и Франции происходит при появлении угрозы со стороны

Германии. Вместе с тем за прошедшие после Второй мировой войны годы мир сильно изменился. Германия больше не угрожает Европе. Но появились новые опасности, которые в будущем снова могут поставить вопрос о более близком сотрудничестве.

И последнее. Видимо, личность И. В. Сталина в свое время произвела на де Голля сильное впечатление. Не случайно, когда он приехал в 1966 г. в Москву с официальным визитом, одним из его неформальных обращений к советскому руководству стала просьба о посещении могилы генералиссимуса. Власти СССР пошли на встречу французскому президенту.

Список литературы

1. Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 822 с.
2. Документы сотрудничества Виши с гитлеровской Германией // Международная жизнь. 1959. № 9. С. 147–158.
3. Дюкло Ж. Мемуары. Т. 1 (1896–1952). М.: Политиздат, 1974. 799 с.
4. Молчанов Н.Н. Внешняя политика Франции 1944–1954. М.: Госполитиздат, 1959. 404 с.
5. Молчанов Н. Н. Четвертая республика. М.: Соцэкгиз, 1963. 607 с.
6. Новые документы сотрудничества Виши с гитлеровской Германией // Международная жизнь. 1959. № 8. С. 144–158.
7. Смирнов В. П. Движение Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны. М.: Мысль, 1974. 327 с.
8. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М.: Политиздат, 1983. 431 с.
9. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. 1944–1945. М.: Политиздат, 1983. 573 с.
6. Ledwidge B. De Gaulle. London, Weidenfeld & Nicolson, 1982. 418 p.

Ostapenko Alexander Ivanovich,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, Moscow

FROM THE RUSSIAN-FRENCH ALLIANCE OF THE EARLY 90s OF THE XIX CENTURY TO THE SOVIET-FRENCH TREATY OF DECEMBER 10, 1944

The article deals with the main stages of relations between tsarist and then Soviet Russia / USSR with the French Republic in the period from the formation of the Russian-French alliance in the early 90s of the XIX century to the signing in Moscow on December 10, 1944 of the Soviet-French Treaty of Alliance and Mutual Assistance. On the basis of the documents, the author suggests that allied relations with Russia contributed to the prosperity of France, and the departure from this line in 1937–1939 caused its shameful surrender in June 1940 in the face of Hitler's Germany. The restoration of France's status as a great power, its presence in the camp of the victors in World War II, the acquisition of the zone of occupation in Germany and the seat of a permanent member of the UN Security Council — all this became possible only thanks to the support of Stalin of the organization of General de Gaulle. For its part, the Soviet Union received in the face of France a certain counterweight to the United States and Great Britain in the international arena.

Keywords: General de Gaulle, J. V. Stalin, France, USSR, Soviet-French Treaty of Alliance and Mutual Assistance, Moscow

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

А. В. Бодров

ИЗУЧАЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СОЮЗНИКА? РУССКАЯ АРМИЯ В ДОНЕСЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В 1870-е гг.

Статья посвящена оценкам русской армии французских военных представителей в Петербурге в 1870-е гг. В ней предпринята попытка оценить то, воспринималась ли русская армия уже в эти годы в качестве потенциального союзника против Германии. Автор отмечает, что на смену общего восприятия России в Париже повлияла благожелательная Франции позиция русской дипломатии. В равной мере после 1871 г. Россия и Франция перестали воспринимать друг друга в качестве потенциальных противников, что открывало путь к более доверительному и тесному военному сотрудничеству. Пусть потепление русско-французских отношений было пока и далеко от любых формальных обязательств, для французских военных интерес к возможностям русской армии с самого начала не был чисто академическим. В числе их задач была и оценка способности русской армии оказать помощь Франции в случае очередного франко-германского конфликта. Они не скрывали от своего руководства многочисленных проблем, с которыми столкнулась бы в этом случае русская армия. Вместе с тем, в условиях ухудшения русско-германских отношений в конце 1870-х гг. демонстрация взаимных симпатий между русскими и французскими военными стала приобретать и определенное политическое значение.

Ключевые слова: Третья республика; Российская империя; русская армия; франко-русское сотрудничество; военные представители.

Поражение в войне 1870–1871 гг. надолго ослабило позиции Франции в Европе. Первое послевоенное десятилетие для страны было отмечено острой внутривнутриполитической борьбой, кардинальной реорганизацией армии и попытками преодолеть дипломатическую изоляцию. В отечественной историографии это десятилетие

также традиционно рассматривается как первый этап на пути к русско-французскому союзу [1, с. 13–14]. На изменение восприятия России руководством Третьей республики повлияла позиция русской дипломатии на заключительном этапе франко-германской войны 1870–1871 гг. Петербург тогда вполне недвусмысленно высказался против аннексии Эльзаса и Лотарингии Германией, подерживая тезис о том, что это породит постоянную угрозу миру в Европе [2, с. 159, 186; 4, с. 298–299.]. В начале 1870-х гг. российский канцлер А. М. Горчаков не только допускал мысль о мирной частичной ревизии Франкфуртского договора, но и неоднократно призывал Францию «быть сильной» во имя европейского равновесия. Эта установка проявилась и в моральной поддержке, которую Париж получал в эти годы от Петербурга в условиях частых обострений франко-германских отношений.

Все это потенциально открывало новые возможности и для франко-русского военного сотрудничества. Автор ставит своей задачей очертить общий образ русской армии в оценке французских военных представителей в России, не уходя в детальное описание русской военной реформы 1870-х гг. В центре внимания будут только те аспекты, которые позволяют ответить на вопрос о том, в какой мере французские представители видели в России потенциальную союзницу против Германии. Центральное место при этом будет уделено оценкам французского военного атташе в Петербурге (1873–1878 гг.) полковника Луи Гайара. Важно отметить и роль нового посла Французской республики в Петербурге (1871–1879 гг.) генерала Адольфа Леффло, видевшего главной целью своей миссии именно «настолько глубокое, насколько позволят здешние обстоятельства» изучение русской армии [Донесение Леффло от 29 августа 1871 г. // Service historique de la défense / Département de l'Armée de Terre (SHD/DAT). 7 N 1465].

Важно отметить, что задача с самого начала не была простой. Во-первых, военные уставы в России, как быстро убедились французы, часто оставались «мертвой буквой». Жаловался Леффло и на тягостный церемониал, который окружал в России иностранных представителей и не давал им нужной свободы наблюдений. Не проливали свет на положение дел и светские беседы. Имевшие

доступ к секретам русские офицеры, отмечал посол, считали долгом соблюдать крайнюю сдержанность и скрытность, а «прочие ничего не могут прояснить вследствие неведения, которое достигает пределов мыслимого». Огромной проблемой, наконец, оставалась невозможность быстрого освоения русского языка. [Отчет Лефло от 18 сентября 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Лефло сетовал и на то, как трудно было дать связную картину состояния русских вооруженных сил «посреди горячки преобразований по следам нашей злополучной войны, охватившей Россию, возможно, более чем какую-либо другую нацию в Европе» [Донесение Лефло от 3 февраля 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Любая картина русской армии в этой ситуации была обречена на постоянные коррективы. Французский военный представитель в Петербурге полковник Гайар, в свою очередь, охотно цитировал слова французского писателя А. Леруа-Болье о том, что русский народ словно «покинул один берег и не достиг еще другого <...> и нельзя выразиться удачней в том, что касается, в частности, [русской] армии» [Донесение Гайара от 25 декабря 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. В апреле 1875 г. Гайар все так же констатировал: в нынешнем положении вещей «судишь скорее по тенденциям, чем по утвержденным уставам, по надеждам или планам, чем по реально достигнутому» [Донесение Гайара от 18 апреля 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

В силу этого русская армия, вопреки утверждению советского историка А. З. Манфреда [1, с. 36], едва ли могла служить «образцом» для реорганизации французской армии. Члены различных французских комитетов и комиссий, занимавшихся разработкой новых военных законов, постоянно апеллировали к германскому опыту, но не демонстрировали столь же глубоких познаний относительно русской армии. О том, что «новая организация русской армии еще не завершена и недостаточно известна», чтобы служить в дебатах доводом «за» или «против», обмолвился в ноябре 1872 г. на одном из заседаний Высшего военного совета и тогдашний французский военный министр Эрнест Сиссе [5, р. 160].

И все же изучение русского опыта имело несомненный интерес для Парижа в ряде практических вопросов. Интерес к применению

бронированных башен при модернизации укреплений Кронштадта, например, диктовался усилиями французов по созданию оборонительной системы на новой границе с Германией. Не случайным было и изучение Гайаром с привлечением помощников-специалистов коннозаводческого дела в России в свете введенного в марте 1875 г. Германией эмбарго на вывоз лошадей во Францию, призванным задержать ее военную реорганизацию. Большое внимание французских военных привлекал также недавно выстроенный Петербургский патронный завод — один из самых мощных и современных в Европе. Любопытно, что в эти годы французское военное министерство воздерживалось от отправки в Россию специалистов, имя которых было «слишком хорошо известно немцам» и могло поэтому «вызвать некоторую подозрительность» [Сиссе — Борелю, 30 апреля 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Гайар и сам отмечал, что за его деятельностью в России пристально следили в германском посольстве [Донесение Гайара от 18 апреля 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Французские представители были не менее внимательны к изъяснениям русской военной организации. Первый общий обзор русской армии, подготовленный в апреле 1872 г. помощником военного атташе полковником Барри, содержал следующий категоричный вывод: России на пути реорганизации приходилось преодолевать больше трудностей, чем кому бы то ни было, «она более всех отстает на пути общего прогресса», и что касается самой русской армии, то ее «внешняя сторона красива, иной раз можно даже найти ее блестящей; но внутри — пустота, и утечет еще немало лет, прежде чем эта пустота заполнится» [SHD/DAT. 7 N 1465]. Полгода спустя, однако, генерал Лефло счел нужным уточнить первоначальный образ: «Нет, Россия не тот колосс, каким ее некоторые желают видеть; но этот колосс, уменьшенный до своих подлинных размеров, тем более не является колоссом на глиняных ногах, каким его изображают другие» [Отчет Лефло от 18 сентября 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Французские наблюдатели существенно корректировали первоначальные оценки и в ряде других случаев. Например, в 1871 г. французский посол сетовал на то, как мало ценных наблюдений

можно было вынести из присутствия на летних маневрах в России: «это гвардия и одна лишь гвардия, и многие, похоже, полагают, что разница между гвардией и линейными частями столь значительна, какой бы ей быть не следовало» [Донесение Лефло от 29 августа 1871 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Несколько лет спустя полковник Гайар, напротив, подчеркивал ошибочность весьма распространенного в Европе мнения, что «за исключением того, что иностранцам показывают в Петербурге, в России армия очень слаба». Увиденное им в Москве, Варшаве, Вильно, Киеве и Великом княжестве Финляндском заставляло заключить, что сбрасывать со счетов линейные части было бы «серьезным просчетом», и что они «составляют вполне грозную военную силу» [Донесение Гайара от 25 марта 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Проводившийся французами анализ боеспособности русской армии показывал, что она была далека от готовности к войне. Они не обманывались официальной цифрой в 1,375 млн солдат, которых Россия на бумаге могла выставить до введения всеобщей воинской повинности. В реалиях все более молниеносных военных кампаний Россия в гипотетической войне с Австро-Венгрией или Германией могла рассчитывать, согласно оценкам французов, лишь на 580 тыс. человек: 460 тыс. главной армии, сосредоточенных по линии Вильно — Варшава — Киев, и 120 тыс. резервной армии (Санкт-Петербург — Казань) [Отчет Лефло от 18 сентября 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Лишь после введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности Россия по прошествии 7–10 лет должна была оказаться в состоянии выставить до 2 млн человек в случае войны [SHD/DAT. 7 N 664].

Гайар ставил под сомнение и оценки русского Генерального штаба в том, что касалось сроков мобилизации. Он уже успел убедиться, что в России «сталкиваешься с гарантированной точностью скорее редко, чем часто». Например, на бумаге I армейскому корпусу отводилось на мобилизацию 15 дней. Однако по расчетам Гайара выходило, что за это время корпус не успевал не только пополнить всем необходимым парки и обеспечить себя транспортными средствами, но даже завершить комплектование резервистами. Реальный срок, к которому корпус был «целиком и полностью готов к бо-

евым действиям», французский представитель определял в 27 дней после начала мобилизации. Еще больше времени должна было потребовать мобилизация гвардейского корпуса. Гайар констатировал, что в России «потребности быстрой мобилизации не считаются среди вопросов, которыми занимаются наиболее активно» [Донесение Гайара от 18 мая 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1466].

Эти и многие другие детали, зафиксированные в регулярных донесениях французских представителей, заставляли их осторожно оценивать способность России оказать на практике помощь Франции в случае ее очередного столкновения с Германией. Как предельно откровенно заявлял в начале 1872 г. полковник Барри, «русская армия — в том состоянии, в котором она находится сейчас — не может претендовать на победоносный исход борьбы с германской армией» [Aperçu d'ensemble de l'armée Russe, avril 1872 // SHD/DAT. 7 N 1465]. После развязки «военной тревоги» 1875 г. к оценке положения, в котором оказалась бы русская армия, «если бы ей завтра пришлось столкнуться с полностью готовым и деятельным противником», обратился и Гайар. Он указал Парижу на «огромные пробелы в том, что касается мобилизации, транспорта, фортификационных сооружений» как на самые слабые места русской армии вне зависимости от того, пришлось бы ей действовать наступательно или оборонительно. Военному атташе казалось правильным в этой связи занять «золотую середину» между «чрезмерной уверенностью, которую, могло быть соблазнительно питать сегодня на счет немедленного вмешательства русской армии, и противоположным впечатлением, которое, как мне казалось, было наиболее распространено во Франции несколько месяцев назад» [Донесение Гайара от 15 мая 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Примечательно в этой связи, что Гайар посвятил немало времени оценке настроений в России. Он не скрывал, что в середине 1870-х гг. французский военный представитель в Петербурге существенно проигрывал положению своего германского и австро-венгерского коллеги. Примечательным контрастом служила и бесконечная вереница германских офицеров, прибывавших в российскую столицу в составе различных миссий. Однако Гайар неоднократно уверял Париж «в беспорных симпатиях» к Франции

в русской армии и охотно противопоставлял их примерам проявленной антипатии к немцам.

Гайар находил также важные подтверждения тому, что французские офицеры пользовались в Петербурге все большим доверием. В ответ на одно из его обращений к российским военным властям ему было открыто сказано, что «Вас здесь не считают в качестве вероятного противника и для Вас тут сделают то, что не захотели бы сделать для всех Ваших коллег». Единственным условием было избегать официальных запросов, о которых стало бы известно другим иностранным представителям. Гайару было дано «вполне официальное обещание», что в случае направления в Петербург со специальной миссией французского специалиста, тому будет сообщено все, что «ему будет интересно узнать». Подобный «режим наибольшего благоприятствования» распространялся и на новейшие укрепления в Кронштадте, при условии соблюдения французами «полнейшей конфиденциальности и секретности» [Донесение Гайара от 10 мая 1874 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Самому Гайару позволили не только посетить стройку на форте Константин, но и ознакомиться с планами. Любопытно, что британский военный представитель капитан Уэллсли, напротив, долгое время не мог добиться такой возможности.

Серьезный удар по этой идиллической картине, однако, нанес тост Александра II за здоровье Вильгельма I и «героическую германскую армию», провозглашенный императором 6/18 августа 1873 г. в ходе летних маневров русской армии в Красном Селе на полковом празднике лейб-гвардии Преображенского полка. Для французов этот тост имел политическое значение, поскольку прозвучал в годовщину битвы при Гравелот — Сен-Прива. Ни Гайар, ни его помощник капитан де Местр в тот момент не были за императорским столом. Военный атташе предполагал, что он не случайно получил приглашение великого князя Николая Николаевича посетить его штаб именно в этот день. Примечательно, что Гайар пытался сгладить возможное впечатление в Париже. Он был склонен трактовать тост Александра II не только как «проявление личных чувств», но и как расчетливый ход «правителя, который считается с военной мощью соседа»; правителя, чья «армия и страна

переживают полную трансформацию», и который «не видит в данный момент никакой возможной помощи извне» [Донесение Гайара от 1 сентября 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Тем не менее, этот эпизод был воспринят в Париже серьезно. Он заставил французское военное министерство неизменно призывать Гайара в дальнейшем к сдержанности и осторожности. Здесь полагали, что «никогда не стоит полагаться на внешнюю сторону, сколь бы приятной она ни была», и все выраженные симпатии к Франции в любом случае «не могут, по крайней мере, в настоящий момент, принести какие-либо плоды» [Пометы на полях к донесению Гайара от 1 сентября 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. «Сколь бы ни были нам дороги симпатии России», отмечал военный министр Франсуа Шарль дю Барай, очень трудно проникнуть в «подлинные чувства» русского правительства, которое, как ему казалось, было вовсе не единодушно в своем отношении к французской нации и французской армии [Черновик письма дю Барая от 22 сентября 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1479]. Полтора года спустя Э. Сиссе, в свою очередь, считал не только важным оставаться настороже, но и «не провоцировать слишком явно эти благожелательные проявления» в адрес Франции [Черновик письма Сиссе от 14 июня 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Все это объясняло то, почему летом 1874 г. Гайар рекомендовал во избежание инцидентов не присылать полноценную французскую миссию на маневры в Красном Селе. Ему в качестве единственного наблюдателя было проще, сославшись на плохое самочувствие, уклониться от присутствия при новых публичных жестах в пользу Германии, вероятность которых повышалась в связи с прибытием большого числа германских офицеров по случаю свадьбы великого князя Владимира. Французский МИД всецело поддержал эти соображения Гайара: честь французского мундира требовала уклониться от присутствия при любых манифестациях, которые «могли бы ударить по нашему национальному самолюбию» [Деказ — Сиссе, 10 и 13 июля 1874 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Тем не менее, «военная тревога» 1875 г. придала франко-русскому сотрудничеству новый импульс. В июне 1875 г. Франция, наконец, направила в Россию полноценную военную миссию,

члены которой пробыли здесь до начала сентября. На сей раз праздник в честь Преображенского полка 6/18 августа был отмечен не тостами российского императора во славу германского оружия, а щедрыми наградами французским офицерам: капитанам Серва де Лель и д'Юсселю, майорам Ланглуа и Шануану, подполковникам Нуэ и Юману и самому полковнику Гайару, удостоенному ордена Св. Станислава 2 степени с императорской короной. Гайар полагал, что он был вторым иностранным офицером после (ныне) генерала Вердера, которому позволили носить эту награду «перед русской армией» [Донесение Гайара от 19 августа 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Вершиной же монаршего расположения к французскому военному представителю стало высочайшее одобрение инициативы брата императора великого князя Николая Николаевича пригласить в начале ноября 1876 г. Гайара присоединиться к его штабу в преддверии ожидавшейся мобилизации русской армии против Османской империи. Французский военный атташе особо подчеркивал значение того, что он был единственным иностранным офицером, которому предстояло быть при штабе русской армии с первого дня близившейся войны. Гайар получил, в связи с этим, в российской столице от «очень значительных персон» поздравления, которые он «не считал простой любезностью» [Донесение Гайара от 30 ноября 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. В свою очередь, французский военный министр Жан-Огюст Берто расценивал приглашение Гайара как «высокий знак отличия» [Черновик письма Берто от 15 ноября 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Все это объясняло более чем доброжелательный настрой французских представителей в России. Реагируя на множившиеся в Париже недоброжелательные слухи о плачевном состоянии сосредоточенных в Бессарабии русских войск, «вызванные к жизни глупостью, неведением и черной завистью», посол Лефло просил у Гайара еженедельных свидетельств-опровержений из Кишинева [Телеграмма Лефло от 17/29 декабря 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Гайар с готовностью заверял, что русские «войска великолепны, моральный дух превосходен <...> транспорт дает много поводов для сомнений, но снабжение на первое время кажется

обеспеченным. Штаб армии даже превосходит все мои ожидания» [Телеграмма Гайара от 31 декабря 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. С началом русско-турецкой войны в апреле 1877 г. к главной квартире прибыли представители и других иностранных армий. Это несколько модифицировало роль Гайара и в некоторых отношениях придало его миссии «менее личный характер» [Черновик инструкции Берто от 25 апреля 1877 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Донесения Гайара достигали Парижа с большим запозданием, поэтому в январе 1877 г. ему указали ограничиться лишь личными наблюдениями, оценками и дополнениями к тому, что обнародовалось в прессе. Ему предписывалось считать «известными Второму бюро» все факты, которые можно было найти в русских газетах и журналах [Черновик письма Берто от 24 января 1877 г. // SHD/DAT. 7 N 1479]. Сбор и пересылку соответствующих изданий, интересовавших французский Генштаб (в частности, номера «Русского инвалида» и «Военного сборника»), взял на себя советник французского посольства в Петербурге Теодор Мейер.

Как отмечает исследовательница М. О'Коннор, к началу русско-турецкой войны Гайар существенно расходился со своим британским коллегой Уэллсли в общей оценке русской военной системы. Если британец делал акцент на ее глубоких изъянах, то француз считал ее, в целом, превосходной, а все проблемы — разрешимыми в самом скором времени [3, р. 289–290]. Однако Гайар разделял общее мнение своих коллег о том, что война застала русскую армию в «переходном состоянии». Он не скрывал от Парижа, что «большая война» поставила бы русскую армию «перед лицом весьма тяжелой необходимости импровизировать» [Донесение Гайара от 6 сентября 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1466]. Это вкупе с другими специфичными чертами кампании поспособствовало его убеждению, что с точки зрения военной науки из нее едва ли можно было извлечь полезные уроки. Гайар в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. скорее утвердился в сформированном прежде противоречивом образе русской армии. Он стал свидетелем не только доблести русских солдат и офицеров, но и ошибок командования, вопиющего пренебрежения разведкой, «пущенного на самотек» снабжения, влияния политики на военные решения и т.п. [3, р. 267–268, 271].

В целом, миссия Гайара была удостоена самой высокой оценки военного министерства, а собранные им свидетельства были признаны «бесценными». По мнению министра Анри Греле, Гайар достойно представлял французскую армию на протяжении всей кампании и благодаря своему образу действий при русской главной квартире «сумел, вдобавок, способствовать развитию уважения и дружбы, которые он уже успел вызвать у предводителей русской армии во время своего пребывания в Петербурге» [Письмо Греле от 21 мая 1878 г. // SHD/DAT. 7 N 1479.]. В равной мере высоко оценивалась и миссия генерала Анри Курси при ставке великого князя Михаила на Кавказском фронте осенью 1877 г. [Письмо Лефлю от 16 декабря 1877 г. // SHD/DAT. 7 N 1466].

Назначение Гайара летом 1878 г. во французский Государственный совет поставило вопрос о поиске ему достойного преемника, подходящего для столь важного поста и способного сохранить то «великолепное положение», которого он сумел достичь в Петербурге [Греле — Деказу, 10 августа 1878 г. // SHD/DAT. 7 N 1479]. По рекомендации Лефлю новым военным атташе в России стал подполковник Генштаба Жюль Шануан, бывший глава первой французской военной миссии в Японии. Решающим доводом стало то, что он очень хорошо себя проявил в составе французской военной миссии в России в 1875 г. Шануан владел английским и немецким языками, а также, по оценке французского посла, бегло говорил по-русски [Письмо Лефлю от 18 августа 1878 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

В марте 1879 г. новым послом в России стал генерал Альфред Шанзи. По его инициативе в конце 1879 г. в качестве второго военного атташе (с марта 1880 г. — первого) в Петербурге был назначен подполковник Рауль де Буадефр, будущий начальник французского Генерального штаба и один из архитекторов русско-французского союза. Смена действующих лиц не ознаменовалась серьезным изменением оценок. Напротив, по прошествии полугода пребывания в Петербурге генерал Шанзи рисовал исключительно комплиментарную картину прогресса военных преобразований в России. Он описывал русскую армию как «мощную, основательно организованную, хорошо вооруженную, преисполненную высокого боево-

го духа», ценность которой «лишь подтверждает пристрастная и зачастую преувеличенная критика, исходящая из Германии». Посол выражал уверенность, что в скором будущем «Россия с ее огромными ресурсами станет могучей державой, симпатии которой обращены к Франции, и быть другом которой всегда будет в наших интересах» [Донесение Шанзи от 22 июня 1879 г. // SHD/DAT. 7 N 1466].

Конец 1870-х гг. ознаменовался ухудшением русско-германских отношений. Оформление в октябре 1879 г. тайного австро-германского союза, текст которого прямо отсылал к русской угрозе, сопровождалось соответствующей пропагандистской кампанией в германской прессе. Эта кампания не прошла незамеченной для французских военных и дипломатических представителей в России. Шануан отмечал в этой связи, что статьи берлинской «Post», указывавшие на угрожающий характер русских военных мероприятий, занимательным образом совпадали с прежними рассуждениями Бисмарка и указывали на «расчетливую провокацию». Все развертывание русских войск в Царстве Польском имело, по оценке Шануана, сугубо оборонительный характер [Донесения Шануана от 8 сентября и 11 декабря 1879 г. // SHD/DAT. 7 N 1466]. Посол Шанзи также решительно отметал все обвинения по поводу угрожающих перемещений русских войск на западной границе и делал вывод, что если кто-то и предпринимает «тревожные для мира в Европе действия, то это не Россия, и если какая-то угроза войны и существует, то именно ей более чем оправданно этим обеспокоиться» [Донесение Шанзи от 23 января 1880 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

В феврале 1880 г. одна из записок Буадефра прямо обращалась к анализу гипотетической войны России с Германией или с Германией, поддержанной Австро-Венгрией. Она по-прежнему констатировала невозможность точно определить время, которое потребовалось бы русской армии на мобилизацию и развертывание на западных рубежах. Сбор информации, которая позволила бы Второму бюро французского Генштаба вычислить срок готовности России, оставался приоритетом для французских военных представителей. Буадефр приходил к выводу, что «агрессия против

Германии не соответствует ни желаниям, ни нынешним возможностям, которыми располагает представленная самой себе Россия. Но если на нее будет совершено нападение, то она располагает достаточными ресурсами, чтобы защищаться даже в одиночестве и не страшиться этого нападения, особенно если она будет поддержана соответствующей позицией Франции». В Петербурге, отмечал французский военный атташе, не рассчитывали на «активное сотрудничество с Францией» в подобной войне, но ожидали, что та будет достаточно «скрытна», чтобы не позволить немцам «снять войска со своих границ с нами» [Донесение Буадефра от 16/28 февраля 1880 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Можно сделать вывод, что на протяжении 1870-х гг. Франция и Россия были в равной мере далеки от готовности связать себя формальными обязательствами о взаимопомощи. Тем не менее, интерес французских военных к возможностям русской армии с самого начала не был чисто академическим. Позиция русской дипломатии о ценности сильной Франции в интересах европейского равновесия и моральная поддержка, которую Париж получал в условиях многочисленных обострений франко-германских отношений в 1870-е гг., побуждали допускать гипотетическую возможность действий против общего противника. В числе задач, поставленных перед французскими представителями, поэтому была и оценка способности русской армии оказать немедленную помощь Франции. Важно отметить, что французские представители не спешили тешить свое руководство напрасными надеждами и указывали на целый ряд объективных сложностей, с которыми столкнулась бы русская армия в случае действий в западном направлении. Уже тогда, в частности, ими был сделан акцент на проблемах неспешности мобилизации и сосредоточения русских войск, неразвитости путей сообщения в России и общего недостатка четкого планирования.

В 1870-е гг. ничто не поколебало представлений французских офицеров о первенстве германской армии в Европе, что оставляло шансы русским только в случае обороны. Вместе с тем, они отмечали значительный прогресс русской военной реформы. Менялась и общая тональность оценок французских представителей: если вначале преобладала критика, то в середине десятилетия акцент

сместился на достижения. Проблемы, с которыми столкнулась русская армия в ходе русско-турецкой войны, подтвердили правильность установки Парижа на то, чтобы не переоценивать возможности России в процессе перестройки ее военной системы.

Важно, однако, зафиксировать саму смену «оптики» восприятия. После 1871 г. русская армия оценивалась французскими представителями не как потенциальный соперник, но как потенциальный союзник. В равной мере им было очевидно, что и Франция более не воспринималась в Петербурге как враг. Это открыло широкие возможности к развитию военного сотрудничества и взаимной открытости, пусть на протяжении всей первой половины 1870-х гг. Россия оставалась привержена связям в рамках Союза трех императоров. Несомненные знаки расположения, полученные полковником Гайаром от Александра II и вел. кн. Николая Николаевича, успех специальных миссий французских офицеров, связанных с изучением в России «узких» технических вопросов, указывали на существенный прогресс на этом пути. В условиях обострения австро-русских и русско-германских отношений в конце 1870-х гг. демонстрация взаимных симпатий между русскими и французскими военными стала приобретать и определенное политическое значение.

Список литературы

1. Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 375 с.
2. Шнеерсон Л. М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 304 с.
3. O'Connor M. P. The Vision of Soldiers: Britain, France, Germany and the United States Observe the Russo-Turkish War // War in History. 1997. Vol. 4. No. 3. P. 264–295.
4. Kolb E. Der Weg aus dem Krieg: Bismarcks Politik im Krieg und die Friedensbahnung 1870–71. München: Oldenbourg, 1989. 408 s.
5. Pedroncini G. (Ed.) La défense sous la Troisième République. Tome I: Vaincre la Défaite, 1872–1881, Vol. I.: Armée de terre. Vincennes: SHAT/INCC, 1988. 723 p.

Bodrov Andrei,
PhD in History, Associated Professor, St. Petersburg State University
(St. Petersburg)

EXAMINING A POTENTIAL ALLY? RUSSIAN ARMY IN REPORTS OF THE FRENCH MILITARY REPRESENTATIVES IN 1870s

The article address to the estimates of the Russian army by French military representatives in St. Petersburg in the 1870s. It attempts to assess whether they perceived the Russian army already in these years as a potential ally against Germany.

The author points out that the change in the general perception of Russia in Paris was influenced by the benevolent position of Russian diplomacy to France. Equally, after 1871, Russia and France ceased to perceive each other as potential adversaries, which opened the way to more confidential and close military cooperation. Russia and France may have been still far from any formal obligations, but for the French militaries, the interest in the capabilities of the Russian army from the very beginning was not purely academic. Among their tasks was to assess the ability of the Russian army to provide France assistance in event of another Franco-German conflict. They did not hide from their leadership the numerous problems that the Russian army would have faced in this case. However, with the deterioration of Russian-German relations in the late 1870s, the demonstration of mutual sympathies between the Russian and French military began to acquire a certain political significance.

Keywords: The Third Republic, Russian Empire, Russian army, French-Russian cooperation, military attaches

ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОГО АТТАШЕ Л.-Э. МУЛЕНА НА РОССИЮ И РУССКУЮ АРМИЮ (1891–1905)

Статья основана на донесениях французского военного атташе Л.-Э. Мулена о русской императорской армии. Материал показывает большую озабоченность французского офицера на счет русского военного потенциала. Атташе становится еще более скептически настроенным после русско-японской войны и во время революции 1905–1907 гг.

Ключевые слова: Франко-русский союз; Русская императорская армия; русско-японская война 1904–1905 гг.; военные атташе; Л.-Э. Мулен.

Русско-французский союз начала 1890-х гг. был плодом усилий многих людей. Часть из них несли большую политическую ответственность, а некоторые, хотя и не занимали особенно высоких постов, но служили важными элементами механизма, который привел два правительства к «сердечному согласию». К последним относился Л.-Э. Мулен.

Французский военный атташе в Санкт-Петербурге Луи-Этьен Мулен (1851–1908) окончил Политехническую школу в 1872 г., затем Аппликационную школу артиллерии и инженеров в 1874 г. и начал службу офицером-артиллеристом. Он изучал русский язык и привлек этим внимание начальства. В октябре 1875 г. началась его первая командировка в Россию, а в 1880 г. он был назначен 2-м военным атташе в посольство в Петербурге. В 1891 г. он был повышен до 1-го военного атташе в российской столице. В том же году он женился вторым браком на русской подданной Марии Александровне Шмаковой. В 1900 г. получил чин полковника, в 1904 г. — бригадного генерала [2, р. 31–39].

Судя по всему, Мулен не обладал особенно глубокими познаниями в военном деле, кроме артиллерии — родного для него рода войск. Однако его можно смело назвать выдающимся военным атташе как по продолжительности его пребывания на посту, так и по проявленным особым качествам. Дело в том, этот офицер французской армии установил самые тесные и широкие связи

с представителями русских военных, политических и аристократических кругов. У многих из них Мулен нашел теплый прием и доверие.

Следует иметь ввиду и обстановку, в которой работал этот пикардиец. «Медовый месяц» русской и французской армий начался несколько раньше момента первых переговоров двух правительств о союзе. В 1883 г. состоялся визит генерала М. И. Драгомирова на французские маневры, отмеченный шумными заявлениями дружбы и благоприятным рапортом о потенциале французской армии [SHD. GR7 N1869 (1 octobre 1883)¹]. В 1884–1885 гг. последовали лекции майора Л. Кардо в Высшей военной школе, во многом построенные на взглядах генерала Драгомирова [6, р. 399]. В дальнейшем Кардо станет одним из главных популяризаторов русской армии в среде французских офицеров. Но долго ждать популярных публикаций о царских войсках не пришлось. В 1888 г. вышла книга «L'armée russe et ses chefs en 1888» Ж. Вильбуа-Марейля, чрезвычайно комплиментарная к потенциальному союзнику [7]. После заключения франко-русского альянса поток дружественной для русской армии литературы усилился. Французская армия была одним из центров русофилии, захлестнувшей III республику.

Мулен — возможно, лучший среди своих соотечественников знаток русской армии — сохранял трезвый и иногда критичный взгляд на военный потенциал России. Начальство Мулена отмечало, что его рапорты интересны и точны, но он вкладывает в них слишком много личных чувств и оценок [2, р. 33]. Его донесения, составившие несколько коробок в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции (Service Historique de la Défense — SHD) в Венсенском замке, привлекли внимание историков. Их использовал Дж. Кеннан [8], и в значительной степени на них построили свои работы П. Лунтинен [4] и Дж. Стейнберг [5]. Однако в России этот богатый и ценный источник практически неизвестен.

¹ Каждое дело в фондах с донесениями Мулена содержит большое количество документов с нумерованными страницами. Для большей точности ссылок здесь и далее даны даты донесений.

Русский паровой каток?

15 (27) августа 1891 г. министры иностранных дел Франции и России А. Рибо и Н. К. Гирс обменялись письмами, которые знаменовали начало русско-французского союза. Незадолго до этого события Мулен кратко охарактеризовал стратегическое положение России относительно держав Тройственного союза: «В итоге, то, что составляет до сегодняшнего момента военную слабость России по отношению к противостоящим континентальным державам, накладывает на ее политику отпечаток чрезвычайной сдержанности. Это страх в случае войны начать с тяжелых поражений в Польше из-за относительной медленности мобилизации и концентрации войск. Даже если эти поражения будут исправлены в дальнейшем ходе кампании, они не составляют ни привлекательную, ни даже внушающую оптимизм перспективу для тех, в чьих руках судьба страны. Хорошо видно, что пример 1812 г. поучителен для тех, у кого есть желание его видеть: неоправданная агрессия против славянского колосса; но, в общем, за исключением нескольких панславистских шовинистов, и нескольких амбициозных офицеров, Россия, начиная со своего правителя, мирна, и не без причин. Никто не скрывает от себя, что Польша, привлекательный наступательный плацдарм против Пруссии и Галиции или Моравии, ловушка с оборонительной точки зрения, потому что она может быть легко отрезана, потому что население враждебно к русским, наконец, потому что войска, которые ее занимают на 1/3 состоят из польских резервистов, чья преданность более чем сомнительна в случае тяжелых поражений, польская раса чрезвычайно подвержена влиянию и быстро подпадает под негативное влияние событий» [SHD. GR7 N1472. 20 mai 1891].

Кроме того, Мулен не скрывал от своего правительства, что именно Австро-Венгрия, а не Германия является для русских приоритетной целью. Большинство царских генералов, по словам военного атташе, мечтало о том, чтобы Германия оказалась скованной противостоянием с Францией, а у них появилась возможность уничтожить Дунайскую монархию — истинного врага России, а главное, более слабого [SHD. GR7 N1472. 27 août 1891].

Поэтому приоритетными задачами французского военного атташе в Петербурге было отслеживание численности русских войск на западных границах, планов их мобилизации и концентрации, а также процессов железнодорожного строительства. Первое позволяло судить о массе войск, которым располагал новый союзник Франции, второе — о расстановке военных приоритетов между берлинским и венским направлениями, третье — о том, как быстро русская армия сможет оказать помощь французам. Пользуясь популярным в то время образом [1, с. 104], можно сказать, что Париж интересовало насколько мощен и тяжел «русский паровой каток», куда он будет направлен и как скоро он обрушится на общего врага.

Отмечая эти тревожащие французскую сторону моменты, а также отдельные слабости русской армии Мулен сохранял определенный оптимизм. Русская армия совершенствовала свою боевую подготовку, вооружение и железнодорожную сеть. Во главе ее стояли опытные генералы — П. С. Ванновский (военный министр), Н. Н. Обручев (начальник Главного штаба), М. И. Драгомиров (командующий Киевским военным округом) и И. В. Гурко (командующий Варшавским военным округом). Мулен писал, что в разговорах с Драгомировым и А. К. Пузыревским (начальником штаба Гурко) он «отметил не только выражение уверенности, всегда присутствующей перед иностранным военным атташе, но еще и тайное желание войны, сожаление видеть ее постоянно откладываемой» [SHD. GR7 N1473. 5 avril 1893]. В русском Генеральном штабе было понимание необходимости нанести вспомогательный удар по Германии, чтобы не допустить разгрома Франции. Более того, Мулен постепенно убеждался в том, что Драгомиров, один из самых влиятельных военных в России, является сторонником одновременного наступления в Восточной Пруссии и австрийской Галиции. В конце 1896 г. именно такой сценарий был принят русским военным руководством в качестве основного [SHD. GR7 N1474. 26 janvier 1897].

Однако 1894 г. принес значительные перемены. Практически все люди, с которыми Мулен связывал укрепление мощи России, стали сходить со сцены или демонстрировать физический упадок. В начале года Мулен сообщил о тяжелой болезни Гурко

«замечательного своей твердостью характера, своим большим опытом и своей негибкой энергией, которого был призван в случае войны играть большую роль в командовании армии» [SHD. GR7 N1473. 1 janvier 1894]. Весной поползли слухи о болезни императора Александра III, Обручева и Ванновского. В конце года царь скончался, а взойшедший на престол Николай II оставил на своих постах военного министра и начальника Главного штаба, но отправил в отставку Гурко.

Сразу за этими переменами последовали осложнения на Дальнем Востоке (в связи с японо-китайской войной 1894–1895 гг.), а потом и новое обострение Восточного вопроса (в связи с погромами армян в Османской империи в 1894–1896 гг.). Французские военные были заинтересованы в том, чтобы все внимание и все усилия России были направлены на западный театр будущих военных действий. Но происходило ровно противоположное: события втягивали Россию в конфликты в регионах, не имевших значение для партнера по франко-русскому союзу и грозивших вызвать нежелательные для Парижа осложнения. Постепенно Мулен стал понимать, что его тревоги преувеличены. Активно обсуждавшийся с 1896 г. вариант десанта на Босфор был, по мнению французского атташе (подтвержденному Драгомировым), совершенно не подготовлен с военной точки зрения. В Париж отправилось донесение: «Кроме того, не с легким сердцем смотрят в высших сферах на возможность быть вынужденными совершить [Босфорскую] экспедицию. Представители высшего командования, великий князь Владимир, сам император испытывают большое нежелание по причине сложностей, которая она представляет и последствий, которые она может вызвать» [SHD. GR7 N1474. 1 février 1897]. Последствия экспедиции заключались, прежде всего, в реакции Великобритании. Чтобы надавить на «владычицу морей», в русской военной среде снова стали обсуждать активные действия в Средней Азии. Однако и «поход в Индию» Мулен считал скорее миражом, нежели реальной перспективой. Позиция России в Средней Азии должна служить угрозой Великобритании, средством давления для решения Восточного вопроса, но не имеет целью завоевание субконтинента. К этим рассуждениям военный атташе добавлял: «Я был воспитан

на этой доктрине Скобелевым, Черняевым, Куропаткиным, Соболевым, Комаровым и проч., одним словом, всеми знатоками центральноазиатского вопроса» [SHD. GR7 N 1474. 3 avril 1897].

Пацифистские тенденции, которые неожиданно стало демонстрировать русское правительство, были еще одним источником головной боли для Мулена. В 1894 г. был поднят вопрос о разоружении. Запустившийся процесс привел к ноте министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева 1898 г. о необходимости положить предел гонке вооружений. Этот шаг стал неприятным сюрпризом для Франции. Мулен считал, что Россия не до конца осознает всех последствий разоружения не только для русско-французского альянса, но и для себя самой. Если мирные инициативы означают сокращение численности армий, то прочие державы будут компенсировать это сокращение совершенствованием обучения войск, системы мобилизации и железнодорожной сети. «Но это именно те вещи, — продолжал он в своем донесении, — в которых Россия позади других европейских держав, а кроме того, ее географические и финансовые условия, также как и недостатки в распространении образования в массе населения, не позволяют ей восполнить то преимущество, которым еще долго будут пользоваться ее соседи» [SHD. GR7 N 1473. 4 avril 1894].

Можно констатировать, что через несколько лет после заключения франко-русского союза представитель французской армии чувствовал серьезное разочарование. Одно из донесений подводит итог — промежуточный, но неутешительный: «В целом, подготовка русской армии к войне претерпевает в последнее время чрезвычайно неприятные задержки, с учетом того, что она уже сильно отстает от армий своих соседей. Болезнь и смерть императора Александра III, болезнь военного министра Ванновского, ослабление занятий и активности начальника Генерального штаба Обручева, меры, предпринятые на Дальнем Востоке по причине продвижения Японии, необходимые приготовления из-за опасений прошлой осени в связи с ситуацией в Турции внесли свой вклад в этот печальный результат. Следует опасаться, что Германия воспользуется этой передышкой, чтобы заранее подготовить свой ответ на проекты, которые русские так медленно воплощают в жизнь, и, таким

образом, парализуют те выгодные результаты, которые мы имели право ожидать» [SHD. GR7 N 1474. 1 juin 1896].

К 1898 г. военное министерство принял А. Н. Куропаткин. К этому времени «русский паровой каток» выглядел для французского военного атташе лишенным твердого управления, дезориентированным и даже не вполне осознающим свои сильные и слабые стороны. Даже кажущаяся бездонность ее людских резервов имела свои пределы. Передавая в Париж о своих разговорах с новым военным министром, Мулен развивал взгляд Куропаткина на укрепление боевой мощи русской армии: «В России есть сколько угодно людей, а солдаты под знаменами обходятся не более как в 500 франков в год. Отсюда идет тенденция, на которую можно легко положиться, увеличивать незначительно число обученных людей. Но это только часть проблемы, потому что недостаток распространения образования, социальное положение делают затруднительным и почти невозможным пропорциональное расширение кадров унтер-офицеров и офицеров. С другой стороны, финансовые ресурсы относительно ограничены, и это делает невозможным в этих условиях, особенно в связи с продолжающимся прогрессом в вооружениях, удовлетворить другие надобности» [SHD. GR7 N 1475. 31 décembre 1899]. Анализируя ситуацию, Мулен приходил к выводу о том, что России следует думать о строительстве стратегических железных дорог и об улучшении материальной части своей армии. «Каток» должен двигаться безотказно и по возможности быстро.

Механизм проржавел?

Наблюдая за изменениями численности русских войск, планов командования и направлений внешнеполитических усилий России, Мулен не забывал снабжать свое начальство информацией о внутреннем состоянии в царской армии. Это состояние он рисовал как крайне неровное, подверженное колебаниям как в лучшую, так и в худшую сторону, в зависимости от влияния отдельных лиц.

Прежде всего, существовала значительная разница в боевой подготовке между отдельными военными округами. По словам

Мулена, все в России единогласно признавали, что Петербургский и Московский военные округа стоят на несколько ступеней ниже приграничных — Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского. Между последними четырьмя трудно выделить один первенствующий, хотя француз склонялся отдать предпочтение Киевскому — им долгое время управлял его близкий друг генерал Драгомиров. Гвардию военный атташе считал одним из самых посредственных войск в России, так как она безнадежно заражена парадоманией и «гниет от присутствия великих князей» [SHD. GR7 N1476. mars 1903].

Влияние Драгомирова сказывалось и на взгляде Мулена на роль представителей дома Романовых в русской армии. Именно с его слов француз называл великих князей «зловещим порождением», «всегда паразитами, часто паразитами вредными». Получая высокие чины и назначения в молодом возрасте, они не подготовлены к серьезной работе и закрывают собой и своими фаворитами путь вверх для способных людей. Особенный урон понес русский флот от деятельности великих князей Константина Николаевича, Алексея Александровича и Александра Михайловича. Результат этой деятельности: «[...] полное отсутствие последовательной системы в планировании флота; абсолютный произвол в продвижении офицеров и выборе людей на важные должности; разбазаривание государственной казны; систематические кражи на всех эшелонах иерархии и на всех постах; скандальное влияние на заказы личностей, известных в императорском балете и Михайловском театре» [SHD. GR7 N1477. 20 novembre 1906]. Дурное влияние представителей правящего дома в первую очередь сказывалось на гвардии. «Часто присутствие великих князей во главе этого полка (Преображенского. — С. Ю.) долго портило офицерский корпус. В нем не думают ни о чем, кроме интриг, чтобы стать сотрапезником его Высочества, а потом адъютантом, возглавить его двор и т. д. Серьезные военные, истинные солдаты, как Гурко, Драгомиров и Скобелев всегда выражали самое глубокое презрение к Преображенскому полку и делились им ни с кем иными, а с иностранными военными агентами» [SHD. GR7 N1477. 28 juin 1906]. Гвардия являлась важным источником лиц, предназначенных для занятия высоких постов.

Мулен оценивал этот источник крайне невысоко: «В целом, кавалергардский полк, который, благодаря своему привилегированному положению, всегда был фаворитом в отношении карьер офицеров, почти никогда не производил кого-либо, кроме кавалерийских генералов последнего порядка» [SHD. GR7 N1473. 6 mars 1893].

Только для отдельных великих князей Мулен делал исключение. Самым слабым родом войск в России он считал кавалерию. Регулярная русская конница, по его словам, всегда отставала от лучших кавалерий других стран «из-за национального характера, не слишком способствующего развитию этого рода войск, из-за того, что конный спорт не в чести, из-за того, что климатические условия и расположение войск делают специальное обучение конницы очень затруднительным» [SHD. GR7 N1472. 12 mai 1891]. Но именно по этой причине он высоко ценил усилия великого князя Николая Николаевича Старшего, долгое время возглавлявшего русскую конницу: «Если как главнокомандующий Дунайской армии он показал себя ниже своей задачи; он, с другой стороны, был инспектором кавалерии высшего класса, кавалерист в душе, влюбленный в дело, большой знаток, обожаемый всеми офицерами этого рода войск» [SHD. GR7 N1472. 12 mai 1892].

Любопытна эволюция взгляда Мулена на сына бывшего главнокомандующего в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. — великого князя Николая Николаевича Младшего, который в 1914 г. встанет во главе русской армии в Первую мировую войну. Характеристика времен его молодости весьма комплиментарна: «Практически единодушно заявляется, что если закрыть глаза на опыт, который ему еще предстоит набрать, он после генерала Гурко единственный начальник кавалерии, кто действительно понимает этот род войск в России» [SHD. GR7 N1473. 6 mars 1893]. Но по мере того, как великий князь получал все более ответственные назначения и проявлял себя в более сложных обстоятельствах (прежде всего, в революции 1905–1907 гг., которая очевидно резко усилила скепсис Мулена по отношению к династии) — взгляд военного атташе менялся. «Великий князь никогда не должен становиться главнокомандующим на театре операций, — категорически заявляется в его донесении, — и однако же другой великий князь

(Николай Николаевич Младший. — С. Ю.) [...] становится великим арбитром в военных вопросах и будет главнокомандующим в случае войны с Германией» [SHD. GR7 N 1477. 20 novembre 1906].

Проблема влияния великих князей не заслоняла от Мулена другой проблемы, о которой уже упоминалось. Когда заключался франко-русский союз, ключевую роль в русской армии играли генералы, доказавшие свою компетентность в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но вслед за этим последовала череда отставок старых героев балканских походов: Гурко (1894), Ванновский и Обручев (1898), наконец, Драгомиров (1903). Вокруг них были либо такие же старые начальники, либо лица явно посредственные (а часто — и то, и другое вместе). Как передавал Мулен, над некоторыми из них откровенно смеются в русской армии. «Я бы делал так же, — признавался атташе, — если бы я не видел ослабления ценности гарантий, которые нам дает альянс с Россией» [SHD. GR7 N 1476. 1 avril 1901]. В любом случае, русская армия нуждалась в обновлении, и француз хорошо понимал как трудно будет его осуществить: «А теперь надо будет основывать свой выбор на службе мирного времени, щекотливая операция в стране, где влияние двора и фамильные связи играют такую большую роль» [SHD. GR7 N 1473. 2 avril 1894]. В одном из донесений Мулен даже ставил проблему дряхлости русского командования на первое место: «Это будет истинной причиной слабости русской армии в случае войны, и следует очень надеяться, что эта ситуация изменится в ближайшее время, потому что она может принести нам серьезные опасности» [SHD. GR7 N 1476. 15 février 1903].

Надежды французского атташе были связаны с относительно молодым поколением офицеров Генерального штаба, которые успели проявить себя в войну с Турцией и которые к концу XIX в. должны были заменить своих старых начальников. К этой категории Мулен относил, прежде всего, А. К. Пузыревского, В. А. Сухомлинова, Викт. В. Сахарова и А. Н. Куропаткина — каждого из них он хорошо знал и высоко оценивал. Когда последний из названных в 1898 г. стал военным министром, француз не скрывал своего удовлетворения: «Император не мог сделать выбор, который бы был более популярен, и можно с полным основанием

сказать, что во всей русской армии нет генерала, чей послужной список, характер и таланты, могли бы выдержать сравнение с генералом Куропаткиным. Едва ли есть в Европе военные таких же качеств» [SHD. GR7 N 1475. 16 janvier 1898]. Немаловажным было и то обстоятельство, что новый министр в молодости проходил стажировку во французском Алжире, сохранил об этом благодарную память и «искренне любит Францию и особенно французскую армию» [SHD. GR7 N 1469. 2 juin 1884]. Мулен сочувствовал энергичным мерам, которые принял Куропаткин на новом посту (включая избавление от многих старых генералов), но вскоре вынужден был отметить, что программа военного министра нажила ему многочисленных врагов среди увольняемых в отставку генералов, гвардии и двора [SHD. GR7 N 1475. 31 décembre 1899]. Но сам военный атташе продолжал верить в Куропаткина как в способнейшего из русских генералов нового поколения и с восхищением описывал его действия на Курских маневрах 1902 г. [SHD. GR7 N 1476. mars 1903]. Эти маневры оказались последней крупной проверкой русской армии и ее нового лидера перед грядущими потрясениями.

Стоп-машина!

Начавшаяся русско-японская война 1904–1905 гг. едва ли могла порадовать кого-либо из французских энтузиастов франко-русского союза. Но по крайней мере, она могла предоставить армии III республики полезный материал для анализа современной войны. Париж отправил в Маньчжурию две миссии в штабы противоборствующих сторон. Результатом стало два отчета, анализировавших конфликт, причины неблагоприятного для России исхода, применение новых технических средств и тактических приемов. Одним из важных выводов, сделанных французскими наблюдателями, было значение моральных факторов на войне. Японская армия была исполнена духом национализма и устремлена к ясной цели, с которой связывалась судьба страны. В русской армии французы не увидели ни единомыслия, ни понимания необходимости военных усилий [6, р. 207–221], [3, р. 138–139].

Мулен наблюдал за конфликтом на Дальнем Востоке из Петербурга. Со слов В. К. Плеве, он заключал, что активная политика России на Дальнем Востоке была «тайным желанием Государя» [SHD. GR7 N1476. 6 octobre 1904], и ему оставалось издали наблюдать, как рушится боевая мощь союзника Франции. Его взгляд, в целом, укладывался в выводы, сделанные французскими наблюдателями в Маньчжурии: корень проявившейся военной слабости России лежит не столько в ошибках командования, сколько в тех вопросах, за которые отвечало высшее руководство империи.

Весной–летом 1904 г., пока кампания разворачивалась, Мулен много писал о положении, в котором находился Куропаткин. Потеряв доверие Николая II, генерал должен был вот-вот уступить пост военного министра. Война на Дальнем Востоке стала для него подарком судьбы и шансом на новые лавры и новое положение. Общество по-прежнему находилось под обаянием этой фигуры, но у Куропаткина оставалось много недоброжелателей при дворе и среди некоторых генералов (В. В. Сахаров, Драгомиров). Последние видели в нем выскочку, который избрал выжидательную стратегию, чтобы не отдавать свою репутацию на откуп случаю [SHD. GR7 N1476. 3 juin 1904].

Мулен симпатизировал Куропаткину, но во многом наблюдал ход войны глазами его врагов. Он считал, что трудно было сделать иной выбор главнокомандующего, потому что большинство старших русских генералов слабы и посредственны. Несколько выше общей массы француз ставил Л. Н. Соболева, хорошими начальниками называл Н. П. Зарубаева, Н. И. Иванова и барона Г. К. Штапельберга, а также кавалеристов — П. И. Мищенко, А. В. Самсонова и П. К. Ренненкампа. В ту же категорию попадали порт-артурцы — А. М. Стессель, Р. И. Кондратенко и А. В. Фок. Но в целом, ситуация представлялась таким образом, будто Куропаткин окружен посредственностями, которым он не может доверить самостоятельной роли [SHD. GR7 N1476. 5 octobre 1904]. Отсутствие способных начальников привело к порочной системе командования (здесь Мулен передает слова Сахарова). К октябрю в армии Куропаткина было уже 9 корпусов и несколько масс кавалерии. Главнокомандующий должен был создать 3 армии и доверить ее способным генералам, но таковых не было [SHD. GR7 N1476. 25 octobre 1904].

В дни начала сражения на р. Шахэ 22 сентября — 5 октября (5–18 октября) Мулен еще старался находить поводы для оптимизма: «У этой войны есть положительная сторона — она переродит командование, которое было в полном упадке в России, а это будет немалым приобретением» [SHD. GR7 N1476. 5 octobre 1904]. Но уже через две недели перед ним стали открываться все негативные последствия происшедшего. Колоссальный расход снарядов потребовал от русского командования задействовать запасы западных округов. «Без нашего союза Россия была бы в этот момент на милости капризов императора Вильгельма», — констатировалось в его донесении [SHD. GR7 N1476. 25 octobre 1904].

Под удар был поставлен не только франко-русский альянс, но и репутация Драгомирова. Авторитетный русский генерал до войны отстаивал смелую и инициативную тактику, которая обернулась на полях Маньчжурии пренебрежением к огню. В своем донесении французский атташе ставит вопрос: были ли тактические ошибки русских следствием невежества командования и недостатка обучения войск или они являются результатом ошибочных доктрин его старшего товарища, который всегда был другом Франции и объектом почитания на родине Мулена. Этот вопрос остался без ответа в донесении [SHD. GR7 N1477. 26 décembre 1906]. Так или иначе, тема слабой подготовки начальников никогда не исчезала из донесений француза и все чаще переходила из чисто военной в политическую плоскость. Характерны слова генерала И. В. Холщевникова, которые передал Мулен своему начальству. По мнению этого собеседника, качество офицеров в русской армии сильно упало из-за возрождения кадетских корпусов в 1882 г. и «преобразования программы этих учреждений в самом обскурантистском духе» [SHD. GR7 N1477. 1 décembre 1906].

Выводы из войны с Японией приходилось делать на фоне трагических событий революции 1905–1907 гг., и это обстоятельство несомненно сказывалось на оценках Мулена. «Однако сейчас более чем возможно, что в случае революции, часть армии будет участником более или менее в силу инерции, — отмечал военный атташе. — Но что мне не кажется еще достаточно ясным, так это заставят ли своих людей сражаться со своими товарищами офицеры

полков, верных присяге, если разразится борьба, гражданская война между двумя частями армии. Я склонен считать, что в этом случае чувство товарищества, очень укорененное в этих людях и их общинных нравах, в конце концов, победит в них» [SHD. GR7 N 1477. 28 juin 1906]. Как видно, основное опасение француза вызывала солдатская масса. «В корпусе офицеров, наоборот, полагаю, всегда будет подавляющее большинство, которое останется верным присяге и даже некоторое количество горячих голов, расположенных склонять императора к самым реакционным решениям, — предсказывалось в донесении. — Это несоответствие в чувствах между офицером и солдатом может разразиться в акты насилия, возможно, очень жестокие со стороны последних» [SHD. GR7 N 1477. 28 juin 1906].

Вскоре самые мрачные опасения уступили место размышлениям над неопределенным будущим союзника. Война показала французу, что Россия по-прежнему обладает «ударной армией», то есть плохо оснащенным технически войском, мало обученным действовать огнем артиллерии, пулеметов и стрелкового оружия, полагающемся на штыковой натиск. Эти черты — следствие общей социальной отсталости и низкого уровня образования солдат [SHD. GR7 N 1477. 21 juillet 1905]. «Но мне не кажется возможным ни преодолеть эти препятствия, ни произвести радикальные реформы в армии, без полного переустройства правительственного режима и административной системы, без изменений в общественных нравах, иначе говоря, без появления нового руководящего класса, — переходил к итогам Мулен, — не на этих банкротов следует рассчитывать, чтобы завтра восстанавливать компанию после краха» [SHD. GR7 N 1477. 25 novembre 1906]. Окончательный вывод звучал, как пророчество: «Иначе говоря, русская армия продолжит подчиняться тому, что было и прежде законом ее истории. Родившаяся позже всех, она и осталась последней из армий Европы в смысле организации, техники, обучения и тактики. Она, без сомнений, сделает некоторый прогресс; но другие армии выигрывают больше, чем она от уроков войны в Маньчжурии. В любом случае, без очень серьезной революции внутри, она никогда не сможет противопоставить своим врагам патриотизм японцев или армий французской революции» [SHD. GR7 N 1477. 25 novembre 1906].

Список литературы

1. Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. 640 с.
2. Avice-Hanoun, M. Louis-Étienne Moulin, attaché militaire à Saint-Pétersbourg au temps de l'alliance franco-russe (1891–1908) // Aux vents des puissances. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2008. P. 31–39.
3. Cosson O. La «Grande Guerre» imaginée des officiers français: Combat, représentations et anticipation autour de la guerre russo-japonaise // Vrai et faux dans la Grande Guerre. Paris: La Découverte, 2004. P. 131–151.
4. Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki: SHS, 1984. 259 p.
5. Steinberg, J.W. All the Tsar's Men: Russia's Generall Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2010. 408 p.
6. Queloz D. De la manoeuvre napoléonienne à l'offensive à outrance: La tactique générale de l'armée française, 1871–1914. Paris: Economica, 2009. 600 p.
7. [Villebois-Mareuil G., de]. L'armée russe et ses chefs en 1888. Paris: Librairie moderne, 1888. 297 p.
8. Kennan G.F. The Fateful Alliance: France, Russia, and the Coming of the First World War. New York: Pantheon Books, 1984. 300 p.

Yudin Stanislav Sergeevich,

candidate in History, ANO National Scientific and Educational Centre The Great Russian Encyclopedia, leading editor, Moscow

THE VIEW OF FRENCH MILITARY ATTACHÉ L.-E. MOULIN ON RUSSIA AND RUSSIAN ARMY (1891–1905)

The article deals with dispatches of the french military attaché L.-E. Moulin about the Russian Imperial Army. The material shows great concern of the french officer about russian military power. The attaché becomes even more sceptical after The Russo-Japanese War and during the Russian Revolution of 1905–1907.

Keywords: Franco-Russian Alliance; Russian Imperial Army; Russo-Japanese War 1904–1905; Military Attachés; L.-E. Moulin.

С. А. Лиманова

ВЫСОЧАЙШИЕ ВСТРЕЧИ НИКОЛАЯ II С ФЕЛИКСОМ ФОРОМ (1897) И ЭМИЛЕМ ЛУБЕ (1902) В ФОКУСЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРЕССЫ¹

Статья содержит исследование особенностей освещения высочайших встреч императора Николая II с французскими президентами Ф. Фором (1897) и Э. Лубе (1902) на страницах петербургской прессы. В статье рассматривается, к каким средствам прибегали журналисты, чтобы привлечь внимание читателей; какие моменты торжественных встреч вызывали особый интерес; какой образ России и Франции вырисовывался в свете многочисленных публикаций. Основное внимание уделено анализу статей из двух наиболее информативных периодических изданий — «Нового времени» и «Петербургской газеты». Отдельно рассматривается «раут печати», позволивший раскрыть то, как сами представители прессы позиционировали себя и оценивали собственную деятельность. В результате делается вывод о возможностях отражения и формирования общественного мнения с помощью периодических изданий в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Николай II; Ф. Фор; Э. Лубе; русско-французский союз; пресса; раут печати; общественное мнение.

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи периодические издания являлись главным источником информации в городской среде. Их тираж неизменно увеличивался, а влияние распространялось все шире. Если в третьей четверти XIX в. выходило 30–50 тыс. экземпляров наиболее востребованных газет, то к началу XX в. — уже 50–70 тыс., и эти цифры продолжали стремительно расти [7]. Губернские и провинциальные периодические издания часто перепечатывали сведения из столичной прессы, особенно это касалось официальных новостей государственной важности и тех значимых дней, когда в Петербурге происходили имперские торжества, вызывавшие мировой резонанс.

К такого рода событиям относились встречи глав государств на высшем уровне. В конце XIX в. произошла постепенная переориентация внешнеполитического курса России в сторону сотрудничества с Францией [6; 8; 10].

Изначально «потепление» отношений не декларировалось официально, но многие «внешние» признаки свидетельствовали о предстоящем сближении еще в правление Александра III: торжественные встречи французских моряков в Кронштадте (1891) и русских — в Тулоне (1893). После вступления на престол императора Николая II в 1894 г. и его «коронационного вояжа» по Европе в 1896 г. разговоры о союзе Российской империи с Французской Республикой стали обретать все более четкие черты. На этом фоне повышенное внимание мировой общественности было приковано ко всем торжественным встречам императора Николая II с представителями французской стороны. В самом конце XIX — начале XX вв. два таких приема прошли в столице Российской империи — Санкт-Петербурге: в 1897 г. с официальным визитом прибыл президент Французской Республики Феликс Фор, в 1902 г. — президент Французской Республики Эмил Лубе. Огромную роль в освещении этих встреч сыграла петербургская пресса.

У каждого периодического издания имелась своя специфика, влияющая на объем, информативность и стиль подачи материала. Так, «Правительственный вестник», ежедневная газета при Главном управлении по делам печати (высшая цензурная инстанция при Министерстве внутренних дел Российской империи), публиковал распоряжения и сообщения правительства, лаконично передавая различные внутренние и зарубежные известия. «Санкт-Петербургские ведомости», также издание консервативного направления, помимо общеимперских новостей, уделяли внимание общественной и столичной жизни. Более подробные и разнообразные зарисовки петербургских будней и праздников можно было прочесть в «Петербургском листке», считавшемся «бульварной» газетой.

Среди многообразия петербургской прессы, представители которой активно подключились к написанию репортажей о визитах французских президентов и чествованию своих коллег, французских журналистов, о чем речь впереди, обращают на себя внимание два периодических издания, наиболее подробно рассказавших о приемах Ф. Фора и Э. Лубе в Петербурге: определяемое как

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20–18–00482.

«большая» газета «Новое время» (издатель — А. С. Суворин) и относящаяся к «малой прессе» «Петербургская газета» (издатель — С. Н. Худеков). «Новое время» за границей называли даже «рупором» Министерства иностранных дел Российской империи, хотя издатель отрицал подобное сотрудничество, ссылаясь на хорошо поставленную работу собственных корреспондентов [9, с. 85]. Как бы то ни было, именно в этих газетах высочайшие встречи были представлены наиболее обстоятельно — с момента зарождения самой идеи их проведения до отзывов иностранных изданий о впечатлениях от состоявшихся визитов.

Сравнение количества и содержательной части статей вышеупомянутых периодических изданий за 1897 г. и 1902 г. позволяет сделать некоторые выводы об особенностях освещения встреч на высшем уровне и выявить общие черты в способах привлечения внимания читателей. В первую очередь речь идет о заблаговременной публикации информации на заданную тематику, чтобы вызвать, а затем поддерживать и увеличивать общественный интерес. В свете заграничных поездок императора Николая II, которые тоже подробно отражались в петербургских газетах, включая перепечатки из европейской прессы, делать это было довольно удобно. В 1896 г., через несколько месяцев после коронации, Николай II совершил поездку по странам Европы [3]. Прием, устроенный ему в Париже, отличался особым размахом и торжественностью. Вскоре после этого в ряде публикаций промелькнули сообщения о возможном ответном визите французского президента Ф. Фора в Россию. И затем, с самого начала 1897 г., петербургская пресса регулярно сообщала все новые и новые подробности о готовящемся приезде — сроки, состав делегации, предполагаемая программа и т. д. Чем ближе была реальная дата встречи, пришедшаяся в итоге на август 1897 г., тем больший поток информации обрушивался на читателей. Статьи становились более объемными, затрагивали совершенно разные сюжеты — от предыстории русско-французского сотрудничества до декорирования городского пространства: «Над невскими мостами взвились сегодня многочисленные русские и французские флаги. Особенно красиво убран Дворцовый мост, украшенный гирляндами из зелени, щитами, городскими гербами,

рисунками и проч. Город заканчивает свое убранство и украшение. Почти все дома украшены флагами, задрапированы цветными материями, коврами и пр. Балконы убраны тропическими растениями, среди которых установлены бюсты Их Величеств и президента г. Фора» [Новое время. 1897. № 7707. С. 3].

Различные материалы могли публиковаться под общими заголовками типа «К пребыванию президента Французской Республики». Подобные статьи по числу и объему превосходили вместе взятые описания двух других встреч этого же года — визита австрийского императора Франца Иосифа (апрель 1897 г.) и визита германского императора Вильгельма II (июль 1897 г.). Ажиотаж постепенно нарастал и достиг небывалых размеров уже непосредственно в дни пребывания президента Французской Республики Феликса Фора в Петербурге. Апогеем всего стало публичное провозглашение императором Николаем II русско-французского союза и реакция на это мировой общественности.

Визит 1902 г. уже изначально готовился как встреча двух союзников. Вспоминалась недавняя встреча императора Николая II с французским президентом Э. Лубе в Компьене (1901). Созданию нужной атмосферы способствовали тематические статьи и описания городских декораций, подчеркивающих «сердечный» характер отношений. Это было и в 1897 г., но теперь стало более определенным, размеренным, ожидаемым. Поток новостей разделился на соответствующие рубрики — «К приезду г. Лубе», «На встречу французской эскадре», «Россия и Франция», «Парадный обед», «Царскосельские тосты», «На улицах столицы», «Франко-русские дни» и т. д. Подробнейшим образом описывались все этапы подготовки и проведения торжеств, включая описание резиденций, в которых останавливался французский гость, его появления на улицах столицы, произнесенные тосты, обмен подарками, впечатления горожан.

Важным моментом являлся «эффект узнаваемости», которого стремились достичь газеты, публиковавшие подробные биографические сведения о французских президентах (включая описания их внешности и характеров) и, конечно же, изображения (на тот момент черно-белые) всех французских высокопоставленных гостей.

В совокупности с соответствующими многочисленными брошюрами («Феликс Фор. Гость Русского Царя и народа», «Приезд Феликса Фора», «Друг России Феликс Фор»; «К приезду дорогого гостя. Добро пожаловать, господин президент!», «Президент Французской Республики Эмиль Лубе» и др.) это позволило лучше узнать французского союзника, постепенно превратив его в настоящего «друга» России [4; 5]. Особенно это удалось в отношении Ф. Фора, неожиданная смерть которого в 1899 г. стала «общим горем» и, соответственно, еще одним поводом напомнить о том, каким хорошим человеком он был и как много усилий приложил для развития русско-французского сотрудничества.

Тема преемственности лейтмотивом звучала во многих публикациях. Помимо уже упоминавшихся поездок Николая II во Францию, вспоминали относительно недавние торжества в Кронштадте и Тулоне, а также могли обращаться к гораздо более ранним историческим событиям, таким как приезд во Францию Анны Ярославны или пребывание там посольства Петра I. В контексте зарождения русско-французского союза происходило неизменное обращение к образу «Царя-Миротворца» Александра III. Наглядными символами «дружбы» служило возведение двух мостов — моста императора Александра III, выстроенного и открытого к Всемирной выставке в Париже, и Новотроицкого моста в Петербурге, в церемонии закладки которого принимал участие французский президент Ф. Фор в ходе своего визита (1897). Оба французских президента, будучи в Петербурге, посетили Петропавловский собор, где почтили память императора Александра III. Фор возложил на его могилу золотую оливковую ветвь, Лубе — золотой меч с рукояткой из слоновой кости. Об этом также можно было узнать из прессы и даже увидеть фотографии.

Поиск точек соприкосновения происходил не только в истории, но и в культуре, литературе, искусстве, в представлениях о двух «великих» нациях, «братских» народах: «<...> именно в чистом своем виде француз для русского привлекателен. Но чем? Простотой, веселостью и душевностью. Французы — гораздо более живая и человеческая нация, обще-человечная, нежели немцы, и русские — тоже мировой народ с крайне универсальными инстинкта-

ми, позывами, надеждами, чаянием, воззрениями» [Новое время. 1902. № 9405. С. 3–4]. Много слов было сказано и о «сердечности», искренности союза со стороны простых людей: «Всемирная история слагается из психологий отдельных личностей и если политическая идея существует в действительности, а не выдумана тонкими сочинителями дипломатической переписки, то вы найдете ее в сердцах простых людей гораздо более глубокой и сильной, чем какой проявляется она в действиях верхнего слоя населения» [Новое время. 1902. № 9398. С. 2].

Эмоциональная компонента большинства статей была, как правило, очень сильной. Она выражалась в прочувствованных речах непосредственных участников, впечатлениях зрителей и в общей атмосфере праздника. Как отмечали газеты, петербуржцы часами простаивали на столичных улицах в ожидании возможности увидеть французских гостей — и высокопоставленных лиц, и офицеров, и моряков. Последних охотно угощали, качали на руках, водили по городу, вместе с ними пели русские и французские песни, в том числе французский гимн, запрещенный к исполнению в Российской империи в обычные дни. Даже печальное событие могло приобрести при таком раскладе особое значение. В ходе торжеств 1897 г. матрос одной из французских эскадр утонул в Петербурге. В результате печальная церемония погребения приняла характер франко-русской манифестации [Новое время. 1897. № 7712. С. 3]. В целом пресса охотно описывала праздничный вид столичного города и радостные настроения обывателей, руководствуясь принципом: «Настроение улицы — истинный показатель чувств народа» [Новое время. 1902. № 9402. С. 3].

Русско-французские торжества превратились в ярчайшие события своего времени: «Незабвенные, великие минуты в политической жизни общества, оставляющие глубокий, неизгладимый след в сердцах всех, кому выпало счастье быть очевидцем и живым свидетелем всей этой грандиозной и трогательной манифестации» [Петербургский листок. 1902. № 122. С. 2]. Буквально на глазах современников творилась история, и у них был шанс стать ее непосредственными участниками. Владельцы газет не могли упустить связанную с этим материальную выгоду. На страницах

изданий широко рекламировалась различная продукция — билеты на частные пароходы для приветствия французов или на трибуны во время высочайшего смотра, памятные медали и значки, флаги, портреты императора и президентов, многочисленные сувениры. Европейцы, конечно, гораздо больше преуспели в изготовлении подобных «сопутствующих» товаров «по особому случаю» [1; 2], но и в Российской империи они постепенно становились все более разнообразными и, главное, востребованными: «Флаги у всех. Вот едут в собственном экипаже три молодых девушки и со всех сторон коляски качаются бумажные флаги, флаги у кучеров в шляпах и в разрезах кафтанов, на дугах у лошадей, и сплошная толпа, движущаяся по панелям Невского, почти вся вооружена теми же флагами, значками, искусственными цветками, составленными из трех национальных русских и французских цветов» [Новое время. 1902. № 9402. С. 3].

Укрепление русско-французских отношений происходило на самых разных уровнях. Свою весомую лепту внесли и представители петербургских периодических изданий. Еще в 1897 г., когда в Петербург приезжали корреспонденты «Temps», «Figaro», «Matin», «Petit Journal», «France», «Moniteur Universel», «Patrie», «Paris» и других французских газет, для столичных гостей был устроен достойный прием. Коллег из Франции снабжали необходимыми сведениями, угощали в ресторанах, им оплатили бесплатный проезд по железным дорогам. Устроенные тогда пунш и банкет оставили хорошие впечатления, а потому в 1902 г. их решено было повторить. Предварительно был создан специальный Комитет по организации праздника под председательством А. С. Суворина («Новое время»), разработавший программу встречи и дальнейших чествований. Участие в обсуждениях и подготовке приняли представители различных изданий — «Петербургская газета», «Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Петербургский листок», «Свет», «Новости», «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства» и др.

В результате накануне приезда французского президента Э. Лубе был устроен «пунш», на котором присутствовало более 100 русских и до 40 французских журналистов. А через несколько

дней банкет («раут печати») в честь французских гостей, собравший в общей сложности около 500 человек. Встречи прошли в колоритном ресторане «Медведь» на Большой Конюшенной улице. В ходе празднований обе стороны обменивались приветственными тостами с пожеланиями.

Примечательную речь произнес С. Н. Худеков, драматург, беллетрист, издатель «Петербургской газеты»: «Во всех курсах географии мы учили, что в Европе существует пять великих держав: Россия, Франция, Германия, Англия и Австрия; но, по моему мнению, тут вкралась ошибка: существует еще шестая держава, с которой однако никто не воюет, а в которой все нуждаются. Пять великих государств имеют в своем распоряжении пушки, ружья, а у шестой державы, на вид самой слабой, одно оружие — перо, которое способствует *выражению общественного мнения*². <...> Здесь собрались представители этой шестой державы — печати. Поднимаю бокал за ее процветание и за ее единение» [Новое время. 1902. № 9400. С. 3]. В этом образном сравнении прозвучал важный посыл самоидентификации журналиста как профессионала своего дела. Рассуждения на этот счет продолжились в «Петербургской газете».

В статье под заглавием «Банкетные впечатления» отмечалось, что «наша печать за последние годы страшно выросла во всех отношениях. Она, очевидно, заслужила *свою службу обществу* симпатии и полное доверие этого общества <...> А ведь еще не так давно мы, труженики пера, считались в известных кругах чуть ли не “неудачниками”, посвятившими себя, якобы, служению гласности только потому, что не нашли или не могли найти себе более “достойной профессии”. <...> Теперь эти презренные дни невежественной тьмы, к счастью, миновали» [Петербургская газета. 1902. № 126. С. 2]. Однозначной была и положительная оценка роли периодических изданий не только в освещении встреч на высшем уровне, но в укреплении отношений между Россией и Францией: «В создании франко-русского союза, в уяснении идеи франко-русской взаимности русский журналист ведь тоже сыграл далеко не последнюю и, во всяком случае, *весьма значительную роль*» [Петербургская газета. 1902. № 126. С. 2].

² Здесь и далее курсив мой — С.Л.

Отклик французских «конфрэров» (как называли их в петербургской прессе) был также весьма теплым. Представитель «Figaro» Гастон Кальметт (Gaston Calmette) произнес «сердечный» ответный тост: «Наш достопочтенный собрат г. Суворин, старейший представитель русской печати, сейчас сказал нам, французской печати: “Любите Россию так, как русская печать любит Францию”. Достопочтенный собрат может быть спокоен: в качестве главного редактора “Figaro” я имею честь от лица всех моих собратьев это удостоверить. Достаточно провести всего один день в вашей чудной стране, испытать лишь пожатие ваших рук, чтобы на вечные времена полюбить дружескую страну и хранить к ней бесконечную привязанность <...> Позвольте же мне от имени всей французской печати провозгласить “ура” в честь нашего друга — русской печати “Ура!”» [Новое время. 1902. № 9400. С. 3]. Журналисты из Франции остались довольны и приемом, и возможностью дальнейшего сотрудничества. Периодические издания Петербурга и Парижа охотно перепечатывали приветственные телеграммы и поздравления в адрес друг для друга.

Общий тон публикаций на тему русско-французских отношений был восторженно-приподнятым. Если и попадалась какая-то критика, то касалась она, скорее, организационных моментов и сводилась к тому, что встретить дорогих гостей можно было еще лучше. Причем даже на страницах одной газеты могли быть озвучены противоположные мнения. Например, в «Петербургской газете» перед встречей французского президента Э. Лубе публиковалась целая серия статей с описанием преображения города и в одной из них сообщалось, что Петербург давно так прекрасно не украшался, со времен торжественного въезда в столицу в 1866 г. принцессы Дагмары — будущей императрицы Марии Федоровны, супруги императора Александра III [Новое время. 1902. № 121]. А уже через несколько номеров появился критический обзор городских украшений. Согласно мнению именитых художников, столь важное дело доверили непрофессионалам, поэтому и результат получился не столь впечатляющим [Новое время. 1902. № 124. С. 4].

Совсем по-другому оценивали встречи на высшем уровне революционеры, которые выражали свои мысли в заграничных или

подпольно распространяемых изданиях. В одной из таких листовок, тираж которых в среднем насчитывал от нескольких десятков до нескольких сотен экземпляров (с появлением подпольных типографий — до 1–3 тыс. экземпляров), приводились разоблачения империалистической политики, построенной на «идеалах грабежа»: «Придается же этим встречам <...> вид наивной искренней сердечной дружбы и внезапно вспыхнувшего взаимного чувства энтузиазма и восторга прекрасными традициями и достоинствами стран, правители которых на глазах всего мира и обмениваются любезностями. Устраиваются торжественные приемы, город украшается флагами, дома иллюминуются, войска дефилируют в парадной амуниции, и привлекается также для необходимой декорации “народ” в виде толпы уличных зевак, которым приказывают кричать “ура!” в честь милого гостя. Произносятся торжественные, прочувствованные речи, государи восторгаются друг другом и достоинствами правимых ими народов, целуются, а продажная европейская пресса умело подхватывает всякое миганье с этой бесстыдно-лицемерной сцены и разносит по миру восторги и славословия неопределимым качествам высокого гостя, славным традициям его династии, доблестям его армии и пр.» Особенное возмущение вызывало русско-французское сближение: «<...> в последнем десятилетии миру представилось чудовищное зрелище, как гордая своим республиканским образом правления и своими свободными традициями Франция преклоняла колени перед неограниченным монархом, злейшим тираном свободы, олицетворением рабства, насилия и произвола — царем русским» [Государственный центральный музей современной истории России. ГИК 2061/49 а, б]. Таким образом, противостоявшие самодержавию силы стремились минимизировать ажиотаж, сопровождавший встречи французских гостей и намеренно поддерживаемый столичной периодической печатью.

Сомнений в силе «шестой державы» не оставалось уже ни у кого. Роль прессы в освещении событий продолжала возрастать. Это было хорошо заметно и в последующие встречи императора Николая II с премьер-министром, а затем президентом Французской Республики Р. Пуанкаре в 1912 г. и 1914 г. Не случайно пришедшие к власти осенью 1917 г. большевики одним из первых

декретов издали декрет «О печати», в котором так и было прописано: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии» [Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 24–25].

Петербургская пресса — как для современников, так и для потомков — стала уникальным источником информации о визитах французских президентов в Российскую империю в 1897 г. и 1902 г. Максимально полно представив основные этапы высочайших торжеств и поделившись с читателями пространными соображениями о целесообразности и «сердечности» русско-французского сближения, публикации в газетах не вышли, однако, за рамки праздничной торжественности и определенных, намеренно заданных сюжетов. Интерес читателей поддерживался благодаря преемственности высочайших встреч, узнаваемости главных действующих лиц, эмоциональной подаче материала, публикациям фотографий с места событий, эксклюзивным сообщениям об интерьерах дворцов, преподнесенных подарках и т.д. Многочисленные статьи вызвали эффект сопричастности и в то же время формировали однозначно позитивный образ русско-французского союза. На обширном и разнообразном материале журналисты не только искали способы отражения общественного мнения (как это декларировалось), но и неизбежно параллельно вырабатывали механизмы возможного влияния на него.

Список литературы

1. Brodier C. L'alliance franco-russe, ou la pérennisation du souvenir des fêtes, 1896–1897 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2019. № 49. P. 43–53.
2. Hamel C. La commémoration de l'alliance franco-russe: La création d'une culture matérielle populaire, 1890–1914. Mémoire de maîtrise. Concordia University, 2016. 138 p.
3. Лиманова С. А. Коронационный вояж Николая II в Европу. По запискам камерфурьерского журнала за 1896 г. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1023–1038.
4. Лиманова С. А. Политика имперской «сердечности» на рубеже XIX–XX вв.: сближение с Францией и конструирование образа «друга России» // Электронный научно-образовательный журнал «История».

2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840012991-9-1/> (дата обращения: 08.11.2021).

5. Лиманова С. А. Ответный визит президента Французской Республики Эмиля Лубе и закрепление образа «великого друга» России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840016087-4-1/> (дата обращения: 09.11.2021).
6. Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. 376 с.
7. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. Учебное пособие. М., 2003. 238 с.
8. Розенталь Э. М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960. 272 с.
9. Рыбаченок И. С. Визиты Николая II и Феликса Фора (1896–1897 гг.) на страницах газеты «Новое время» // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 12. М., 2017. С. 81–112.
10. Рыбаченок И. С. Эволюция русско-французского союза 1891–1893 годов в начале XX века // Россия — Франция: 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 156–164.

Limanova Svetlana Andreevna,

PhD in History, Senior Scientist Researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

THE MEETINGS OF NICHOLAS II WITH FELIX FAURE (1897) AND EMILE LOUBET (1902) AT HIGHEST LEVEL IN FOCUS OF SAINT PETERSBURG PRESS³

The article deals with the press coverage of the meetings at highest level between the emperor Nicholas II and the French presidents Felix Faure (1897) and Emile Loubet (1902) on the pages of Saint Petersburg press. The article is focused on the journalists' methods of attraction the attention of audience, the most interesting moments of the meetings, the image of Russia and France drawn in various articles. Primary focus is paid to the analysis of the most informative periodicals — “Novoe Vremya” and “Peterburgskaya Gazeta”. The particular accent is given on the “press banquet”, which makes possible to

³ The article has been prepared with financial support of the Russian Science Foundation (science project no. № 20–18–00482).

demonstrate the mass media representatives positioning and self-evaluation. As a result, the article gives a conclusion on the reflection and shaping of the public opinion in mass media of the Russian Empire at the turn of the 19–20 centuries.

Keywords: Nicholas II, Felix Faure, Emile Loubet, Franco-Russian Alliance, press, press banquet, public opinion.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО АЛЬЯНСА В РОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В статье показаны факторы формирования, эволюции и способы репрезентации образа Франции как союзницы в условиях участия России в Первой мировой войне. Описаны основные проявления пропагандистского дискурса, характеризующего Францию и русско-французский союз как составляющую Тройственного соглашения. Показаны разнообразие дискурсов прессы в оценках Франции, ее роли в войне и в составе Антанты. Проанализированы причины критических настроений в отношении союзников, в том числе Франции, в российском обществе, и их проявления в общественно-политическом дискурсе, публикациях прессы. Охарактеризованы проявления трансформации восприятия союзной Франции и отношений с ней в условиях Революции 1917 г.

Ключевые слова: Русско-французский альянс; Франция; Первая мировая война; российская пропаганда; образ союзника.

Первая мировая война породила феномен политической мобилизации воюющих обществ, обусловленный как тотальным характером конфликта, так и новыми возможностями воздействия на сознание населения посредством официальной и неправительственной пропаганды. Создатель теории пропаганды Г. Лассуэлл отмечал, что «во время войны пришлось убедиться, что мобилизация людей и средств оказалась недостаточной. Потребовалась мобилизация мнений» [9, с. 31]. Значительную роль в «мобилизации мнений» играла пресса, газеты накануне и в годы Первой мировой войны служили основным источником внешнеполитической информации не только для города, но и в значительной мере для деревни, были важнейшим каналом проникновения в широкие слои населения и средством формирования внешнеполитических

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»)

стереотипов. Распространение грамотности, политизация населения привели к тому, что дешевые массовые газеты, рассчитанные на широкие читательские слои, стали расходиться огромными тиражами. В годы Первой мировой войны выходило 856 наименований изданий легальной прессы с разовым тиражом 2,7 млн экземпляров [7, с. 74]. Массовые газеты транслировали целый спектр представлений о действиях, мотивах и свойствах союзных государств и народов, их отношениях с Россией. Это в полной мере относилось и к союзной Франции. Пресса формировала и закрепляла определенные символы-мифы общественного сознания, их устойчивость во многом зависела от хода событий, влияния социокультурных факторов.

Изучение военной пропаганды в России и на Западе показало, что обоснование войны во всех странах базировалось на мифологии политических режимов и «национальных ценностей», в каждой стране сложился особый механизм пропаганды, но ее «техника» имела универсальные черты, слова превратились в оружие, велась «война образов», «война идентичностей» [9, 20, 21, 22, 23, 24, 25]. Специфику российской официальной пропаганды, процессов мобилизации массового сознания и общественного мнения убедительно показали Ф. Ян Хубертус, Е. С. Сенявская, А. Б. Астахов [2, 17, 21]. Репрезентации союзника в пропаганде, формирование и эволюция образа союзника и, в частности, Франции, в сознании российского общества, военно-техническое, дипломатическое, культурное сотрудничество России и Франции в годы Первой мировой войны стали предметом специальных исследований [3, 5, 6, 12, 13 и др.].

Франция была одним из основных союзников России по Антанте в годы Первой мировой войны, активное сближение с которой происходило уже с 90-х гг. XIX в. Накануне Первой мировой войны восторженное увлечение страной и ее народом в период первого сближения во время взаимных визитов 1890-х гг. уступило место восприятию российским обществом Франции как надежного союзника, которому можно доверять, а французов как народа — близкого по духу и обладающего несомненными достоинствами. Однако отношения с французским союзником не были безоблачными, ис-

пытывая «взлеты и падения» под влиянием международной конъюнктуры, кризисов и взаимных противоречий. Противоречив и неоднозначен, как показал Е. Ю. Сергеев, был образ французского союзника накануне войны в сознании российской военной элиты. В представлениях офицеров Генерального штаба, военных атташе Российской империи, складывался образ «нестойкого, а потому ненадежного союзника, командные кадры которого к тому же заражены идеями социализма и пацифизма, а высшие офицеры — члены масонских лож» [18, с. 203].

После вступления России в Первую мировую войну представления о русско-французском союзе стали составляющей системы идей о справедливости целей Антанты. Франция стала изображаться в пропаганде как благородный и самоотверженный борец с германской агрессией, за общесоюзническое дело, освобождение угнетенных народов, как надежный союзник России. Такого рода оценки озвучивал Николай II, в первые дни войны говоривший французскому послу М. Палеологу: «Я хотел выразить вам всю свою благодарность, все свое удивление перед вашей страной. Показав себя столь верной союзницей, Франция дала миру незабвенный пример патриотизма и лояльности», «я всегда верил слову Франции» [14, с. 62]. Уже 20 июля (2 августа), до получения известия об официальном объявлении войны Германией Франции, на приеме у Николая II представителей Государственной Думы и Государственного Совета в Зимнем дворце звучали возгласы «Да здравствует Франция» [Там же, с. 57]. Позиция элиты резонировала с широкими общественными настроениями. После получения официальных известий о вступлении Франции в войну 4 августа, как вспоминает М. Палеолог, «весь день перед посольством проходили шествия с флагами, иконами, при криках «Да здравствует Франция!» [Там же, с. 60].

Концепция справедливой освободительной войны тиражировалась в печати, в том числе ежедневных газетах, излагалась в специальных популярных брошюрах, выходивших в издательствах товариществ И. Д. Сытина, И. Н. Кушнерова и др., в лубочной литературе, кинематографе, театре, разъяснялась с амвонов церковью. Широко распространившиеся в стране в начале войны

представления о ней как борьбе с германской агрессией, угрожающей миру и самому существованию народов, делали союзников в глазах русского общества борцами за общее правое дело.

Союзническая солидарность, передовой опыт мобилизации материальных и духовных ресурсов на нужды фронта стали темами публикаций ежедневной прессы, обращенной к широкой читательской аудитории. Со своей стороны, союзники, в частности, Франция, широко использовали созданные в России пропагандистские структуры для снабжения российских средств массовой информации необходимыми для укрепления боевого духа материалами. Только в июле 1916 г. французская пропагандистская организация направила в прессу Петрограда и Москвы 23 материала и 153 — в провинциальную прессу [12, с. 89].

Популярной темой публикаций стали культурные достижения Франции, которые характеризовались в контексте разных сюжетов: о ее борьбе за Египет, о роли женщин в истории страны и ходе современной войны и т. д. И. О. Левин, говоря об экспедиции Наполеона в Египте, отмечал, что она «оказалась неудачной лишь в политическом отношении. В научном же и культурном отношении она дала блестящие результаты. Наполеона сопровождали французские ученые и инженеры. Французами было тогда положено начало науки чтения иероглифов, их инженеры стали изучать способы улучшения системы орошения Египта и делали, в соответствии с предписанием Директории, изыскания для прорытия Суэцкого перешейка» [Русская мысль. 1916. Кн. 2. С. 2]. С. Франк высоко оценивал состояние духовной жизни страны в условиях войны: «Наблюдатели современной французской жизни отмечают единогласно один отрядный и ценный факт: война, захватившая все французское общество, не только не понизила духовную жизнь Франции, но, наоборот, содействовала ее подъему» [Русская мысль. 1916. Кн. 1. С. 12].

Одной из важных тем пропагандистского дискурса стало участие французских женщин в усилиях «домашнего фронта». В журнале «Русская мысль» в статье М. Лот-Бородиной «Французская женщина перед лицом войны» приводились данные об участии женщин в «мобилизации тыла», их самоотверженной работе в усло-

виях войны. Автор заключает: «Величайшая слава французских женщин — в безмолвном принятии и исполнении патриотического долга. Их подвиг — подвиг самоотречения во имя высшего идеала» [Русская мысль, 1916, Кн. 4, с. 78]. В публикации «Нового времени» подчеркивалась особая роль женщин во французской истории: «Едва ли найдется в истории другой народ, в прошлом которого женщина играла бы такую роль, как во всех славных и трагических перипетиях великой галльской нации, сумевшей выдвинуть незабываемый в своей яркости тип подружки и помощницы, равно незаменимой на всех степенях общественного положения и одинаково деятельной в минуты радости и горя». [Новое время, 1916, 15 (28) октября, с. 6–7].

Успехи союзников в налаживании работы тыла часто противопоставлялись в прессе недостаткам в этой сфере в России. Так, анализ роста цен во Франции и Англии позволил публицисту «Нового времени» сделать заключение, что союзники более успешно решают экономические и социальные проблемы: «Из приведенных цифр французского и английского журналов явствует с полной очевидностью, что союзники не испытывают того бешеного поднятия цен решительно на все категории необходимых для жизни предметов, какое переживаем мы» [Новое время. 1916. 15 (28) октября. С. 10].

В прессе не только давалась информация о боевых победах союзников, но и с симпатией рисовался образ воина союзных армий. В одной из статей «Нового времени» описывалась организация окопной жизни французами: «Жизнерадостные французы не забыли также и о развлечениях... устраиваются импровизированные театры и кабаре. Солдаты-художники рисуют декорации, солдаты-актеры выступают на эстраде. По фронту раскинуто свыше сотни подобных театриков [Новое время, 1916, 2 (15) июля, с. 12]. Б. Савинков, наблюдавший в 1914–1916 гг. французов на Западном фронте и опубликовавший книгу под псевдонимом «Ропшин» в 1917 и 1918 гг., говорил в ней и о довоенных предубеждениях у многих русских в отношении французов и об их преодолении: «в один год “легкомысленные мещане” превратились в закаленных бойцов»... «И не потому ли во Франции рождались Делакруа

и Мюссе, что французский дух — *дух мужества и свободы?*» — восклицал автор [16, 1918, с. 5–6].

Образ союзника визуализировался: в частности, в России были изданы открытки с изображением солдат в форме стран Антанты с текстами государственных гимнов [6, с. 111–112]. В серии аллегорических фигур А. К. Денисова-Уральского «Из воюющих держав», представленных на выставке в Петрограде 5 марта 1916 г., Франция была представлена в традиционном образе Марианны [4, с. 228]. В образах этой серии, как отмечает Л. А. Будрина, нашел воплощение язык газетной и плакатной графики того времени [Там же, с. 226].

Несмотря на усилия пропаганды, образ союзника претерпевал изменения под влиянием хода военных действий. Сдвиги в общественных настроениях в отношении Франции обозначились уже после катастрофы в Восточной Пруссии. Возникло представление о жертве, принесенной Россией для спасения Франции. В декабре 1914 г. М. Палеолог записал: «До меня доходит с разных сторон, что в интеллигентской и либеральной среде высказываются по отношению к Франции с таким же недоброжелательством, как и несправедливостью [14, с. 138]. Французский посол зафиксировал фразу, произнесенную министром иностранных дел С. Д. Сазоновым 30 августа 1914 г., после получения известий о разгроме русской армии при Сольдау: «Мы должны были принести эту жертву Франции, которая показала себя такой верной союзницей» [Там же, с. 94].

В период «великого отступления» русской армии недовольство союзниками проявлялось на всех уровнях военной иерархии, в том числе в Ставке. 18 июля 1915 г. в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» была опубликована статья, в которой союзники резко критиковались за бездеятельность в то время, когда русской армии приходилось выдерживать главный удар Германского блока. В ней также говорилось о разногласиях между союзниками по вопросам о средствах достижения общей цели, распределении плодов будущей победы, в частности, Константинополе и проливах. Утверждалось, что невозможно опровергнуть публикации немецкой печати о том, что Англия и Франция преследуют свои особые

интересы в Дарданеллах и на Босфоре, «предоставив одной России справляться с нападением соединенных неприятельских армий». В газете говорилось: «Французы и англичане будто бы сознательно берегут свои силы на западном фронте, довольствуясь обороною и частичными наступлениями, в то время как главные массы австро-германских войск обрушились всею своею тяжестью на Россию. Наши союзники относятся будто бы довольно равнодушно к ходу военных дел на русской границе и не стараются вовсе облегчить наше трудное положение своевременными энергическими наступательными действиями» [Биржевые ведомости. 1915. 18 (31) июля, утренний выпуск].

Французский офицер майор Ж. Ланглуа, неоднократно посещавший Россию, во время своего визита в июне 1915 г. отмечал полное непонимание русским общественным мнением значимости военных усилий союзников. За несколько месяцев, по его словам, критическое отношение к союзникам приобрело опасный размах. В обществе и в армии укреплялось мнение о намеренной пассивности французской и британской армий, не желавших предпринять усилия для облегчения положения России [12, с. 88].

Недоверие, непонимание мотивов друг друга, односторонние трактовки причин побед и поражений, характеризующиеся преувеличением роли своей страны и недооценкой роли союзников, были общей чертой межсоюзнических отношений [6, с. 139–140]. Разочарование в союзниках, однако, в меньшей степени затронуло Францию, чем Великобританию, т. к. на территории Франции также, как и России, велись боевые действия и ее гражданское население страдало от «германских зверств».

Публикации прессы в ряде случаев прямо или косвенно отражали недовольство Великобританией и солидарность с позицией Франции, на основе их противопоставления. Так, в одной из статей «Русской мысли», посвященной книге француза Андре Чевриллона, отмечалось: «Как француз, он [Андре Чевриллон — О.П.] в конце первого года войны почувствовал себя зараженным глухим недовольством континента [курсив мой — О.П.] на медлительность военных приготовлений своей островной союзницы», говорилось о нежелании Великобритании до войны открыто присоединиться

к русско-французскому блоку: «Союзники не без основания склонны считать, что Англия одна могла предотвратить катастрофу, если бы с самого начала определенно дала понять немцам, что будет в числе их врагов» [Русская мысль». 1916. Кн. 12. С. 9, 10].

Предметом обсуждения в прессе было соотношение сил внутри Тройственного соглашения. Проявлялось отношение к Франции, людской потенциал которой был ограничен, а экономический уступал Великобритании, как ко второму по значению союзнику по коалиции, несмотря на большую симпатию к этой стране. В одной из публикаций «Дела» об этом говорилось прямо: «Франция играет не руководящую, а подчиненную роль. Она находится скорее только в свите настоящих великих держав — России и Англии. Ее военные силы далеко отстают от наших и английских, а политическое влияние теперь больше, чем когда бы то ни было, измеряется пропорционально материальным силам» [Дело. 1916. № 5–6, с. 82]. В демократическом журнале «Современник», объединявшем широкие круги левой интеллигенции, в октябре 1915 г. отмечалась усталость французов от войны и ставился вопрос о возможном изменении под ее влиянием их национального характера: «не следует ли считать уже и теперь отошедшую в область предания «веселую Францию» и не идет ли на смену последней Франция, серьезно задумывающаяся над новыми формами своего бытия?» [Современник. 1915. № 10. С. 339]. В журнале обсуждался «упадок» парламентаризма и экономический кризис во Франции [Там же, с. 212–228]. Оживление оппозиционного общественного движения во Франции с середины 1916 г. также не осталось незамеченным в демократической прессе. Предметом обсуждения были растущие противоречия во французском обществе по вопросу о целях войны, активизация социалистического и пацифистского движения [Дело. 1916. № 7–8. С. 94–95].

Противоречивые последствия тесного экономического взаимодействия с союзниками были предметом обсуждения в либеральной и консервативной печати. В частности, дискутировалась проблема экспансии не только капитала, но и рабочей силы Англии и Франции в российскую экономику, что создавало угрозу усиления экономической зависимости от союзников, ущемляло интере-

сы национальной буржуазии и русских рабочих. В кадетской газете «Речь» в статье «Печать об экономическом сближении с союзниками» давался обзор точек зрения по вопросу, в том числе критических. Цитировался, в частности, правый орган «День», в котором говорилось: «необходимо, чтобы Россия не попала вместо немецкого капитала под власть какого-либо другого. Как говорил г. Крестовников в Государственном Совете, Россия является для наших союзников лакомым кусочком [курсив мой — О.П.] и все... опасаются, как бы не были принесены в жертву интересы России» [Речь. 1916. 3 (16) апреля]. Вступая в полемику с этой, весьма распространенной, точкой зрения, либеральная «Речь» высказывалась в пользу англо-французского капитала, так как, по ее мнению, «немецкий купец обозначает собой политическое воздействие в неизмеримо большей степени, чем французский или английский» [Речь. 1916. 3 (16) апреля].

Наиболее активные сторонники тесного сотрудничества с союзниками, кадеты, в марте 1916 г. опубликовали «Воззвание партии народной свободы» — призыв к населению, принятый на ее VI съезде. Отмечая факт затягивания мировой войны, «Воззвание» призывало к вере в победу в союзе с Англией и Францией, исходя из того, что у России нет другого выбора в этой войне. Победа вместе с союзниками связывалась в «Воззвании» и с перспективой демократического переустройства России: «Дело отпора врага неразрывно связано с делом нашего внутреннего устройства... только опираясь на твердую волю страны победить, можно осуществить эту цель и устранить на ее пути все препятствия» [Зауральский край. 1916. 2 марта].

Падение монархии в результате Февральской революции 1917 г. породило в русском обществе надежды на скорое победоносное окончание войны в союзе с «западными демократиями». В первые после революции недели 1917 г. вновь, как и в начале войны, поднялась волна военного энтузиазма, составляющей которого были выражения чувств солидарности с союзниками, в том числе — с союзной Францией. Формами их проявления были не только демонстрации, митинги и собрания, принимавшие резолюции о войне до победы над кайзеровской Германией совместно с союзниками,

но и овации французскому и английскому послам, устраивавшиеся на улицах Петрограда [14, с. 347].

Новая политическая реальность революционной России, однако, была чревата целым рядом противоречий в отношениях с союзниками, в том числе с союзной Францией, исходившей из идеи неизменности целей и идеалов стран Согласия. В Ноте французского правительства, принятой в ответ на Декларацию Временного правительства от 27 марта, где констатировался отказ от захватнических целей войны, содержались положения, выявлявшие серьезные расхождения в понимании условий окончания войны. В Ноте говорилось: «Франция не помышляет притеснять ни одного народа..., но она желает, чтобы гнет, так долго тяготевший над миром, был, наконец, уничтожен, и чтобы были наказаны те, кто содейали преступления, покрывшие позором наших врагов в этой войне» [Вестник Европы. 1917. № 4–6, с. 695]. В ней говорилось о желании прийти к соглашению с Россией об условиях окончания войны «путем изучения и установления, с общего согласия, условий, при которых союзники могут рассчитывать на достижение окончательного решения, согласованного с теми идеями, которыми они руководились при ведении настоящей войны» [Там же, с. 696].

Союзники стремились удержать Россию в войне, обеспечить сохранение «патриотического духа» и боеспособности русской армии. С этой целью в Россию направлялись делегации социалистов стран Антанты, как члены союзных правительств, так и левые депутаты парламентов. Одним из них был министр вооружений правительства Франции социалист Альбер Тома. В мае 1917 г. ему было присвоено звание «Почетного гражданина Москвы» «в знак выражения безграничного уважения к личности Альбера Тома» и, как говорилось в Постановлении московской Думы, «чувства живой симпатии и восторга перед героической Францией, союзницей и испытанным другом России» [1, с. 273]. По инициативе Альбера Тома была сформирована единая информационно-пропагандистская служба союзников, развернувшая масштабную деятельность по созданию и распространению в России разнообразных агитационных материалов [12, с. 91–92].

Временное правительство отстаивало стратегию наступления на фронте и противостояния Германии в единстве с союзниками, лидеры умеренных социалистов также полагали, что Россия без союзников ни продолжать войны, ни выйти из нее не может. Представители либеральных, цензовых кругов, часть интеллигенции исходили из идеи неизменности освободительных целей Антанты, а Франция оставалась в их глазах верным союзником России в ее борьбе с германским милитаризмом [Речь. 1917. 5 (18) мая; Зауральский край. 1917. 26 апреля, 11 мая]. Про-союзническую пропаганду, в соответствии с позицией Временного правительства и собственными убеждениями вели публицисты «Русского слова», «Речи», «Биржевых ведомостей», «Нового времени». В последнем по-прежнему публиковались статьи, прославляющие мужество и стойкость воинов союзных армий. Идеал мужественности просматривается в изображении «сильного духом» воина-француза: «Глаза точно углубились и зорко смотрят из-под сдвинувшихся бровей. Эти глаза видели смерть, и она наложила на них свою великую печать» [Новое время, 1917, 27 августа (9 сентября), с. 4].

Оценивая действенность официальной российской пропаганды в условиях войны, Е. С. Сенявская справедливо отметила, что непонимание массами целей России и ее союзников в войне было связано не только с неэффективностью пропагандистского аппарата, но и, в конечном счете, упиралось в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения [17, с. 65]. Позиция сторонников продолжения войны в союзе с западными демократиями диссонировала с настроениями солдат, рабочих и крестьян. Летом-осенью 1917 г. доминантами массовых настроений стали усталость от войны, стремление к скорейшему демократическому миру. Составляющей данного процесса была эскалация ненависти к союзникам, олицетворением которых становилась «союзная буржуазия». Если до апреля 1917 г. к Франции в массах преобладало позитивное отношение, то после апрельского кризиса негативизм затронул и эту страну [15, с. 48–50].

Активную антисоюзническую, в том числе антифранцузскую, пропаганду вели большевики, руководившиеся идеями вернувшегося из эмиграции Ленина. Франция, как и Англия,

рассматривалась как оплот мирового капитализма, заинтересованного в продолжении войны, а зависимость от союзников российского капитала — как одно из важнейших препятствий прекращения войны. В обличительном пафосе Ленина, направленном против Временного правительства и его внешней политики, обвинения в адрес союзниц занимали центральное место [11, с. 153, 10, с. 212].

Фактическое перемирие на русском фронте, отступление русских войск воспринимались в самой Франции, понесшей значительные потери в войне, как предательство общего дела, проявление малодушия и деморализации. Эта позиция была отражена в «Политическом обозрении» «Вестника Европы» в августе 1917 г., где говорилось, что «парижский “Temps” видит в оставлении Риги не только военную, но и моральную катастрофу», что во Франции все более распространяется взгляд, что бесполезно рассчитывать на дальнейшее участие России в войне, что не следует уже оказывать ей какую-либо поддержку или принимать во внимание ее интересы, а надо предоставить Россию собственной ее судьбе [Вестник Европы. 1917. № 7–8. С. 402–404].

С другой стороны, в России представления о ее односторонней жертвенности в интересах союзников, бытовавшие еще до Революции, приобрели широкий размах. Они были порождены накоплением претензий и обид по отношению к союзникам, усталостью от войны, усугублением противоречий в видении перспектив войны и мира, антисоюзнической пропагандой левых социалистов. Помимо этих общих причин ухудшению отношений с Францией способствовало тяжелое положение частей Русского экспедиционного корпуса. Разочарование в союзниках испытывали даже убежденные приверженцы дела Антанты. Так, лидер кадетской партии А. В. Тыркова записала в дневнике 27 января 1918 г.: «Я не хочу быть под чьим бы то ни было протекторатом, даже союзников» [19, с. 213–214]. Незадолго до Октябрьской революции француз, капитан де Шевильи, направленный в Россию для решения пропагандистских задач, написал в докладе министру иностранных дел Франции о том, что продолжать агитировать русское общество за активное продолжение войны не только бесполезно, но и опас-

но. Он отмечал, что попытка внушить то, что резко противоречило настроению большинства, принесла бы прямо противоположный ожидаемому результат [12, с. 92].

После заключения советской Россией Брестского мира образ Франции, как бывшего союзника по Антанте, стал влетаться в систему представлений гражданской войны.

Список литературы

1. Акуленко И. В. Почетное гражданство в истории Москвы // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2017. Т. 4. № 3. С. 266–281.
2. Асташов А. Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
3. Бодров А. В. Формирование системы военно-технического сотрудничества России и Франции в 1915 г. // Великая война 1914–1918. Вып. 3. М., 2013. С. 42–48.
4. Будрина Л. А. Страницы творчества А. К. Денисова-Уральского // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 221–230.
5. Галкина Ю. М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны. Дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 211 с.
6. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 391 с.
7. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917. Краткий очерк. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. 88 с.
8. Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 266 с.
9. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. Н. М. Потапова. М. — Л.: Государственное издательство, 1929. 199 с.
10. Ленин В. И. Война и Временное правительство // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 211–213.
11. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 149–186.
12. Павлов А. Ю. Война любой ценой! Французская пропаганда в России в 1917 г. // Новая и новейшая история. 2020. № 2. Том 64. С. 86–95.
13. Павлов А. Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2019. 252 с.

14. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 236 с.
15. Поршнева О. С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.
16. Ропшин В. Во Франции во время войны. Сент. 1914 — июнь 1915. Ч. 1. М.: Задруга, 1917. Ч. II. М.: Задруга, 1918. 176 с.
17. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
18. Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М.: ИВИ РАН, 2001. 282 с.
19. Тыркова А. В. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма. М.: РОССПЭН, 2012. 1110 с.
20. Филиппова Т., Баратов П. «Враги России»: образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.
21. Hubertus Jahn F. Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca and London: Cornell University Press, 1995. 229 p.
22. Marquis A. G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. № 3. P. 488–490.
23. Norris S. M. A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. 277 p.
24. Lohr E. The Russian Press and the 'Internal Peace' at the Beginning of World War I // A Call to Arms: Propaganda and public opinion in newspapers during the Great War / Ed. by Paddock T. Westport, Connecticut: Praeger, 2005. P. 91–114.
25. Stites R. Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914–1917 // European culture in the Great War. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 8–31.

Olga Porshneva,

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University, Chair of the Department of Theory and History of International Relations

**REPRESENTATION OF THE RUSSIAN-FRENCH ALLIANCE
IN THE RUSSIAN PROPAGANDA OF THE PERIOD
OF THE FIRST WORLD WAR**

The article shows the factors of formation, evolution and ways of representing the image of France as an ally in the context of Russia's participation in the First World War. The main manifestations of the propaganda discourse that characterize France and the Russian-French alliance as a component of the Entente are described. The author shows the variety of press discourses depicting France, its role in the war and in the Entente. The reasons for critical sentiments towards the allies, including France, in Russian society, and their manifestations in socio-political discourse and press publications are analyzed. The manifestations of the transformation of the perception of allied France and relations with it in the conditions of the Revolution of 1917 are characterized.

Keywords: Russian-French alliance, France, World War I, Russian propaganda, the image of an Ally.

И.Э. Магадеев

**РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
 ФРАНЦУЗСКОЙ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ
 РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1917 г.
 ВОЕННЫМИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
 ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье с опорой на французские архивные и опубликованные документы предпринят анализ того влияния, которое на французские оценки событий 1917 г. оказывала аналогия в виде сопоставления начавшейся Российской революции и Французской революции 1789–1799 гг. Автор приходит к выводу о том, что образ Французской революции для целого ряда представителей Третьей Республики был «концептуальной линзой», через которую они рассматривали события 1917 г. Указанная аналогия не затмевала ключевых стратегических целей, которыми руководствовались французские дипломаты и военные — обеспечить продолжение участия России в Первой мировой войне. Однако сопоставление двух революций служило важным ориентиром для восприятия, анализа и прогнозирования стремительно менявшейся обстановки. Как отношение к самим событиям 1789–1799 гг., Революция в России усилила раскол на правых и левых среди французских наблюдателей. Если аналогии с Французской революцией должны были облегчить понимание российской ситуации 1917 г., то по мере развития революционных событий они все чаще отражали иной аспект — этноцентризм ряда французских оценок. Российская революция «должна» была развиваться по рецептам Французской, а французские представители — выступить пропагандистами и «наставниками» молодой Республики.

Ключевые слова: Франция; Российская революция; 1917; образ Другого; исторические аналогии.

Восприятие и оценки революционных событий в России в 1917 г. французскими современниками стали предметом разнообразных исследований в новейшей российской историографии. Были изучены различные аспекты указанной проблематики: от общих характеристик и основных черт бытовавших оценок [2; 3; 4; 21] до особенностей восприятия революционного кризиса отдельными дипломатами и членами многочисленной французской воен-

ной миссии [1; 6; 7; 9; 15; 17]. Подобный интерес, помимо самой ситуации Столетия Российской революции, в ходе которого также появились новые исследования по британским или немецким отзывам на события 1917 г. [13; 22; 25], можно объяснить расширившимся доступом российских историков к зарубежным (в данном случае — французским) архивам [27]. При этом сама проблематика французского отклика на Российскую революцию не была абсолютно новой. Она подверглась анализу советскими авторами, не имевшими, однако, как правило, доступа к французским архивным материалам и действовавшими в достаточно жестких идеологических рамках [28], а также иностранными (прежде всего, французскими) исследователями [31, р. 179–222; 32; 33; 34; 35].

Учитывая текущее состояние историографии вопроса, представляется уместным перейти от экстенсивного пути развития исследований к более детальному, интенсивному изучению отдельных аспектов французского восприятия событий 1917 г. Подобное смещение акцентов, как представляется, позволит углубить понимание ряда проблем, в т.ч. вызовов сотрудничества Франции и России в годы Первой мировой войны, а также закономерностей «русской политики» Парижа в различные периоды истории.

Цель статьи — определить влияние, которое на французские оценки событий 1917 г. оказывало сопоставление начавшейся Российской революции и Французской революции 1789–1799 гг. В сферу авторского анализа включены, главным образом, оценки, которые делали дипломатические и военные представители Третьей Республики в России, а также влиятельные эмиссары, приезжавшие со специальными миссиями, прежде всего — министр вооружений, социалист А. Тома, посетивший Россию в апреле–июне 1917 г. [5; 26].

Исследования отечественных авторов, сравнивавших Российскую и Французскую революции, были преимущественно посвящены проблемам макроистории и компаративного осмысления фундаментального значения 1917 и 1789 г. [8; 14]. Вместе с тем сопоставление двух революций было важно не только для исследователей и интеллектуалов-современников [12; 16], но и для непосредственных участников событий 1917 г. — французских дипломатов и военных в центре и на местах.

Источниковую базу статьи составили материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции [Archives du Ministère des Affaires étrangères (АМАЕ). Correspondence politique et commerciale. Guerre 1914–1918, Russie (1 СРСОМ 658); АМАЕ. Correspondence politique et commerciale. Série C: Administrative (27 СРСОМ 619); АМАЕ. Papiers Paléologue (133 РААР 4)], Национального архива Франции [Archives Nationales (AN). Papiers Pétain. 415 Archives privées (AP) 5], опубликованные донесения, мемуары и дневники французских дипломатов и военных [19; 20; 37–44].

К 1917 г. восприятие Французской революции как своего рода «зеркала» революции в России уже имело свою историю. Характеризуя настроения той части российской интеллигенции второй половины XIX — начала XX вв., которая жила в ожидании преобразований в России, отечественный франковед А. В. Чудинов писал о «своеобразном культе» Великой французской революции в Российской империи [30, с. 13]. Подобные тенденции были усилены затем ввиду ориентации большевиков на французских монтаньяров (якобинцев) и восприятия Французской революции как своего рода «модели» для Октябрьской [11]. Топос продолжил существование в советской историографии в виде сопоставления двух «Великих революций» — Французской буржуазной и Октябрьской социалистической [28].

Для французских дипломатов и военных, находившихся в России в 1917 г., использование указанного сравнения преследовало более практические цели, хотя оно также не было лишено, как правило, идеологического компонента. Стремительное и малопредсказуемое развитие революционного процесса усилило потребность в неких ориентирах, в качестве которых нередко использовались исторические аналогии. Отношение к этим аналогиям зависело от политической позиции того или иного французского представителя и имело тенденцию к разделению по линии правые–левые.

Французские левые, сравнивая Российскую революцию с Французской, надеялись на появление в России «революционного патриотизма» якобинского образца. Отречение Николая II

избавило левых политиков Третьей Республики от некомфортной ситуации альянса с монархическим и авторитарным режимом, а также позволило активнее разыгрывать карту демократической солидарности стран Антанты, противопоставленных «тираниям» Центральных держав.

23 апреля 1917 г.¹, после встречи с министрами Временного правительства, Тома на страницах дневника так суммировал свою позицию: «Я настаиваю на новом альянсе. Правительство [Французской] Республики всегда приветствовало первую российскую Республику. Внутренние страдания французских республиканцев прекратились...» [38, р. 96]. Однако французские правые, доминировавшие среди представителей Третьей Республики в России, были настроены менее оптимистично.

Подобные разногласия отразились во взаимодействии Тома с французским послом М. Палеологом. 27 апреля министр-социалист говорил Палеологу: «В общем, нас разделяет то, что в Вас нет веры в могущество революционных сил, тогда как я абсолютно в них верю» [19, с. 443]. С точки зрения посла, «уроки» Французской революции способствовали не оптимизму, а служили тревожным предзнаменованием того, что может произойти в России. 20 марта 1917 г. Палеолог сообщал в Париж: «Крайне левые партии считают, что “гражданин Николай Романов и его супруга Александра” затягивают свое пребывание в России; они обвиняют их в секретных приготовлениях по реставрации авторитаризма, в заговоре с умеренными министрами [Временного правительства] и с императором Германии. Это тот дух, который господствовал во Франции после возвращения из Варенна» [АМАЕ. 133 РААР 4. F. 199]. Палеолог намекал на то, что Николай II может ожидать та же судьба, что и Людовика XVI. Пресечение попытки бегства в местечке Варенн в ночь на 22 июня 1791 г. изменило отношение революционных сил к монарху [Paléologue à Paris, 24 mars 1917 // АМАЕ. 27 СРСОМ 619. F. 106]. Таким образом, если проведению исторических аналогий не были чужды ни французские левые, ни правые, то выводы, которые они делали из них, были противоположны.

¹ Здесь и далее даты приводятся по григорианскому календарю.

Идея о том, что падение монархии воодушевит массы российского населения и армию, которые отныне будут сражаться не за императора, а за собственную свободу, была дорога социалистам Третьей Республики. Прежде всего, речь шла о Тома и ряде его эмиссаров, занимавших в России важные посты, в т. ч. о представителе французского министерства вооружений в Петрограде Э. Пети и члене французской военной миссии капитане Ж. Садуле, позднее перешедшем на сторону советской власти.

Дневник, который Тома вел во время миссии в Россию, фиксировал его воодушевление по поводу революционных событий. Выступая 20 мая перед собранием офицеров в Москве, министр апеллировал к примерам из истории Французской революции, призывая офицерский состав пересмотреть свое отношение к солдатам, сделать армию более демократичной [38, р. 153]. Министру вторили другие французские деятели. 20 марта Пети в докладе, адресованном Тома, полагал, что Российская революция вызовет патриотический подъем и вдохнет «в нацию энтузиазм новой свободы» [36, р. 39]. Схожей позиции придерживался член военной миссии, славист, лейтенант Ж. Легра. 12 мая он передал Тома свои впечатления от увиденного в 1-м Сибирском корпусе. Легра с воодушевлением сообщал о «новом духе, напоминающем тот, что царил в наших революционных комитетах» [45, р. 493]. Даже 15 ноября Садуль продолжал заверять Тома в том, что «наше ... дело связано с Русской революцией, и только с ней». Тем не менее он не верил тогда в «революционный энтузиазм» войск, в возможность поднять который его убеждал председатель Петросовета и нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий [24, с. 15, 37, 58].

Сравнению двух революций, дорогому для французских левых, стремились подыграть не только большевики после Октября. К схожим приемам уже после отречения Николая II прибегали члены Временного правительства. Пересказывая речь военного и морского министра А. И. Гучкова, произнесенную 21 марта перед представителями военной промышленности, Палеолог передавал в Париж такие слова: «Наш новый режим, основанный на свободе и правосудии, может быть укреплен лишь при условии, что война будет доведена до победного конца. Необходимо уничтожить ци-

тадель реакции и тирании, которой всегда являлась прусская монархия» [АМАЕ. 133 РААР 4. F. 200]. Во время встречи с Тома, состоявшейся 23 апреля, министр иностранных дел П. Н. Милюков, вообще-то недолюбливавший французского министра за его поддержку эсеров, вербально поддержал идею о новой идеологической близости России и Франции: «Он вспомнил, с какими эмоциями впервые слушал “Марсельезу” в Москве, когда союз был только заключен» [38, р. 96]. Исполнение «Рабочей Марсельезы» в качестве гимна России после 15 марта лишь усиливало подобные коннотации.

Однако французские правые стремились остудить надежды Тома. С их точки зрения, революционный энтузиазм был ширмой, скрывавшей усталость российского общества от войны и неэффективность государственной машины. В группу скептиков можно включить Палеолога, большинство офицеров военной миссии, а также различных представителей французской колонии в Петрограде. Как говорил Тома долго живший в России инженер П. Эзар, не стоит «предвидеть возможности развития в России патриотизма на европейский манер. Чувства национального единства не существует» [38, р. 113]. На страницах мемуаров французский дипломат Ж. Нуланс, сменивший Палеолога в качестве посла в июле, писал об «иллюзии», которую французские социалисты, с его точки зрения, сознательно внедряли в общественное мнение Третьей Республики, сопоставляя 1917 г. и патриотический подъем 1792 г. во Франции [42, р. 3].

Французские левые рассчитывали не только на революционный энтузиазм, но и на повышение эффективности российской государственной машины после Февраля. Тома и его сторонники надеялись, что идеологически близкие им эсеры, чьи позиции во власти укрепились, сыграют роль российских якобинцев. После завершения Апрельского кризиса и вхождения эсеров и меньшевиков во Временное правительство Тома в телеграмме от 5 мая, отправленной в Париж, считал, что правительство стало «более сильным и способно продемонстрировать свой авторитет» [38, р. 133]. Обрадованный приподнятой атмосферой в Киеве, который он посетил 24 мая, Тома отметил в дневнике, что «ярый энтузиазм»

сопровождал приезд в город А. Ф. Керенского, недавно назначенного военным и морским министром [38, р. 159]. Схожий настрой присутствовал в итоговой телеграмме Тома по результатам поездки в Россию. В этом сообщении, датированном 14 июня, вместе с тем присутствовала тревога: «... желание мира в русском народе имеет глубинный характер... Революционеры правы в том, что революция была направлена не только против царя, но и против войны» [38, р. 185].

Французские правые, не верившие в революционный энтузиазм, также использовали сопоставление с французскими якобинцами. В российских претендентах на эту роль они стремились найти «сильную руку», которая наведет «порядок» и остановит нарастающую «анархию» в стране. Часть подобных оценок пересекалась с суждениями Тома.

Роль Сен-Жюста Российской революции Керенскому прочили Палеолог [38, р. 89], а также глава французской военной миссии генерал М. Жанен [37, р. 182]. Сам Керенский стремился подыграть подобным аналогиям. 24 мая он убеждал Тома в том, что, проезжая недавно через Ревель (Таллин), ему довелось наблюдать «патриотизм, напоминавший тот, что существовал [во Франции] в 1792 г.» [38, р. 102].

Во французской прессе летом 1917 г. фигурировала аллюзия и на другого создателя французской революционной армии, Л. Карно, аналог которого искали в России. К августу французские наблюдатели, однако, все больше дистанцировались от подобных похвальных сравнений. В резюме телеграмм французских дипломатических и военных представителей в России за 22 августа-2 сентября упоминалось о «наших военных корреспондентах, считающих преувеличением именование Керенского “Карно” России, ибо он не обладает достаточной силой и независимостью, снижается и [его] популярность» [23, с. 11]. Схожее разочарование постигло Жанена [37, р. 196].

Сопоставление якобинцев и большевиков, к которому прибегал В. И. Ленин и его товарищи, безусловно, отвергалось большинством французских представителей. Большевики являлись для основной части дипломатов и военных Третьей Республики не теми,

кто организует страну для «революционной войны» против Германии, а, напротив, «максималистами» и «пацифистами», подрывавшими тыл и фронт, состоявшими, как считали многие, в связях с Берлином.

Французский военный представитель при российском Западном фронте полковник Э. Рампон уже в середине апреля называл Ленина «нашим самым главным врагом»: «Необходимо подкупить его либо сбросить путем государственного переворота», — таковы были нехитрые рекомендации французского полковника, выраженные в письме главнокомандующему французской армией генералу А. Ф. Петену [Rampont à Pétain, 14 juillet 1917 // AN, 415 AP 5]. Суммируя свои впечатления от провала Июньского наступления на Восточном фронте, Рампон считал символом ускорившегося развала российской армии «учеников Ленина» — раненых в левую руку солдат, что могло свидетельствовать о самострелах [Rampont à Pétain, 1 août 1917 // AN, 415 AP 5]. Французский военный атташе полковник А. Лавернь, обрисовавший в докладе от 24 мая плачевное морально-психологическое состояние российской армии, также подчеркнул влияние «интенсивной пацифистской пропаганды сторонников Ленина» [33, р. 379]. Садуль, готовый увидеть в большевиках новых якобинцев, находился в явном меньшинстве [24, с. 42, 92].

На протяжении 1917 г. противоречия наблюдались не только между французскими представлениями о якобинстве и российскими реалиями. Амбивалентность во французских оценках отражала также нюансы отношения к самой революции 1789–1799 гг. Реже упоминавшейся, но латентно присутствовавший образ террора не вызывал столь позитивных коннотаций как другие элементы якобинского периода революции. 31 июля, фиксируя доходившие до него настроения, член французской военной миссии, лейтенант П. Паскаль записал в дневнике: «По-прежнему проповедуются решительные средства в духе Дантона: думаю, это очень рискованно» [20, с. 313]. 5 декабря Троцкий стремился заверить Садуля, что призывы к насилию исходят, скорее, снизу, чем сверху. Говоря о большевистском отношении к оппозиции, нарком иностранных дел (в пересказе Садуля) напрямую использовал метафоры,

отсылавшие к опыту Французской революции: «Кадеты и оборонцы сошлись с российскими контрреволюционными силами (казаки, Рада и т. д.)... если необходимо, против них будет начат процесс, подобный тому, который вели монтаньяры против жирондистов. Кадеты и оборонцы стараются использовать в контрреволюционных целях национальные движения, до того поддерживаемые большевиками, подобно тому, как в свое время жирондисты заложили основы и использовали сепаратизм в Нормандии, Вандее и т. д.». Троцкий, возможно, подыгрывая настроениям собеседника, хотел указать Садулю на риски начала подобного процесса: «Он опасается, что массы пойдут по этому пути с чрезмерным энтузиазмом, и тем самым будет положено начало террору» [24, с. 106].

Неоднозначным было отношение и к другому напрашивавшемуся сравнению между Петросоветом и Парижской коммуной (органом городского самоуправления) в годы Французской революции. Член Французского института в Петрограде славист Р. Лабри, «враг большевизма всеми фибрами своей души» [43, р. 132], критиковал позицию Тома. С точки зрения Лабри, министр-социалист отдавал предпочтение Совету рабочих и солдатских депутатов как «прочному элементу революции» и полагал, что «парламентаризм, за который ратует Милюков, иссохнет на русской почве как дерево без корней» [39, р. 83]. Консервативно настроенный Нуланс в своих мемуарах расставлял акценты противоположным образом. Он считал, что Российская революция пошла по сценарию 1793 г. — «грустной истории Парижской коммуны, навязавшей свою волю Конвенту неконституционными действиями» [42, р. 5]. В телеграмме от 9 ноября Нуланс уделил внимание органу с характерным названием — Комитету общественного спасения. По данным Нуланса, Комитет был сформирован в Петрограде представителями партий и движений, оппозиционных большевикам. Посол рассчитывал, что этому органу удастся привлечь гарнизон на свою сторону и выбить большевиков из города [АМАЕ. 1 СРСОМ 658. Ф. 100]. Таким образом, несмотря на утвердившиеся позднее аналогии между большевиками и якобинцами, доминировавший во французских оценках образ большевиков был далек от французских представлений о монтаньярах.

Несмотря на идеологические разногласия, различные представители Третьей Республики были едины в желании обеспечить продолжение участия России в войне. Как Тома, так и его оппоненты отдавали приоритет стратегическим интересам самой Франции, которая была жизненно заинтересована в существовании Восточного фронта, оттягивавшего значительную часть германских и австро-венгерских сил. По французским данным, на 8 апреля на Западном фронте насчитывалось 149 дивизий противника, на Российском и Румынском фронтах — 126 ½ дивизий [40, р. 696].

Весной 1917 г. для Тома и его сподвижников представления о готовившемся наступлении российской армии были окрашены в тона 1792 г. и сражения при Вальми, когда французским революционным войскам удалось остановить продвижение прусских сил. Многие французские военные, стоявшие значительно правее в идеологическом отношении, чем министр-социалист, чувались подобных аналогий. Однако они преследовали ту же цель, что и Тома — стимулировать российские власти к проведению наступательных операций. Главнокомандующий французской армией генерал Р. Нивель в телеграмме Жанену от 21 марта [40, р. 159], а также глава французской военной миссии при румынской армии генерал А. Бертело, как свидетельствовало его донесение в Париж от 19 апреля [41, р. 104], пытались убедить российское командование в благоприятном эффекте от грядущего наступления. Они хотели убедить российских военных в том, что наступательные действия позволят сплотить личный состав, восстановить дисциплину и не допустить распада армии.

Сопоставление Французской и Российской революций имело еще одно немаловажное проявление. Как отмечала французский историк С. Кёре, «аналогия с Французской революцией — фундаментальным отправным пунктом для Республики — одновременно была формой похвалы и резонансом для того, чтобы сделать Францию советницей молодой России» [32, р. 26].

Примечательными в этом смысле были формулировки одного из сочинений крупного историка Французской революции, профессора Сорбонны А. Олара. На страницах своих трудов, написанных еще до Первой мировой войны, Олар не только стремился

к «исторической правде», но и отстаивал «политические ценности 1789 г., начертанные на знамени Третьей республики» [30, с. 132]. Изначальная политизация темы Французской революции продолжала сказываться в сочинениях Олара периода войны, когда он занимал ряд постов в государственных ведомствах и стремился внести посильный вклад в победу. Одним из примеров этих усилий информационно-пропагандистского характера стало его письмо «к гражданам свободной России», переведенное на русский язык и опубликованное в 1917 г.

Письмо было проникнуто идеей близости двух революций: «Наш народ любит и чтит ваш народ, совершивший одну из самых прекрасных и самых великих революций, какие только пережил мир; революцию, которая, по своей красоте и величию, не уступит американской и Французской Революциям конца XVIII столетия» [29, с. 4]. Однако в письме была заметна не только солидарность с Российской революцией, но и стремление выступить наставником: «Воспользовавшись нашим опытом, вы не шли, подобно нам, ощупью, у вас не было наших колебаний, ни наших противоречий, ни наших промедлений... Французская Революция, послужившая примером для вашей, Французская Революция, историю которой так прекрасно знают избранные вами вожди, призывает вас не к малодушной, бесплодной умеренности, а к мощному, плодотворному действию» [29, с. 4].

Элементы наставничества хорошо отразились не только в самом представлении о Французской революции как образце для Российской. Они дали о себе знать в активной пропагандистской деятельности, которую представители Третьей Республики вели на местах, в том числе опираясь на примеры из истории Франции [18].

Ставка на пропаганду в российской армии как на средство укрепить морально-психологическое состояние последней была характерна для многих французских деятелей. Тома говорил о том, что «посредством митингов Россия мало-помалу обретает политическое воспитание» [20, с. 255]. Схожие надежды присутствовали среди членов французской военной миссии, придававших серьезное значение заказу и своевременной доставке пропагандистских материалов из Парижа [41, р. 756].

Показательным примером «наставнической» пропаганды с использованием образов Французской революции был демарш Жанена от 26 июля. Как записал в дневнике Паскаль, «генерал явился к министру [Керенскому], чтобы дать пример [из] Французской революции. Он подготовил на пятнадцати страницах сборник приказов той революции. Он только что опубликовал некоторые из них в “Биржовке” (“Биржевых ведомостях”)...» [20, с. 296–297]. Документы, раскрывавшие деятельность французских военных деятелей 1790-х гг. (Л. Л. Гоша, Л. А. Сен-Жюста и др.), которые продемонстрировали «твердость руки», были затребованы Жаненом из Парижа еще в апреле [37, р. 136].

Реальный эффект французской пропаганды оставался далек от ожиданий. Об этом свидетельствовал не только факт продолжавшейся дезинтеграции российской армии, но и некоторые французские оценки [20, с. 174]. По мере разочарования в революционных процессах в России похвальные аналогии с Французской революцией все чаще уступали место более традиционным представлениям и стереотипам. За идеями о «шефстве» держав Антанты над Россией стояли не только объективные факты и разочарование в былых надеждах, но и определенные культурно-психологические стереотипы, а также чувство собственного превосходства, ухидившие корнями глубже в историю. Американский исследователь И. Синаноглу справедливо писал о «сильных националистических тонах», в которые были окрашены французские оценки ситуации в России в 1917 г. [45, р. 485].

Французский военачальник, генерал Н.Э. де Кастельно, характеризуя в докладе от 5 июня состояние российских соединений на французском Западном фронте, которые он хотел отправить на Родину, писал о том, что «всякий возврат к военной дисциплине и стремление к полезной деятельности исчезли из сердца и души русского солдата. Имея восточное воображение, он ошеломлен тем, что знает или предполагает относительно революции, произошедшей в его далекой стране» [41, р. 727]. Даже Тома или симпатизировавший большевикам Садуль не были чужды подобных ориенталистских стереотипов. Упоминания об «эффекте расы», об «этническом безволии», о чрезмерной «эмоциональности»

и слабой способности к рациональному мышлению нередко встречались и у них [24, с. 18, 139; 38, р. 178]. На этом фоне Паскаль, позднее перешедший на сторону большевиков, был одним из редких людей, призывавших к самокритике: «В сущности, русским всегда ставят в упрек то, что они не французы. Мы на все смотрим с точки зрения Франции» [20, с. 89]. Для Паскаля революционные события 1917 г. не были лишь бледной копией Французской революции, но, возможно, чем-то большим: «Русская революция, какой бы ни оказалась возможная последующая реакция, будет иметь столь же огромное эхо, как революция 1789 г. и даже много более великое...», — записал он в дневнике 26 декабря 1917 г. [20, с. 421]

Подведем основные итоги. Образ Французской революции для целого ряда представителей Третьей Республики был «концептуальной линзой», через которую они рассматривали события в России в 1917 г. Указанная аналогия не затмевала ключевых стратегических целей, которыми руководствовались французские дипломаты и военные — обеспечить продолжение участия России в войне. Однако сопоставление двух революций служило ориентиром для восприятия, анализа и прогнозирования стремительно менявшейся обстановки. Революция в России, как и отношение к самим событиям 1789–1799 гг. в свое время, усилила раскол на правых и левых среди французских наблюдателей.

Левые деятели во главе с Тома с большим энтузиазмом восприняли свержение Романовых и, опираясь на примеры из французских Революционных войн, надеялись на активизацию военных действий на Восточном фронте. Точка зрения правых, настроенных более скептически, постепенно брала вверх и становилась общепризнанной, особенно — после прихода большевиков к власти и распада «Священного единения» в самой Франции. Во внутренней записке Кэ д'Орсэ от 1 октября 1917 г., суммировавший официальную позицию Парижа, подчеркивалось: «Революционная “свобода” сразу обернулась тотальной разнузданностью» [АМАЕ. 1 СРСОМ 658. F. 221]. В июне 1919 г. Л. де Робьен, бывший атташе французского посольства в Петрограде и автор колоритных рисунков, запечатлевших атмосферу революционных дней, считал, что проведение аналогий между Российской и Французской революциями

наивно. Вспоминая об обстановке в Петрограде в первые дни после Февраля, французский дипломат писал об «одном бравом мужике» (*moujik*), говорившем ему: «В конце концов, народ победил, и у нас все будет как во Франции», — “Но, — сказал я ему — знаешь ли ты, как обстоят дела во Франции?” — “Да, конечно, у всех есть деньги и все гуляют целыми днями”. Наивность народа можно было сравнить только с наивностью тех, кто претендовал на управление им» [43, р. 417].

Если аналогия с Французской революцией должна была облегчить понимание российской ситуации, то по мере развития революционных событий она все чаще отражала иной аспект — этноцентризм ряда французских наблюдателей. Российская революция «должна» была разворачиваться по лекалам Французской, а представители Парижа смогли бы выступить «наставниками» молодой Республики. Растущее разочарование в том, что развитие событий пошло по другому сценарию, накладывалось на уже имевшиеся стереотипы. Это разочарование вместе со стратегическими резонами, игравшими ключевую роль, стимулировало разработку планов, напоминавших будущую интервенцию. Как ни странно, сценарий Французской революции, связанной с революционными войнами и борьбой против интервентов, по-своему повторился, но отнюдь не так, как на то изначально рассчитывали французские дипломаты и военные.

Список литературы

1. Бабинцев В. А., Галкина Ю. М. Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 1. С. 241–254.
2. Бодров А. В. Отклик представителей союзных держав в России на революционные события 1917 года // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 128–145.
3. Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: ИРИ РАН, 2016. 366 с.
4. Вершинин А. А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // *Новая и новейшая история*. 2017. № 5. С. 126–148.

5. Вершинин А.А. Миссия Альбера Тома в революционной России (апрель–июнь 1917 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. Ч. I / Отв. ред. И.И. Тучков. М.: Изд-во АО «РДП», 2018. С. 355–363.
6. Галкина Ю.М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: УРФУ, 2016. 211 с.
7. Галкина Ю.М., Беспалова К.А. «Дело Садуля»: новый источник о Революции 1917 года // Французский ежегодник 2017. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 354–369.
8. Гордон А.В. Судьбы революционного наследия: Октябрьская, Февральская и Французская революции // Обозреватель–Observer. 2012. № 8. С. 92–105.
9. Данилова О.С., Слуцкая Л.В. Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 16–28.
10. Зарубежная литература об Октябрьской революции / Под ред. И.И. Минца. М.: Издательство АН СССР, 1961. 306 с.
11. Кондратьева Т.С. Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М.: Ипол, 1993. 240 с.
12. Краева Т.В. Образ революции в системе представлений французских левых интеллектуалов (1917 – сер. 30-х гг. XX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: УРГУ, 2006. 242 с.
13. Ланник Л.В. Реакция на Русскую революцию командования германских войск на Востоке в 1917–1919 гг. // Исторические исследования, 2017. № 6. С. 54–68.
14. Леонов С.В. Великая французская и Великая Октябрьская революции: опыт сравнительного анализа // Преподавание истории в школе. 2007. № 7. С. 15–22.
15. Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 29–46.
16. Начапкин М.Н. Проблема революции в оценке отечественных и зарубежных консерваторов второй половины XVIII–XX века // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Кога-на «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 16–18 марта 2017 г.). Екатеринбург: УРФУ, 2017. С. 2055–2072.
17. Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2019. 248 с.
18. Павлов А.Ю. Война любой ценой! Французская пропаганда в России в 1917 году // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 86–95.
19. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 472 с.
20. Паскаль П. Русский дневник. Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
21. Ревякин А.В. Франция и Россия: проблема сепаратного мира в 1917 году, или Гонки на выживание // Россия и Франция XVII–XX века. Вып. 2. М.: Наука, 1998. С. 189–216.
22. Романова Е.В. Динамика развития революционного процесса в России весной–летом 1917 года: взгляд из Великобритании // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы международной научной конференции, 13–15 октября 2017 г. Тамбов: ТГУ, 2018. С. 123–131.
23. Россия 1917: от Февраля к Октябрю глазами французов / Публ. О.Ф. Соловьева // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 3–15.
24. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М.: Книга, 1990. 400 с.
25. Сергеев Е.Ю. Октябрь 1917 г. – пролог советско-британских отношений (к 100-летию Российской революции) // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сб. ст. / Отв. ред. И.Н. Новикова и др. СПб.: РХГА, 2017. С. 7–28.
26. Смирнов Н.Н. Визит А. Тома в Россию (апрель–июнь 1917 г.) // Россия. Век двадцатый: сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В.М. Ковальчука. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 220–227.
27. Смирнов Н.Н. Война, революционная Россия и Франция в 1917 г.: новые источники // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 8–12.
28. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. В.П. Наумов. М.: Наука, 1981. 293 с.
29. Французская революция и Русская революция. Письмо А. Олара, профессора истории французской Революции Парижского Университета к гражданам свободной России. Париж: Книгопечатня и Словолитня Левэ, 1917. 24 с.
30. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. 312 с.
31. Anizan A.-L. Paul Painlevé. Science et politique de la Belle Époque aux années trente. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012. 464 p.
32. Coeuré S. La Grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). Rééd. Paris: CNRS Éditions, 2017. 359 p.

33. Delmas J. L'armée russe vue par les officiers français affectés en Russie 1916–1917 // Les sociétés européennes et la guerre / Sous la dir. de J.-J. Becker, S. Audoin-Rouzeau. Nanterre: Publications de l'Université de Nanterre, 1990. P. 375–383.
34. Ferro M. L'Occident devant la Révolution soviétique. Bruxelles: Éditions Complexes, 1991. 163 p.
35. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.
36. Horvat S. La mission Eugène Petit en Russie de septembre 1916 à mars 1918 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1995. No. 37/38. P. 38–41.
37. Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris: Harmattan, 2015. 290 p.
38. Journal de Russie d'Albert Thomas / Publ. de I. Sinanoglou // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14. No. 1/2. P. 86–204.
39. Labry R. Autour du bolchevisme. La Roche-sur-Yon: s. n., 1921. 272 p.
40. Les armées françaises dans la Grande guerre. T. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 2. Paris: Imprimerie Nationale, 1932. 948 p.
41. Les armées françaises dans la Grande guerre. T. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1. Paris: Imprimerie Nationale, 1937. 1144 p.
42. Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique, 1917–1919. T. 1. Paris: Plon, 1933. 259 p.
43. Pascal P. Raoul Labry (1880–1950) // Revue des études slaves. 1951. Vol. 28. No. 1/4. P. 129–137.
44. Robien L. de. La révolution russe // Le Monde illustré. 28 juin 1919. P. 415–417.
45. Sinanoglou I. La Russie dans la Première guerre mondiale: le témoignage de Pierre Pascal // Cahiers du monde russe et soviétique. 1976. Vol. 17. No. 4. P. 485–493.

Magadeev Iskander Edouardovitch,

PhD (History), Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO-University, Associate Professor, Moscow.

**THE RUSSIAN REVOLUTION SEEN THROUGH THE LENS
OF THE FRENCH ONE: REVOLUTIONARY CRISIS OF 1917
IN THE ESTIMATES MADE BY THE MILITARY AND DIPLOMATIC
REPRESENTATIVES OF THE THIRD REPUBLIC**

Basing on the French archival and published evidence, this article analyses the impact made on the French perceptions of the revolutionary events in Russia in 1917 by an important analogy between the Russian and the French revolutions. Author demonstrates that the image and history of 1789–1799 was the conceptual lens used by many representatives of the Third Republic to analyse the events of 1917. Such analogy didn't obfuscate the French diplomats and military whose estimates were chiefly governed by the strategic interests of Paris, i. e. to maintain Russia in WWI. Nevertheless, the comparison between the two revolutions helped them to perceive, to analyse and to predict the events which changed quickly. As the attitude to the history of 1789–1799, the Russian revolution accelerated the polarisation of the French observers on the left and right flanks. If the historical analogy was aimed to help to understand the Russian situation in 1917, the specifics of its use during the deepening of the revolutionary crisis, reflected the other aspect, i. e. the ethnocentrism of many French observers. They thought that the Russian revolution “must” follow the path of the French one, while the French “tutors” would help the young Republic to pursue the war and to develop the new, revolutionary patriotism.

Keywords: France, Russian revolution, 1917, image of the Other, historical analogies.

А.Ю. Павлов

ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ БУДУЩЕЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ЛЕТОМ 1918 г.

Весной и в начале лета 1918 г. страны Антанты активно обсуждали вопрос о возможной военной интервенции в России, направленной как против Германии, так и против правительства большевиков. Представление о том, как различные небольшевистские российские политические группировки воспримут интервенцию, оказывало определенное влияние на принятие решений. В работе предпринята попытка ответить на вопрос на основе чего формировалось это представление и в чем оно могло состоять.

Ключевые слова: Иностранная интервенция; «русская» политика Франции; Гражданская война в России.

Возможность организации военной интервенции в России обсуждалась странами Антанты еще с конца 1917 г. До конца весны 1918 г. еще сохранялись некоторые надежды на то, что советское правительство согласится принять помощь союзников, но постепенно становилось понятно, что интервенция будет осуществляться не только без согласия большевиков, но и против них. В этих условиях союзникам необходимо было понять, какова расстановка политических сил в России — с кем в России они могли бы сотрудничать, и кто мог создать проблемы. То есть, готовясь к реализации планов интервенции, требовалось выяснить, как к ней отнесутся различные небольшевистские российские политические и военные группировки. Нельзя сказать, что этот вопрос имел первостепенное значение при принятии решения об интервенции, но ответ на него играл определенную роль при определении того, в каком виде и под какими лозунгами интервенция будет осуществляться.

Франция была одним из наиболее последовательных сторонников интервенции. В подготовленном французской секцией Верховного военного совета Антанты меморандуме о будущей интервенции, датированном 2 июня 1918 г., говорилось о необходимости не только придать общесоюзный характер интервенции, предпринимаемой для оказания России помощи в восстановлении поряд-

ка, но и привлечь к участию в общем деле «русские элементы» и превратить его таким образом в национальное общероссийское предприятие. В том же документе содержалось утверждение, что большинство русских, принадлежавших к различным политическим партиям, а также русские, проживающие в странах Антанты, просят союзников вмешаться [Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT). 4 N 41]. В коллективной ноте военных представителей от 3 июня 1918 г., ставшей основой решения Верховного военного совета, обосновывая необходимость занятия союзными войсками Мурманска и Архангельска, среди прочего авторы документа отмечали, что об этом просят как представители стран Антанты в России, так и «большинство русских партий» [SHD/DAT. 4 N 6]. Анализируя содержание этого документа, известный российский исследователь В. И. Голдин назвал ссылку на мнение русских партий «голословной» [1, с. 355]. Действительно, в сложившейся в то время в России ситуации, довольно трудно было получить полную и достоверную информацию о настроениях, царивших в рядах различных российских политических партий и групп.

На чем же основывались представления, отраженные в упомянутых документах? На этот вопрос может помочь ответить анализ документов, отложившихся в соответствующих фондах дипломатического и военного архивов Франции. Судя по всему, весной и летом 1918 г. сотрудники МИД Франции предпринимали попытки выяснить, как отнесутся к интервенции самые разные российские политические деятели и партии. Со стороны самих этих партий также существовало стремление донести свое мнение до французского правительства. Легче всего это было сделать тем, кто уже находился за границей. В начале июня к председателю совета министров Ж. Клемансо через министра иностранных дел С. Пишона обратились с совместным письмом сразу две русских организации — Союз (Лига) русских, верных Родине и союзам и Союз (Лига) возрождения России в единении с союзниками, созданные во Франции и Италии российскими дипломатами, не признавшими правительство большевиков. От имени этих организаций письмо подписали бывший посол России во Франции

А. П. Извольский, посланник в Бельгии Д. А. Нелидов, известный политический деятель М. А. Стахович, супруга посланника в Греции С. И. Демидова, посланник в Швейцарии И. Н. Ефремов и генерал М. Н. Леонтьев. В письме содержался призыв к союзникам предотвратить дальнейшее проникновение немцев в глубь России. Признавая, что широкие массы населения России «дезориентированы», авторы письма заверяли главу французского правительства, что те в России, кто «способен свободно мыслить», остаются верными Антанте и с нетерпением ждут от нее помощи в борьбе против общего врага [Les archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (АМАЕ). 117СРСОМ. 205. Fol. 5–7]. Они считали, что интервенция должна начаться как можно скорее и без учета мнения «элементов... узурпировавших власть в России». Пишон считал, что подписавшие обращение деятели, считавшиеся либералами еще во времена царского режима, заслуживали полной симпатии со стороны французского правительства [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 78].

Оказавшиеся за границей представители российских левых сил тоже поддерживали идею интервенции. В начале июня декларацию относительно интервенции выпустила группа демократически настроенных деятелей. В ней союзников также призывали к немедленной интервенции для восстановления порядка, что было важно как с точки зрения достижения победы в войне, так и для «мировой демократии» в целом [АМАЕ. 117СРСОМ, 205. Fol. 53–54]. Первым в списке подписавших стояло имя известного политического деятеля И. Н. Ефремова, который обозначил свое положение как заместитель председателя созданной осенью 1916 г. Российской радикально-демократической партии, стремившейся объединить тех, кто был левее кадетов, но правее эсеров [2, с. 347]. Среди подписавших были и социал-демократы (меньшевики), и эсеры-оборонцы. По всей видимости, подписавшие обращение попытались продемонстрировать солидарность представителей всего спектра социалистических и демократических группировок. Созданное в начале июля в Берне отделение Союза возрождения России также первым делом обратилось к президенту Вильсону с призывом вмешаться в русские дела. Копию обращения передали в МИД

Франции [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 116]. Политикам вторили военные. В мае 1918 г. записку о возможной интервенции подготовил военный агент в Париже генерал А. А. Игнатъев [SHD/DAT. 4 N41]. В ней Игнатъев постарался обосновать срочную необходимость интервенции и предложил свой вариант плана действий. Аналогичную записку подготовил генерал Е. К. Миллер, ранее состоявший при Главной квартире итальянской армии [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 61–66].

Получать информацию непосредственно из России становилось все сложнее. После переезда в Вологду послу Франции Ж. Нулансу было очень трудно непосредственно контактировать с представителями российских политических групп и движений, и осуществлять такие контакты стал в основном консул в Москве Ф. Гренар. Он прибыл в Москву в марте 1918 г. как раз в то время, когда туда переезжало из Петрограда советское правительство. С этого времени Гренар начал напрямую общаться с руководителями различных политических группировок, изучать их мнение, в том числе — по вопросу о возможной интервенции [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 46–47]. Дополнительным источником информации для него становились сообщения, которыми через него обменивались русские политические деятели, находившиеся в России и за границей. Например, этим путем Союз (Лига) русских, верных Родине и союзам пыталась обратиться в июле 1918 г. к кадетам, эсерам и «народникам» (видимо имелась в виду партия народных социалистов) с призывом объединиться против «германизма, анархии и деспотии в России» [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 82].

Нуланс также получал информацию от Гренара. Будучи активным сторонником скорейшего начала интервенции, 9 июня Нуланс писал в Париж о том, что в России союзники смогут опереться на достаточно широкий круг сил. Он перечислил их следующим образом: организация Алексеева на Дону, Авксентьев и социалисты-революционеры, различные сильные объединения «народников и кадетов», и в конце концов — Трубецкой и Кривошеин [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 89]. В середине июня Нуланс сам ненадолго приехал в Москву, и после поездки в очередном сообщении в Париж заверял, что интервенция будет встречена

российским общественным мнением «с энтузиазмом», если позволит союзникам опередить немцев в деле восстановления порядка в России. У него сложилось впечатление, что популярность советской власти в народе значительно снизилась и любой толчок может привести к ее падению [АМАЕ. 117СРСОМ. 250. Fol. 139].

Приходившие от французского консула в Архангельске Эйбера известия также внушали оптимизм. 13 июня он сообщил сведения, полученные от прибывшего из Донбасса специального курьера. Согласно полученной информации, установленные немцами порядки привели к остановке промышленности, а изъятие в различных регионах Украины немцами продовольствия у населения грозило голодом. В этих условиях недовольство всех слоев населения значительно возросло, и союзническая интервенция в Сибири и на Севере России должна была произвести благоприятный эффект [АМАЕ. 117СРСОМ. 250. Fol. 126].

В Москве Гренар активно занимался выяснением настроений в русском обществе, имея широкий круг весьма доверительных контактов. В мае Нуланс, со ссылкой на полученную от Гренара информацию, даже сообщил в Париж секретные сведения о том, что Савинков и эсеры готовят к 10–15 июля выступление против большевиков на Волге. Гренар считал, что к этому времени различные политические партии будут готовы к активным действиям, но вряд ли будут их предпринимать без вооруженной поддержки союзников. [SHD/DAT. 4 N40]. В начале июня он встречался в Москве с представителем организации генерала Алексеева, которого также прежде всего интересовало, когда можно было ожидать начала интервенции. Неприятные вести о развитии контактов между генералом П. Н. Красновым и немцами компенсировались заверениями в непоколебимой верности Алексеевской организации союзникам [АМАЕ. 117СРСОМ. 20. Fol. 90]. В конце июня Гренар сообщил о разговоре с известным русским политическим деятелем П. Б. Струве, который в то время представлял антибольшевистский Национальный центр. По словам Гренара, Струве утверждал, что в последнее время в промышленных кругах произошел отчетливый поворот общественного мнения в пользу Антанты, что было вызвано как действиями немцев на Украине, так и более определен-

ной и решительной политикой союзников, прежде всего Франции, в борьбе с Германией. [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 154–155].

Особое внимание, по всей видимости, уделялось выяснению позиции правых политических групп, которых подозревали (и часто не без оснований) в прогерманских настроениях. Но и в этом случае полученная информация скорее обнадеживала. В начале июня Гренар передал в Париж сообщение от «политической группы князя Трубецкого», в котором также содержались заверения в верности союзникам и просьбы об оказании немедленной помощи в свержении большевиков [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 46–47]. Не вызывает сомнений, что речь шла о князе Г. Н. Трубецком. Незадолго до этого, в мае 1918 г. с одним из руководителей Правого центра А. В. Кривошеиным встретился еще один французский эмиссар Ф. де Шевийи (Шевильи). Не было секретом, что многие деятели Правого центра, к числу которых относился Кривошеин, стремились к сотрудничеству с Германией [3, с. 3]. Между тем, после встречи де Шевийи сообщил о том, что Кривошеин также надеялся на скорую интервенцию союзников, поскольку она помогла бы свергнуть власть большевиков и продемонстрировала бы решимость союзников продолжать борьбу с германской угрозой в России. Поддержку интервенции также выразил и патриарх Тихон, с которым де Шевийи также встретился примерно в это же время. Правда, оба собеседника высказывали сомнения в реальности их ожиданий, полагая, что немцы могут оказаться первыми, кто восстановит в России порядок. [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 108; 4, с. 200].

Отношение кадетов к интервенции стало известно на Кэ д'Орсэ из сообщения французского посла в США Ж. Жюссерана, полученном в начале июня. Жюссеран узнал от российского посла Б. А. Бахметева о полученном из Парижа для передачи президенту Вильсону документе, содержащем резолюцию относительно союзнической интервенции, принятую Центральным комитетом партии кадетов. Бахметев, по всей видимости, передал Жюссерану копию этого документа, поскольку французский посол смог не только сделать подробный обзор его содержания, но и привести довольно объемную цитату. Согласно этому документу, кадеты

поддерживали идею союзной интервенции, но предупреждали, что отношение русского общества к ней будет позитивным если компенсации, которые Япония и другие державы захотят получить, не окажутся связанными с ущемлением «неприкосновенных прав и интересов России», а сама интервенция будет проводиться под общесоюзным контролем. [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 92]. Правда, в июле Гренар сообщил из Москвы о полученных им из Киева сведениях о том, что председатель ЦК партии кадетов П. Н. Милуков занял прогерманскую позицию, но при этом Гренар был уверен, что большинство кадетов не одобряли поведение Милукова [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 90]. Действительно, буквально через несколько дней пришло сообщение от Н. И. Астрова о том, что ЦК кадетской партии выступает резко против Милукова, остается верным союзникам и ожидает от них скорейшей помощи [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 123].

Иногда сведения из России в Париж доходили довольно извилистыми путями. Например, телеграмма, подписанная генералом Д. Л. Хорватом и его соратником С. В. Востротиним, выступавшими от имени некоего собрания политических и общественных деятелей и содержащая призыв к Антанте как можно скорее начать интервенцию, была отправлена из Харбина в Рим бывшему российскому посланнику М. Н. Гирсу, который передал ее содержание французскому послу, а уже тот отправил соответствующее сообщение в МИД Франции. [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 203–232].

На Кэ д'Орсэ использовали самые разные источники информации. Например, в дипломатическом архиве сохранилась достаточно длинная записка французского военного медика Ж. Коффмана, который прибыл в Россию летом 1917 г. и провел там около десяти месяцев. Записка была составлена для генерала А. Нисселя, который, по всей видимости, и передал копию в МИД. По словам Коффмана, он довольно близко успел познакомиться с политической жизнью в России и смог составить полное представление о сложившейся ситуации. Предрекая, как и многие другие, скорое падение советской власти, он считал, что значительная часть населения страны будет благодарна немцам, если они восстановят в России порядок, причем порядок старый, монархический. Вместе с тем, уверял он, боль-

шинство, хотя и сохраняет пассивность, все же остается верным русско-французскому союзу и «ждет только возможности доказать это» [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 94–103]. Подобного рода идеи высказывались многими. Например, Востротин писал из Харбина 29 июня: «медлительность союзников вызывает чувство безнадежности и укрепляет убеждение в том, что Россия может быть спасена только немцами» [АМАЕ. 117СРСОМ. 226. Fol. 112].

Вернувшийся в начале июня 1918 г. в Париж после шестимесячного пребывания в России подполковник А. Н. Панчулидзе, ранее служивший в военном представительстве России во Франции, еще находясь в Лондоне на пути во Францию, в мае того же года описал сложившуюся в России ситуацию в обширной записке, выдержки из которой также попали на Кэ д'Орсэ [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 161–169]. Панчулидзе писал о растущей усталости русского общества, причем не только среди тех, кто потерял свое состояние, но и среди рабочих. Крестьяне, по его словам, пока еще в большинстве своем не ощущали негативных последствий произошедших перемен, но неизбежное дальнейшее ухудшение общей экономической ситуации ближайшей осенью должно было вызвать рост недовольства и в крестьянской среде. Панчулидзе предостерегал от того, чтобы апеллировать к патриотизму или другим возвышенным чувствам большинства жителей России, поскольку за прошедший год все это было утеряно, и большинство людей думало только о выживании. Как и многие другие, Панчулидзе считал, что симпатии русских будут на стороне того, кто освободит Россию от большевизма и наведет порядок, а сделать это может только внешняя сила.

В МИД Франции попало также письмо от 7 июня находившегося в Стокгольме известного российского журналиста и издателя В. Л. Бурцева М. А. Стаховичу, где тот также выражал полную поддержку интервенции и, заявляя, что он стоит вне всяких партий, выражал готовность поддержать интервенцию публикуя антигерманские и антибольшевистские материалы в европейской и американской прессе [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 79].

Подводя итог, можно отметить, что сведения, собранные внешнеполитическим ведомством Франции, позволяли сформировать

довольно позитивную картину отношения широкого спектра российских политических группировок к будущей интервенции Антанты, кроме, конечно же, большевиков. Даже отмечавшиеся в полученных некоторых материалах прогерманские настроения связывались скорее с представлениями о более вероятном скором вмешательстве немцев и об их способности быстро навести порядок. Наиболее проблемным моментом в организации интервенции, отмечавшимся в сообщениях из России, было участие в интервенции Японии, которую могли подозревать в корыстных захватнических планах. Но и в данном случае у французского правительства на основе полученной информации могло сложиться убеждение о том, что эту проблему можно было решить приданием интервенции ярко выраженного характера межсоюзнического предприятия. Насколько верны были все эти представления сказать трудно, однако при невозможности получения более детальной и полной информации, у правительства Франции действительно могло сложиться убеждение, что интервенция будет воспринята позитивно большинством российских политических группировок.

Список литературы

1. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 619 с.
2. Талеров П. И., Гусман Л. Ю. Демократические реформы без насилия: радикальные демократы об альтернативном пути развития России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Том 19. Выпуск 4. С. 343–354.
3. Можяева Л. А. Партии и организации антибольшевистского лагеря // Новый исторический вестник. 2000, № 1. С. 1–11.
4. Hogenhuis A. François de Chevilly, aventurier, banquier et diplomate // Россия и Франция XVII — XX века. Выпуск 13. М., Весь мир. 2020. С. 173–209.

Andrey Pavlov,
Ph D., Saint-Petersburg State University

A FRENCH VIEW OF RUSSIAN SOCIETY'S PERCEPTION OF THE FUTURE INTERVENTION IN THE SUMMER OF 1918

In the spring and early summer of 1918, the Entente countries actively discussed the issue of a possible military intervention in Russia, directed against both Germany and the Bolshevik government. French government's vision of various non-Bolshevik Russian political groups' perceptions of this plan had some influence on decision-making. The author attempts to answer the question how this vision was formed and what it could consist of.

Keywords. Foreign military intervention, "Russian" policy of France, Russian Civil War.

К. А. Конев

ФРАНЦИЯ КАК «ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)¹

Идеологемы, формировавшиеся участниками неоднородного по составу антибольшевистского движения и распространявшиеся с помощью периодической печати, выступали основой для конструирования коллективной идентичности, спланировавшей противников советской власти. Наряду с идеями, выражавшимися в лозунгах «возрождения единства и величия России», «воссоздания армии», на страницах несоветских газет активно формировались образы иностранных союзников России в мировой войне, являвшихся «значимым Другим». Они включали в себя ряд представлений о внешнем мире, влиявших на конструирование идентичности антибольшевистского движения. Одной из ключевых союзниц антибольшевистского движения являлась Франция. В статье анализируются особенности влияния представлений о революционном прошлом Франции на конструирование идентичности антибольшевистских сил («воображаемого» образа нации) и образа врага в лице большевиков. В ходе анализа материалов сибирской и дальневосточной несоветской периодической печати, выпускавшейся в 1918–1919 гг. выявляются ключевые сюжеты, связанные с революциями в истории Франции, актуализация которых осуществлялась в контексте артикуляции ценностей, важных для представителей антибольшевистского движения.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Франция; антибольшевистское движение; образ; периодическая печать; Сибирь; Дальний Восток.

Определяя нации как воображаемые сообщества, Б. Андерсон отмечает, что воображаемым является всякое сообщество, кроме первобытных деревень «объединенных контактом лицом-к-лицу». Различать сообщества, по его мнению, следует по стилю, в котором они воображаются [2, с. 48]. Инструменты консолидации тех или

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00094)

иных коллективов и групп многообразны — язык, религия, культура, идеология, история и память. В то же время, по словам Л. П. Репиной, чувство общности «...базируется на категоризации/стереотипизации образов «Других» в обыденном сознании, в котором бытует представление о том, что народы, как индивиды, обладают набором устойчивых качеств» [30, с. 18]. «Другой» — будь то враг или союзник в своем образе потенциально способен воплощать характеристики, позволяющие индивиду и группе конструировать собственный образ на основе актуализации сходств или различий с ним. «Поскольку чужаки и другие маргинальные элементы человеческих коллективов “воплощают” их границы, — отмечает И. Нойманн, — то роль, которую играют эти элементы в формировании идентичности соответствующих коллективов, во многих отношениях выступает как наиболее перспективная область исследований» [25, с. 68].

Период революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны в России, характеризуемый как время слома старых и «кристаллизации» новых политических институтов [11, с. 9] можно также рассматривать как процесс формирования и распада воображаемых сообществ. Политическая стабильность и военные успехи антибольшевистских правительств, сменявшихся на востоке России в 1918–1920 гг., зависели, помимо прочего, и от привлекательности провозглашаемых и транслируемых ими идеологием, которые использовались для конструирования и объединения определенных воображаемых сообществ.

Неоднородное по своему составу антибольшевистское движение выдвигало ряд идей, с одной стороны, призванных сплотить отдельные группировки в его составе, с другой — претендовавших на консолидацию всех противников советской власти. Лидеры антибольшевистских сил, обращаясь к населению подконтрольных территорий с лозунгами возрождения единства и величия России, патриотизма, воссоздания армии, и укрепления правопорядка, формулировали идею единства нации, понимаемой как сообщество сознательных граждан-патриотов. При этом «воображаемый» антибольшевистскими идеологами образ нации был многолик и размыт в силу отмеченной неоднородности противников советского

правительства. Представления о нации, как элементе идентичности антибольшевистских сил формировались также с опорой на образы Других — как врагов (большевики, немцы), так и союзников (страны Антанты и США). Одним из элементов коллективного образа дружественного Другого являлся образ одной из ключевых союзниц дореволюционной России и антибольшевистского движения — Франции, включавший факты и оценочные суждения, стереотипы, актуальную информацию, ретроспективы и прогнозы. Данный образ строился в ходе коммуникации правительственных, партийных и общественных институтов и транслировался посредством средств массовой информации — газет и журналов. Особенности взаимовосприятия России и Франции в годы Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны рассматривались в работах О.С. Поршневой и А.В. Голубева [5], А.Ю. Павлова [28], И.Э. Магадеева, А.В. Бодрова [4] на общероссийском материале, а также М.М. Стельмака [34] на материалах востока России. Автором данной публикации также уже была рассмотрена взаимосвязь стереотипов в образе Франции и ключевых идеологом антибольшевистских сил [12].

Цель данной работы — поиск ответа на вопрос, каким образом набор представлений о революционном прошлом Франции мог влиять на конструирование идентичности антибольшевистских сил («воображаемого» образа нации) и образа врага в лице большевиков? Для этого в ходе анализа материалов сибирской и дальневосточной несоветской периодической печати, выпускавшейся в 1918–1919 гг. будут выявлены ключевые сюжеты, связанные с революциями в истории Франции, актуализация которых осуществлялась в контексте артикуляции ценностей, важных для представителей антибольшевистского движения. Источниковую базу исследования составили официальные издания правительств (Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака), партий (кадетов, эсеров, социал-демократов) и кооперации.

Осмысление событий русской революции на страницах правительственных, партийных и других периодических изданий со-

проводилось ссылками на европейскую историю. Обращение к революционному прошлому Франции в данном контексте было закономерным, выражаясь в форме сопоставлений и параллелей, отсылок, использования лексики, связанной с контекстом рассматриваемых авторами эпох.

Национальная идея и классовая борьба. В периодических изданиях, выпускавшихся партией кадетов, а затем в правительственных органах печати и пропагандистских газетах, издававшихся Русским бюро печати, активно транслировалась идея необходимости возрождения «национального чувства» и патриотизма, как залога восстановления единства и величия России. «Национальное» как элемент риторики «государственно-мыслящих» политических сил, противопоставлялось ими «классовому», как атрибуту социалистов и прежде всего большевиков. В данном контексте правительственные идеологи и журналисты кадетских газет рассматривали Великую французскую революцию как период патриотического подъема французов, объединения всей нации во имя сохранения государственности. Летом 1918 г. в томской либеральной газете «Наша мысль» при характеристике революционных событий во Франции отмечалось — «французы, любили свое отечество, любили свою “прекрасную Францию” и в этом причина успеха, с которым эта крохотная, в сравнении с остальной Европой, нация выдержала такие испытания и бури и вышла из них очищенной и еще более прекрасной...» [1, с. 2–3].

Революционные потрясения в России напротив оценивались как отражение и следствие утраты национального достоинства и патриотизма. «Одна из них очистила народ и государство от грязи и плесени, другая — отравила народ опасным ядом, погубила государство и национальную честь...», — подчеркивалось в новониколаевской кадетской газете в рамках сравнения двух революций [39, с. 2]. Красноярские кадеты, также при сравнении русской и французской революций отмечали разрушительность обеих, указывая, что влияние событий рубежа XVIII–XIX вв. на другие страны Запада — заслуга не только революции, но и «переворотов» Наполеона, «...с его лучшей идеей всемогущего, всепоглощающего и всеуравняющего Государства» [7, с. 3–4].

Правительственные идеологи стремились использовать исторические примеры для утверждения идеи национального единства вопреки борьбе отдельных социальных групп. На страницах официальной «Нашей газеты» отмечалось, что французская революция была национальной революцией, «несмотря на свои ошибки». Автор статьи, посвященной национальным символам, подчеркивал, что сменявшиеся у власти во Франции в конце XVIII в. партии стремились действовать не в интересах отдельных классов, а ради всего народа [9, с. 1].

С той же целью, но в несколько ином контексте актуализировались представления о событиях Франко-прусской войны и Парижской коммуне. Мысль о том, что единство нации являлось следствием страданий и испытаний, находила подтверждение в примере Франции, не смирившейся с потерей Эльзаса и Лотарингии. Сорокалетние «страдания за Эльзас», по мнению редакции газеты «Военные ведомости», укрепили дух французов и позволили им выстоять и победить в ходе мировой войны [24, с. 1–2]. Размышляя о послевоенном урегулировании весной 1919 г. дальневосточный журналист отмечал также, что «история Франции после 1871 г. — история жгучей ненависти к врагу и стремления к “реваншу”, завершающаяся ныне». Автор полагал, что в сложившейся ситуации перед союзниками стояла непростая задача выбрать «меру натиска» на побежденную Германию, чтобы избежать возникновения жажды реванша уже с ее стороны [38, с. 2].

В то же время образы французских революций могли актуализироваться и в рамках критики политических оппонентов именно с классовых позиций. Социалистическая печать, обвиняя российскую буржуазию в отсутствии демократизма и стремлении сохранить свои классовые интересы, использовала образ западных предпринимателей в качестве Другого, на фоне которого рельефнее вырисовывались недостатки отечественных торгово-промышленников. Наряду с английскими и американскими примерами, упоминались и французы. По мнению алтайского социалиста И. И. Кодора политика российской буржуазии при самодержавии «...подготавливала зародыши печального настоящего». При этом автор вспоминал о французском *tiers état* в конце XVIII в. — «третье

сословие тогда сумело подняться до понимания своих классовых задач, что вы не можете сделать даже сейчас» [10, с. 2]. В середине 1919 г. редакция газеты «Русь» — органа сибирской кооперации — связывала неудачи Омского правительства с отсутствием у него социальной базы. Вместе с тем, отмечалась слабость, «тепличность» русского предпринимательского класса. «Класса буржуазии, той буржуазии, какая во Франции в 1789 году под звуки марсельезы разрушила феодальные твердыни и создала Францию революционного творчества, такой буржуазии у нас в России нет», — отмечалось в газете [26, с. 1].

Демократия и диктатура. Вопрос о степени демократичности власти, конструируемой на востоке страны в условиях гражданской войны, широко обсуждался в правительственных и партийных изданиях. Споры журналистов и партийных деятелей, взаимные обвинения и упреки служили красноречивым индикатором политической и социальной неоднородности антибольшевистских сил. В данном контексте исторический опыт «просвещенной Европы» был востребован и для подтверждения собственных взглядов, и для критики доводов оппонентов.

Социалисты могли упоминать тему революций во Франции в контексте актуализации идеи демократии. Выступления эсеров и меньшевиков в защиту народоправства сочетались с критикой диктатуры, которую, по их мнению, стремились установить торгово-промышленники, военные и часть интеллигенции, примыкавшей к партии кадетов. В данном случае, Франция рубежа XVIII–XIX вв. была удобным примером для журналистов и политиков. Эсер М. А. Кроль, выступая на заседании Сибирской Областной Думы 19 августа 1918 г., несколько раз обращался к французской истории для поиска аргументов против диктатуры и важности защиты Учредительного Собрания и народоправства. Так, по его мнению, успехи «народной армии» французов, под руководством молодых генералов, одерживались благодаря Конвенту. «Конвент не только не мешал победам Франции, — он вызывал победы», — подчеркивал М. А. Кроль, считавший также, что французская революция получила два смертельных удара — от «неофициального диктатора» Робеспьера и Наполеона [31, с. 2].

Как позднее вспоминал эсер, его выступление было негативно встречено «автономистами» [13, с. 79]. В печати также появились критические замечания. Профессор В. М. Грибовский указал на допущенные М. А. Кролем искажения истории, подчеркнув, что Робеспьер не являлся диктатором, поскольку правил совместно с Конвентом. Наполеон же, по словам профессора, «...взял власть из рук ничтожной Директории...», был любим народом, а его правление «...было блестящей эпохой в истории Франции во всех отношениях, и он был бы светлым гением этой страны, если бы его не погубила жажда завоеваний» [6, с. 3].

Опасности диктатуры противопоставлялась необходимость участия общества в политическом процессе. В статье социалистической газеты «Сибирь», помещенной в издании «Думы Алтая», экономический и продовольственный кризис в России сравнивался с хозяйственной разрухой во Франции конца XVIII века, итогом которой стал приход к власти Наполеона. Надежды французских рабочих на Бонапарта были быстро развеяны. «Поняли они также и то, что безответственные властители, вроде Наполеона, могут бороться с народом, насилуя его чувства, ум и волю, но с хозяйственной разрухой страны может и должен бороться сам народ», — подчеркивалось в публикации [29, с. 3].

В содержании правительственной осведомительной деятельности развитие идей демократизма ставилось в зависимость от сохранения государства вообще. Спасение государственности в текущих условиях считалось возможным лишь при воссоздании армии. В газете «Вестник Забайкалья» весомость роли армии в возрождении России подкреплялась словами безымянного современника Великой Французской Революции — «нация возрождается на полях битв и погибает на митингах», в которых, как отмечалось, содержалась «великая истина» [3, с. 3]. Стремление противопоставить поля сражений как место возрождения страны политическим сходам, как олицетворению ее разрушения, наглядно иллюстрировало разочарование в митинговой стихии 1917 г. и в целом негативное отношение к практике политической работы революционных партий. «Государственно-мыслящие» элементы, видевшие в действиях социалистов угрозу для дела возрождения страны, использова-

ли исторические параллели также для предостережений. В декабре 1919 г. на фоне краха правительства А. В. Колчака, красноярский кадет Д. Е. Лаппо отмечал, что стремление революционных партий проводить в жизнь свои «утопические идеалы» способно привести народные массы к индифферентизму и апатии, а страну к реставрации «горше той, чем та, к которой привела Францию Великая революция» [17, с. 3].

На фоне размышлений о соотношении демократии и единоличной власти неизменно происходила актуализация образов политических и военных деятелей Франции той или иной эпохи. Образ упомянутого выше Наполеона Бонапарта складывался преимущественно из двух наборов характеристик. С одной стороны, он оценивался как выдающийся и незаурядный деятель — политик и полководец. Подчеркивались при этом его исключительные качества и «величие». Так, редакция минусинской социалистической газеты «Труд», в ноябре 1918 г. сообщая об установлении диктатуры А. В. Колчака, в передовой статье приводила краткий исторический экскурс в историю диктатур. Отмечалось при этом, что Наполеон не являлся диктатором, поскольку принял власть от «...бездарной и бездеятельной директории, и если главенствовал над нею, то только в силу гениального ума и сверхчеловеческой энергии» [21, с. 1]. Военный публицист капитан Колесников в открытом письме французам, опубликованном в феврале 1919 г. подчеркивал уважение и интерес русского общества к «великому» Наполеону, проявившееся в период празднования столетия войны 1812 г. «В эти дни в витринах всех магазинов, в каждом доме мы могли увидеть открытку или бюст императора Наполеона, а наши лучшие поэты и писатели — Пушкин, Лермонтов и граф Лев Толстой не могли пройти молчанием — загадочную тень величайшего полководца мира», — писал капитан [8, с. 2].

С другой стороны, подчеркивалась жажда завоеваний Бонапарта, приведшая к многочисленным жертвам и страданиям, сам полководец при этом мог характеризоваться как «тиран». Впрочем, даже в контексте негативных характеристик Наполеон мог удостаиваться эпитета «великий». Например, говоря о том, что столетие назад «...мы избавили весь мир от тирании великого Наполеона...»

безымянный журналист газеты «Ишимская жизнь», полагал, что России выпала участь вновь спасти Европу от «смертельной болезни» — большевизма.

Примечательной чертой образа Наполеона в антибольшевистской прессе являлись ситуативные сравнения тех или иных участников переживаемых и наблюдаемых событий с французским лидером. Обычно не в пользу отечественных политиков и в уничижительном или ироничном контексте. Так, Р. Гайда, поднявший мятеж во Владивостоке в ноябре 1919 г. характеризовался в местной газете как «невежественный политик», «желторотый, едва оперившийся генерал», «маленький Наполеон» [35, с. 1–2].

Иначе характеризовался племянник Бонапарта — Наполеон III, в образе которого преобладали негативные характеристики, проговаривавшиеся в ходе актуализации важных для авторов тем или идей — необходимости сохранения демократии, критики милитаризма и популизма. Император мог быть назван трусом, предавшим Францию [20, с. 1], узурпатором и бездарным правителем, ведшим близорукую политику [32, с. 1]. В социалистической газете «Думы» правительство Наполеона III приводилось в качестве типичного примера власти, стремившейся к военным авантюрам ради укрепления своего престижа [27, с. 2].

Параллели и прогнозы. Публицисты и идеологи антибольшевистского движения, предпринимая попытки осмысления русской революции, неизбежно начинали проводить параллели, искать сходства и различия между событиями в России и Франции, строить на их основе прогнозы и объяснительные модели.

Размышления о природе и последствиях насилия, захлестнувшего страну, побуждали авторов обратиться к событиям конца XVIII в., изобиловавшими примерами революционного террора. Жестокость и насилие являлись неотъемлемыми атрибутами формируемого несоветской периодической печатью образа врага, в роли которого выступали большевики. Примеры и аналогии из революционного прошлого Франции позволяли конкретизировать или усилить конструируемый образ. При этом, как социалистическая, так и либерально-кадетская печать в одинаковой степени использовали данный прием.

В апреле 1918 г. во владивостокской газете «Голос Приморья» проводились параллели между действиями большевиков и якобинцев. «Убийство Шингарева и Кокошкина, перевезенных из тюрьмы в больницу, восстанавливает в нашей памяти леденящую душу картину массового избиения в парижских тюрьмах (свыше 1500 чел.) арестованных якобинцами “врагов народа”», — писал автор, задаваясь вопросом о неутешительных итогах и перспективах революции [15, с. 1]. Газетные сообщения о расстрелах, учиненных большевиками в Казани, заставляли красноярских кадетов вспомнить о «законе о подозрительных» 1793 г., из-за которого террор охватил всю Францию. «Наши доморожденные террористы решили углубить опыт своих французских собратьев: те издавали общие предписания об арестах, а наши большевики стали издавать такие предписания и о расстрелах», — писал кадет Н. Лавров, указывавший на необходимость уголовного суда над большевиками [16, с. 1–2]. Надо отметить, что якобы расстрелянные профессора Казанского университета — Гольдгаммер, Фаворский и Миславский, упомянутые в газетной публикации, пережили Гражданскую войну и продолжили работу уже при новой власти.

Проводились аналогии между большевиками и французскими революционерами также в контексте осуждения гонений на религию. Уфимский священник Ал. Кулясов полагал, что большевики «...буквально повторяют азы парижской коммуны — отсюда их гонения на православную церковь». Считая «нравственный материализм» губительным для цивилизации, священник рассматривал «душу народа» в качестве двигателя его прогресса. Выражением «души» русского народа считались при этом понятия «Бога» и «земли» [14, с. 3]. Не обошлось без отсылок к Французской революции в ходе критики советской цензуры. В сентябре 1919 г. в газете «Русская армия» со ссылкой на меньшевистский орган печати «Борьба» приводилась почти анекдотическая история о снятии и правках пьесы «Смерть Дантона» в Советской России из-за «не тактичного изображения» личности Робеспьера. Журналист «Русской армии» подытоживал публикацию словами — «так российские якобинцы усмотрели крамолу и контрреволюцию даже в сценах из французской революции» [18, с. 2].

Исторические параллели позволяли не только обличать противников, но и с опорой на прецеденты прошлого предлагать рецепты спасения государства. Террор властей в отношении коммунаров в 1871 г. рассматривался некоторыми проправительственными авторами как успешный опыт подавления революционных волнений, потрясавших государство. Казачий публицист И. Н. Шендриков в марте 1919 г. отмечал, что концентрация большевиков в тюрьмах и откладывание суда над ними представляли угрозу для антибольшевистских сил. «Франция в 1871 г. имела мужество для спасения государственности и сохранения своего международного положения судить и отправить в Каенну до 40 тысяч захваченных в Париже коммунаров, искренне увлекавшихся социальной утопией и не запятнавших себя, как большевики, изменой и предательством родины внешним врагам», — писал автор, указывая тем самым путь решения обозначенной им проблемы [37, с. 22]. Фронтная газета «Вперед» цитируя негативную характеристику В. Гюго, данную им социализму, также писала по этому поводу: «к счастью, французы не позволили осуществить социалистам их безумной мечты ни в 1848 году, ни в 1871, во времена коммуны» [22, с. 1–2].

Заимствования французского опыта касались и более созидательных видов деятельности. Либеральная «Сибирская жизнь», например, в январе 1919 г. приводила статью проф. Микулина, в которой тот обращал внимание на проект национального воспитания, рассматривавшийся Конвентом в 1793 г. Интерес для профессора представляли принципы всеобщего образования, изложенные в проекте. Несмотря на то, что не все было реализовано, по мнению автора, «... для нас важно само отношение к вопросу народного образования в такой — полный всякого строительства — ответственный момент государственной жизни страны, и важна забота и стремление к реформе этого дела в глубоких интересах народного блага» [19, с. 2–3].

Попытки предсказать исход гражданской войны в России также могли сопровождаться обобщающими или точечными сравнениями с событиями во Франции. Иркутская кадетская газета в публикации, касавшейся исхода мировой войны и перспектив

России, приводила мнение о неизбежности «выздоровления» России. «И Франция пережила три революции и ужасы гражданской междоусобицы», — отмечалось в издании, выражавшем надежду на то, что «...рано или поздно здоровый голос национального рассудка победит невежество широких народных масс» [23, с. 1]. Аналогичным образом обнадеживала своих читателей кооперативная газета «Каменская мысль» в августе 1919 г. Отмечая, что «прекрасная, как мы привыкли говорить, Франция в свое время пережила такой же упадок народной нравственности, какой переживаем мы», некто под псевдонимом «Старый кооператор» выражал убежденность в светлом будущем России, при условии освобождения ее от большевиков [33, с. 1]. Стремясь скрасить горечь поражений армий Омского правительства летом 1919 г. правительственный пропагандист сравнивал войну с большевиками с войной 1812 г., убеждая читателей, в том, что белые затягивали большевиков в Сибирь «...как в ловушку, как сто лет назад заманили в Москву Наполеона» [36, с. 1].

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. Представления о революционных событиях во Франции актуализировались в небольшевистской периодической печати периода Гражданской войны с помощью нескольких способов — путем сравнений, использования метафор, соответствующей лексики и символов. Образы революций, происходивших во Франции, позволяли идеологам и политикам антибольшевистского движения решать ряд задач. Во-первых, в контексте репрезентации событий и личностей, имевших отношение к революциям 1789 г., 1830 и 1848 гг. и Парижской коммуне 1871 г. осуществлялась актуализация значимых ценностей и идей — патриотизма, гражданственности, демократизма и т.д. Во-вторых, параллели и аллюзии позволяли формировать и детализировать негативные образы врагов — большевиков и немцев, и положительные — союзников, в частности, самой Франции и Антанты в целом. Наконец, воспоминания о прошлом позволяли формировать модели, объяснявшие причины и суть происходящего, а также конструировать образы будущего путем сопоставления этапов русской революции с их «аналогами» из истории Франции.

Таким образом, анализ особенностей актуализации образа Франции, как «значимого Другого» позволяет выявить элементы политического мышления лидеров и идеологов антибольшевистских сил. Стремление антибольшевистских политиков и идеологов найти точки опоры в знакомых образах и представлениях из истории Франции для объяснения происходящего и упорядочения реальности, было сопряжено с попытками применения этих образов, схем и ярлыков для управления этой реальностью с помощью дискурсов. Параллели между русской революцией и вызванной ею гражданской войной с европейскими событиями, позволяли противникам большевиков говорить о перспективах скорого «выздоровления» России, убеждая аудиторию в закономерности и неизбежности своей победы. В то же время, акцентирование внимания аудитории на отличиях «русской смуты» на фоне той же Франции, позволяли антибольшевистским авторам позиционировать своих противников в качестве аномалии, опасного для всего мира явления, победа над которым направит русскую революцию в «национальное», «демократическое», «патриотическое» русло, и вернет страну в сообщество европейских народов.

Список литературы

1. А.Г. Уснувшее чувство // Наша мысль. Томск. 1918. 30 июня. С. 2–3.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Вести и факты. Армия — все // Вестник Забайкалья. Чита. 1919. 3 сент. С. 3.
4. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / А. В. Бодров, Магадеев И. Э., Павлов А. Ю., Феськова Е. П. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2021. Т. 1. 705 с., Т. 2. 892 с.
5. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.
6. Грибовский В.[Г.] Кроль и диктатура // Сибирский курьер. Иркутск. 1918. 6 сент. С. 3.

7. Д.В.А. Духа не угашайте // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 12 ноября (31 окт.). С. 3–4.
8. Капитан Колесников. Открытое письмо к французам // Русская речь. Новониколаевск. 1919. 14 февраля. С. 2.
9. Красный флаг // Наша газета. Иркутск. 1919. 14 дек. С. 1.
10. Кодор И. «Самоопределение» буржуазии // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 28 июля. С. 2.
11. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
12. Конев К. А. Образы Великобритании и Франции в политических дискурсах антибольшевистского движения на востоке России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 92–100.
13. Кроль М. А. Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской Областной Думы (из воспоминаний) // Вольная Сибирь. Прага. 1928. № 4. С. 69–82.
14. Кулясов Ал. Душа народа // Отечественные ведомости. Екатеринбург. 1918. 4 дек. (21 ноября). С. 3.
15. Кызыл. Исторические параллели // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 25 марта (7 апреля). С. 1.
16. Лавров Н. Преступление // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 13 окт. (30 сент.). С. 1–2.
17. Лаппо Д.Е. К возрождению // Свободная Сибирь. Красноярск. 1919. 9 декабря. С. 3.
18. М. Комиссарская цензура // Русская армия. Омск. 1919. 14 сентября. С. 2.
19. Микулин [П.А.] Чутьочку истории для облегчения параллелей // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 29 янв. С. 2–3.
20. Минусинск, 29 октября 1918 г. // Труд. Минусинск. 1918. 29 окт. (16 окт.). С. 1.
21. Минусинск, 22 ноября 1918 г. // Труд. Минусинск. 1918. 22 (9) ноября. С. 1.
22. Некто. Пророчество Виктора Гюго // Вперед. Екатеринбург. 1919. 11 сент. С. 1–2.
23. Неллин Б. Накануне мира // Свободный край. Иркутск. 1918. 14 дек. С. 1.
24. Новониколаевск, 24 ноября // Военные ведомости. Новониколаевск. 1918. 24 ноября. С. 1–2.

25. Нойманн И. Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
26. Омск 26 июля // Русь. Омск. 1919. 26 июля. С. 1.
27. О.П. Последняя ли это война? // Думы. Бийск. 1918. 1 дек. С. 2.
28. Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2019. 252 с.
29. П-ин И. Хозяйственная разруха во Франции во время Великой Революции // Думы Алтая. Бийск. 1918. 23 (10) окт. С. 3.
30. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
31. Сибирская Областная Дума // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 27 авг. С. 2.
32. Социалист-патриот. Версаль // Голос народа. Томск. 1918. 24 ноября. С. 1.
33. Старый кооператор. Письма к читателям // Каменская мысль. Камень. 1919. 17 авг. С. 1.
34. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 — декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
35. Степной А. Около жизни // Голос Родины. Владивосток. 1919. 22 ноября. С. 1–2.
36. Торхов Н. А. Духа не угашайте // Надежда России. Новониколаевск. 1919. 25 июля. С. 1.
37. Шендриков И. Пути государственности // Отечество. Омск. 1919. № 5–6. С. 19–23.
38. Увлечение и разум // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 24 апреля. С. 2.
39. Ясенев Вл. Беспочвенность партийности // Русская речь. Новониколаевск. 1918. 19 окт. С. 2.

Konev Kirill,

Assistant of the Department of the History of the Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History; Senior Researcher at the Laboratory of General and Siberian Lexicography, Tomsk State University.

FRANCE AS A “SIGNIFICANT OTHER” IN THE POLITICAL DISCOURSES OF THE ANTI-BOLSHEVIK FORCES IN THE EAST OF RUSSIA IN THE PERIOD OF THE CIVIL WAR (1918–1919)

The ideologems formed by the members of the heterogeneous anti-Bolshevik movement and disseminated through the periodical press served as the basis for constructing a collective identity that rallied the opponents of Soviet power. Along with the ideas expressed in the slogans of “reviving the unity and greatness of Russia”, “rebuilding the army”, non-Soviet newspapers actively formed images of Russia’s foreign allies in the world war, who were the “significant Other”. They included a number of ideas about the outside world that influenced the construction of the identity of the anti-Bolshevik movement. One of the key allies of the anti-Bolshevik movement was France. The article analyzes the peculiarities of the influence of ideas about the revolutionary past of France on the construction of the identity of the anti-Bolshevik forces (the “imaginary” image of the nation) and the image of the enemy represented by the Bolsheviks. In the course of the analysis of the materials of the Siberian and Far Eastern non-Soviet periodicals, published in 1918–1919, key plots related to the revolutions in the history of France are identified, the actualization of which was carried out in the context of the articulation of values that are important for representatives of the anti-Bolshevik movement.

Keywords: Civil War in Russia, France, anti-Bolshevik movement, image, periodicals, Siberia, Far East.

В.Э. Молодяков

«ACTION FRANÇAISE» ПРОТИВ ФРАНКО-РУССКОГО И ФРАНКО-СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ВЗГЛЯД ЖАКА БЕНВИЛЯ

Главным направлением деятельности монархического движения «Action française» во все время его существования была борьба против Германии как «наследственного врага» Франции. Политическую линию движения определял его лидер и идеолог Шарль Моррас, ведущим внешнеполитическим аналитиком был Жак Бенвиль. Понимая, что Франция не может успешно бороться с Германией один на один из-за демографического дисбаланса, эти непримиримые германофобы тем не менее выступали против союза не только с большевистским СССР, но и с императорской Россией. Они были убеждены, что «германизированная до мозга костей» Россия «управляется немцами», поэтому союз с ней не усиливает Францию, не дает ей реальных гарантий помощи в случае нападения Германии, но может втянуть Францию в русско-германский конфликт в невыгодный для нее момент. В 1917 г. Бенвиль надеялся «сохранить от союза то, что можно сохранить, и не отказываться от двадцати пяти лет политики сотрудничества», но после Брестского мира призвал отказаться от «грез» о дальнейших перспективах союза с Россией. Поэтому он стал последовательным критиком поворота французской политики в сторону СССР после победы Левого блока на выборах 1932 г. Критикуя франко-советские пакты о ненападении (1932) и о взаимопомощи (1935), Бенвиль называл их «опасной авантюрой» и указывал на «проблематичность помощи со стороны Красной армии» из-за сложных отношений СССР с западными соседями — союзниками Франции.

Ключевые слова: «Action française»; Жак Бенвиль; Шарль Моррас; франко-русский союз; Германия; реванш; революция

Главным направлением внешнеполитической деятельности монархического движения «Action française» во все время его существования была борьба против Германии как «наследственного врага» Франции. Этапы этой борьбы: пропаганда реванша (возвращения Эльзаса и Лотарингии) до Первой мировой войны, «священное единение» в годы войны, требование расчленить Германскую империю сразу после ее окончания, осуждение Версальского договора как слишком мягкого в отношении Германии, поддержка экс-

пансионистской политики (оккупация левого берега Рейна и поощрение сепаратизма, интервенция в Рур) и критика отказа от нее, предупреждения об опасности национал-социализма, кампания за перевооружение, борьба против идеологически мотивированного конфликта с Рейхом, в котором Франция была обречена на поражение, поддержка военных усилий после объявления войны, — исследованы [1; 2]. Политическую линию движения определял его лидер и главный идеолог Шарль Моррас (1868–1952). Ведущим внешнеполитическим аналитиком движения и его одноименной ежедневной газеты, выходившей в 1908–1944 гг. (называем ее *L'AF*, чтобы не смешивать с движением), был его верный последователь Жак Бенвиль (1879–1936). «Ни единого раза Моррас и наши учителя, — вспоминал бывший активист «Action française» Анри Шарбонно, — не допускали возможности союза или примирения с Германией, даже побежденной. Все подобные попытки высмеивались или объявлялись изменническими! Ни один немец не заслуживает доверия! А к тем, кто верил в “хорошую Германию” и проявлял некоторый пацифизм после чудовищного убийства миллионов человек (и с каким результатом?), относились как к идиотам и преступникам» [6, р. 80–81].

Успешно бороться с Германией один на один Франция не могла хотя бы из-за демографического дисбаланса. Значит, ей требовались союзники. Почему же Моррас и Бенвиль выступали против союза не только с большевистским СССР, но и с императорской Россией?

Излагая в 1945 г. этапы своей политической эволюции, Моррас остановился на «союзе с Россией, который все наши дурни считали направленным против Германии и который, напротив, работал в ее пользу» [7, р. 72]. За сорок лет до этого он признавал, что «патриоты и буланжисты (к которым он сам принадлежал — В.М.) страстно желали союза с Россией, полагая, что Россия, наконец, даст нам возможность вновь появиться на Рейне» [8, р. 14]. Однако фанатичный германофоб не мог простить Петербургу «заигрываний» с Берлином в 1880–1890-е годы, которым дал такое объяснение: «Россия более не видит в Германии ни наследственного врага, ни врага по обстоятельствам. Германизированная до мозга костей,

управляемая немцами, Россия никогда первой не порвет с Берлином. Для наших союзников антигерманизм был лишь чувством; он если и царил у них, то не господствовал над ними» [8, р. 15–16]. Считая Россию «менее цивилизованной страной», но имеющей «менее несовершенную политическую организацию» (монархию) и «неисчерпаемые ресурсы населения и территории», Моррас согласился бы видеть Францию ее «учителем и советчиком». Однако ненавистная ему «неустойчивая и анархическая французская демократия», заключившая союз ради узкополитических интересов, уготовила Франции «недостойную роль сателлита царя» [8, р. 17].

«Мирный» франко-русский союз не способствовал реваншу, не усиливал Францию, не давал ей гарантий помощи в случае нападения Германии (эффективность дипломатического вмешательства Моррас оценивал скептически), зато мог втянуть Францию в конфликт между Россией и Германией в невыгодный для нее момент. После поездки в Грецию в 1896 г. Моррас также отметил, «какой вред нанес нам союз с Россией на всем греческом, латинском и даже турецком Востоке» [7, р. 73]. После Фашодского кризиса 1898 г. он не видел в Великобритании перспективного союзника в борьбе против Германии. Эта позиция, сформировавшаяся в конце 1890-х годов, оказала определяющее влияние на сложившуюся тогда же общеполитическую позицию Бенвиля, фанатичного германофоба, но знатока политики, истории и культуры Германии.

В качестве обозревателя *L'AF* Бенвиль периодически писал о России. Комментируя 30 июля 1908 г. отклики прессы на встречу президента К. А. Фальера, сторонника укрепления франко-русского союза и противника войны с Германией, с императором Николаем II, Бенвиль признал ослабление позиций обоих партнеров: Франции — в результате «дела Дрейфуса» (в котором Моррас видел также британскую интригу) и уступок Германии во время Танжерского кризиса 1905 г.; России — в результате войны с Японией и смуты 1905–1907 гг. Приведя слова из «Le Temps»: «Союзы ничего не дают, если заключены между беспомощными», — Бенвиль назвал слово «беспомощность» «слишком сильным», но добавил: «Если Франция ослаблена, мы знаем, кто в этом виноват» [5, р. 1–4].

В годы Первой мировой войны Бенвиль по понятным причинам оценивал франко-русский союз положительно, но без восторгов. В начале 1916 г. он принял предложение правительства съездить в Россию с неофициальной миссией и написал о ней цикл очерков (этот сюжет достоин отдельного исследования). Личные впечатления, возможно, стояли и за откликом на отречение Николая II, последствия которого Бенвиль оценил не сразу: «Россия, на восемьдесят лет отставшая от остальной Европы, устроила полуреволюцию больше в стиле 1830 г., чем 1789 г. <...> При регентстве, по крайней мере, главное останется в безопасности, и Россия будет защищена от худшей из бед — возвращения славянской анархии, примеров которой история явила нам так много. <...> Германия, рассчитывавшая на революцию в России как на одну из карт в игре, увидит свои расчеты опрокинутыми, если события пойдут тем путем, на который указывают петроградские дни» (17 марта 1917) [5, р. 5–8]. Бенвиль питал иллюзии о возможном оздоровлении монархии путем «обновления договора династии с русским народом» (23 марта 1917) [5, р. 9–10], о «новом повороте борьбы между национальным духом и немецкими влияниями» (20 и 27 апреля 1917) [5, р. 15, 16–17], хотя и цитировал слова Морраса о «германизированной» России. Во Временном правительстве он хотел видеть «людей доброй воли, пытающихся действовать в соответствии со своими доктринами» и верящих в «патриотизм и разум русского народа» (12 мая 1917) [5, р. 22].

Рост антивоенных настроений и влияния «крайне левых», за которыми виделась тень кайзера, заставлял думать о дальнейшей судьбе союза. «Если представить (не дай Бог!) республику в России, — писал Моррас еще 1 мая 1916 г., — ее ориентация будет куда более прогерманской, чем у монархии» [9, р. 28]. Отвечая в конце мая 1917 г. на вопросы газеты «Русское слово», он назвал «очень приятной» возможность «установить отношения с нашими союзниками русскими республиканцами», однако посвятил ответ прославлению французской монархии [10, р. 305–321]. В то же время Бенвиль, уверяя читателей, что Россия верна союзу, сделал акцент на разности их целей в войне: «Куда направлены интересы и чувства России? Не прямо против Германии, как наши» (8 июня

1917) [5, р. 26–30]. Читатели *L'AF* понимали, о чем речь. Даже после большевистского переворота, оцененного им как «торжество анархии и пораженчества», Бенвиль призывал «сохранить от союза то, что можно сохранить, и не отказываться от двадцати пяти лет политики сотрудничества» перед лицом общего врага, хотя напомнил о своем всегдашнем скептицизме в отношении «брака по любви с Россией» и о необходимости следовать «принципу наименьшего зла» (23 ноября 1917) [5, р. 33–37].

Брестский мир окончательно похоронил союз и, казалось, подтвердил тезис Моррасса об «управляемой немцами» России. Бенвиль видел в этом подтверждение правильности своего скепсиса в отношении союза с ней. «Порядок для русских — германский, и представлен он Вильгельмом II. Антанта представляет одновременно войну и демократию» (5 июля 1918) [5, р. 40–44]. Он пессимистически оценивал перспективы «союзной» интервенции, явно искажая ситуацию: «До сих пор ни одно по-настоящему серьезное русское движение не восстало против Ленина и не попросило нашей помощи. С другой стороны, правительство Ленина относится к нам, как к врагу. <...> Когда Россия выварится в собственном большевистском соку, тогда и посмотрим, что там произойдет» (10 декабря 1918) [5, р. 49–51].

В соответствии с господствовавшим во Франции мнением, Бенвиль сделал вывод, что в результате большевистского переворота «Россия вернулась к своим восточным истокам», т.е. ушла из Европы, заметив: «Россия сложнее, чем принято думать, и фанатизм может принять там непредсказуемые формы. Чтобы использовать во благо эту человеческую массу, ее надо понимать и знать» (16 января 1919) [5, р. 52–54]. Бенвиль на знание и понимание претендовал: «Возрождение России не облегчит нашу политику на Востоке. Об этом следует подумать прежде, чем вернуться к грезам о прелестях франко-русского союза» (19 июня 1919) [5, р. 57–59]. «Дружественная и союзная Россия далеко, — писал он 9 сентября 1920 г. — Сейчас она в Крыму с Врангелем. <...> Мы никогда ничего не организуем в Европе, если не сможем оставить первую любовь Третьей Республики», т.е. франко-русский союз (9 сентября 1920) [5, р. 75–77]. Более реальной и особенно опасной для Фран-

ции представлялась Бенвилю перспектива советско-германского союза, закрепленного Рапальским договором, который вызвал настоящий переполох во Франции (18 мая 1922) [5, р. 80–82]. «Союз с Россией остается для Германии козырной картой на будущее», — отметил он, подводя итоги десятилетнего пребывания большевиков у власти (11 ноября 1927) [5, р. 103–105].

Бенвиль продолжал следить за событиями в СССР: откликнулся на XII съезд РКП(б), впервые проходивший в отсутствие Ленина (1 июня 1923) [5, р. 83–84]; на смерть Ленина, «навязавшего России коммунизм, как Петр Великий навязал ей европейскую цивилизацию, — с помощью палача» (23 января 1924) [5, р. 85–86], и «выдающегося фанатика» Дзержинского (24 июля 1926) [5, р. 89–91]; на интервью «рenegата европейской цивилизации» [5, р. 81] Чичерина французским журналистам (17 декабря 1925) [5, р. 87–88]; на заявления оппозиции (20 октября 1926) [5, р. 92–93] и поражение Троцкого в борьбе со Сталиным (13 ноября 1927) [5, р. 106–107] и т.д. Говоря об «уступках буржуазным идеям, на которые пришлось пойти Сталину», Бенвиль отметил его умение «примирять доктрину с жизненной необходимостью» (7 октября 1931) [5, р. 128–130].

Новый разворот французской внешней политики в сторону Москвы начался с победой «левых» на парламентских выборах 1932 г. Правительство Эдуара Эррио, апологета франко-советского союза, 29 ноября 1932 г. заключило с СССР пакт о ненападении сроком на два года. Дополнительным аргументом в его пользу мог служить приход Гитлера к власти в январе 1933 г., однако Бенвиль, предсказавший это событие, уже 23 февраля заявил, что «немного даст за новый союз» [5, р. 134–135]. «Мировая революция, коммунистическая пропаганда, красная угроза в колониях — нельзя делать вид, будто этих ужасов никогда не было», — напомнил он 15 декабря 1934 г., в разгар обсуждения нового договора с СССР. И добавил: «Чтобы союз был прочным, он должен основываться на соответствии интересов, которое не зависит от текущего момента. Союз должен быть постоянным — или его нет» [5, р. 136–138].

«Сегодня, как и вчера, политические интересы Франции и России требуют объединения их сил, чтобы сдержать воинственную

и алчную Германию», — заявил 2 декабря 1935 г. видный либерал Эмиль Бюре (цит. по [3, с. 739]). «Будут ли Советы воевать за нас? Будем ли мы воевать за Советы? Вот вопросы, причем самые важные», — подчеркнул Бенвиль еще 12 февраля 1935 г., напомнив об «изменах» союзницы при Людовике XV, Наполеоне и во время Брестского мира [5, р. 139–140]. Он называл договор с СССР «опасной авантюрой» (14 апреля 1935) [5, р. 143], «опасным союзом, чреватым сюрпризами и взрывами» (11 декабря 1935) [5, р. 154–155]. Сторонники альянса говорили о его военном значении для Франции. Бенвиль парировал это указанием на «проблематичность помощи со стороны Красной армии <...> в случае угрозы» из-за сложных отношений Москвы со своими западными соседями — союзниками Франции (30 ноября 1935) [5, р. 152–153] и на отсутствие границы между Германией и СССР (26 января 1936) [5, р. 160–161].

Откликаясь на подписание пакта о взаимопомощи 2 мая 1935 г. Бенвиль отметил, что «союз с Россией возобновляется с вечными романтическими иллюзиями, которые последовательно принимают все те же формы и идут тем же ходом», хотя «коммунистическая революция победила не в стране Бориса Годунова и Анны Карениной» (Борис Годунов здесь скорее оперный, чем исторический). И добавил: «Французы знают Советскую Россию так же плохо, как знали царскую. В этом неведении есть привлекательность, и с ней ничего не поделать» [5, р. 144–145]). Затем он выступил против ратификации пакта: «Мы не имеем права забывать, что война 1914 г. пришла к нам под предлогом союза с Россией и уловок Сербии. Природа нового союза такова, что он чреват прямым вовлечением нас в конфликт не только между германизмом и славизмом, но между коммунизмом и гитлеровским национализмом» (14 ноября 1935) [5, р. 148–150].

«Гитлер хочет бросить нас против Сталина, а Сталин против Гитлера. Диктаторы оспаривают Францию друг у друга», — суммировал Бенвиль 23 ноября 1935 г. [5, р. 151]. Еще 28 апреля 1935 г. Моррас предупреждал: «Гитлеровские интриги гораздо опаснее советских. Советы могут создать революционную ситуацию. Гитлер готовит методичную варваризацию всей Европы. — Но Гитлер

«правый»! (говорит воображаемый собеседник — В.М.). — Дитя! Гитлер — немец! Гитлер — такой же «правый», как тот персонаж двухтысячелетней давности, которого латинский историк называл Арминий и который носил имя Герман. Дикарь? Варвар? Нет: архетипическое воплощение дикости и варварства. <...> Мы можем наблюдать гитлеровских посланцев в лучшем обществе, рассказывающих о немецком диктаторе как о естественном защитнике прав, чувств, интересов, идей порядка, прогресса, общественного блага. <...> Однако под именем Гитлера нам несут не порядок <...> но лишь саму Германию и вечный германизм» (цит. по [4, р. 187]).

Реакция Берлина на франко-советский пакт была ожидаемой. Нотой от 25 мая 1935 г. правительство объявило его направленным против Германии и противоречащим Локарнским соглашениям 1925 г., приверженность которым при этом подтвердило. 21 ноября Гитлер в беседе с послом Андре Франсуа-Понсэ заявил, что не просто видит во франко-советском договоре «военный союз, направленный против его страны», но что «Россия представляет опасность для Европы; она не является европейской страной, она думает только о разрушении Европы» (цит. по [3, р. 735]).

«Гитлер дал понять, что, заключив союз с Советами, Франция закроет путь к согласию с Германией, — писал Бенвиль 2 января 1936 г. — Мы не спрашиваем его совета, подписывать нам пакт с СССР или нет. Это касается только нас» [5, р. 158]. Сторонников союза с Германией во Франции было мало в отличие от сторонников сотрудничества с ней ради поддержания мира и безопасности в Европе. Идеи Бриана оживали в выступлениях его последователей Фернана де Бринона, Жоржа Сюареса, Жана Лушера — оппонентов «Action française» и будущих коллаборантов времен оккупации. «Русский альянс и германский альянс в равной степени достойны того достославного персонажа, который, спасаясь от ливня, бросился в реку», — суммировал Бенвиль [5, р. 159]. Заглавие статьи, откуда взяты эти слова, «Не выбирать между двумя альянсами» можно считать его завещанием и лозунгом «Action française».

Жак Бенвиль умер 9 февраля 1936 г. после тяжелой болезни, до последних дней продолжая комментировать внешнеполитические события и выступать против франко-советского союза.

В предисловии к посмертному сборнику его статей «Россия и восточный барьер» (1937) бывший посол в Румынии и Великобритании граф де Сен-Олер, похвалив «здравый смысл» и «прозорливость» автора, особо отметил его аргументы против «шутовства франко-советского пакта, который ужасен не только сам по себе, но и потому что отдалил от нас наших лучших друзей в Восточной Европе. Противоестественный союз разрушил наши естественные союзы» [5, р. X] со странами Малой Антанты.

Критикуя противников франко-советского союза, апологеты нового «сердечного согласия» пытались представить их «фашистами», играющими на руку Германии. Возможно, к кому-то это применимо, но точно не к непримиримым германофобам из «Action française», начиная с Морраса и Бенвиля.

Список литературы

1. Молодяков В. Шарль Моррас и «Action française» против Германии: от кайзера до Гитлера. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. 304 с.
2. Молодяков В. Шарль Моррас и «Action française» против Третьего Рейха. СПб.: Нестор-История, 2021. 342 с.
3. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. 772 с.
4. Algoud F.-M. Actualité et présence de Charles Maurras. T. III. <Chiré:> Éditions de Chiré, 2008. 484 p.
5. Bainville J. La Russie et la Barrière de l'Est. Paris: Plon, 1937. 294 p.
6. Charbonneau H. Les mémoires de Porthos. Paris: Les éditions du clan, 1967. 459 p.
7. Charles Maurras et Maurice Pujo devant la Cour de Justice du Rhône. N.p.: Verités françaises, 1945. 679 p.
8. Maurras Ch. Kiel et Tanger. 1895–1905. La République Française devant l'Europe. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1910. 347 p.
9. Maurras Ch. Les chefs socialistes pendant la guerre. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1918. 320 p.
10. Maurras Ch. Devant l'Allemagne éternelle. Gaulois, Germains, Latins. Chronique d'une Résistance. Paris: Éditions A l'Étoile, 1937. 400 p.

Vassili E. Molodiakov,
LL.D. (Political Science), Ph.D. (History), Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan

«ACTION FRANÇAISE» AGAINST THE FRANCO-RUSSIAN AND FRANCO-SOVIET ALLIANCE: THE CASE OF JACQUES BAINVILLE

The main direction of the political activity of the French monarchist movement “Action française” throughout its existence was the struggle against Germany as the “hereditary enemy” of France. The political course of the movement was determined by its leader and ideologue Charles Maurras; its leading foreign policy analyst was Jacques Bainville. Realizing that France could not successfully fight Germany one-on-one because of the demographic imbalance, these irreconcilable Germanophobes nevertheless opposed an alliance not only with the Bolshevik USSR, but also with Imperial Russia. They were convinced that “Germanized to the core” Russia is “controlled by the Germans,” so an alliance with it does not strengthen France, does not give her real guarantees of assistance in the event of a German attack, but can draw France into the Russian-German conflict at an unfavorable moment for her. In 1917, Bainville still hoped to “preserve what can be preserved from the alliance and not abandon twenty-five years of a policy of cooperation,” but after the Treaty of Brest-Litovsk of 1918 called for abandoning “dreams” about the future prospects of an alliance with Russia. Therefore, Bainville became one of the most consistent critics of the new turn of French policy towards the USSR after the victory of the Left Bloc in the elections in 1932. Criticizing the Franco-Soviet Non-Aggression Pact (1932) and the Franco-Soviet Treaty of Mutual Assistance (1935), Bainville called them “dangerous adventures” and pointed to the “problematic assistance from the Red Army” due to the difficult relations of the USSR with its western neighbors — allies of France.

Keywords: «Action française», Jacques Bainville, Charles Maurras, Franco-Russian alliance, Germany, revanche, revolution

Е.В. Каменская

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СРЕДА ФРАНЦИИ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ (1924–1935 гг.)¹

В статье исследуется показ советской печатью французской политической среды в 1920-е — первой половине 1930-х гг. Рассматривается представление в прессе партийной системы Франции, борьбы основных политических сил. Анализируются варианты презентации французских политических деятелей в зависимости от их политической платформы и отношения к СССР (Р. Пуанкаре, Э. Эррио, А. Марти и др.). Прослеживается восприятие транслируемых в прессе образов населением. Основой источниковой базы исследования стали центральные общественно-политические газеты «Правда» и «Известия», а также журнал «Огонек».

Ключевые слова: СССР; Франция; советско-французские отношения; советская пресса; Р. Пуанкаре; Э. Эррио; А. Марти.

В межвоенный период Франция являлась одним из главных героев внешнеполитических разделов советских периодических изданий. Причины этого имели разнонаправленный характер. С одной стороны, Франция рассматривалась как империалистическая держава, колониальная империя, играющая заметную роль в общеевропейских процессах. Она являлась одним из основных противников Советской России в годы Гражданской войны и сохранила этот статус в последующее время. С другой стороны, повышенный интерес советской прессы к Франции в первой половине 1930-х гг. был вызван активным развитием советско-французских отношений.

Информация о Франции (как, впрочем, и о любом другом государстве) в советской печати 1920-х — 1930-х гг. преимущественно касалась политической жизни. Сведения экономического характера в основном ограничивались материалами об экономическом кризисе в стране и таких его проявлениях как рост цен, безработица, падение уровня жизни. Сфера культуры и науки в массовых

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

изданиях была представлена слабо. Исключение составлял «Огонек», в котором появлялись статьи о культурной жизни Франции, а также небольшие сообщения о новинках в сфере науки и техники в рубрике «Окно в мир». Однако «Огонек» не входил в круг чтения значительной части населения СССР.

Развитие французской литературы, почти исключительно левого толка, освещала «Литературная газета»². В издании публиковались произведения французских авторов, обзоры литературных событий, отклики на советские литературные, театральные и кинематографические произведения и т. д. [24, с. 2; 25, с. 4; 26, с. 1; 27, с. 3; 28, с. 3 и др]. Но «Литературная газета» не могла претендовать на массовое распространение. Ее тираж составлял ок. 30 тыс экземпляров, а аудитория была ограничена в основном писательской средой СССР. Таким образом, именно политическая сфера показывалась в печати наиболее полно, и на этом материале формировался образ Франции у большинства советских граждан.

В предлагаемой статье рассматривается формирование в советской печати представлений о политической среде Франции в 1920-х — первой половине 1930-х гг. Хронологические рамки исследования — 1924–1935 гг., т. е. от момента установления дипломатических отношений между СССР и Францией и до заключения между ними договора о взаимопомощи, что явилось пиком развития советско-французских отношений в межвоенный период.

Основными источниками в ходе исследования выступили центральные общественно-политические газеты «Правда» и «Известия» и общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек». Дополнительными источниками стали такие центральные издания как «Литературная газета» и «Крокодил», а также областные газеты Урала и Сибири. При анализе публикаций приоритет отдавался текстовым материалам. Визуальным

² Стоит отметить, что в момент своего появления в апреле 1929 г. «Литературная газета» размещала на первой странице внешнеполитический блок, по форме схожий с такими газетами как «Правда» и «Известия». Однако уже в 1930–1931 гг. этот формат постепенно исчез, и издание переключилось на освещение преимущественно культурных событий за границей, в том числе в специальной рубрике «За рубежом».

материалам — фотографиям, карикатурам, шаржам — отводилась второстепенная роль³.

В начале работы необходимо остановиться на вопросе уровня и формата распространения газетной информации среди населения. В 1920-е — 1930-е гг. для подавляющего большинства советских граждан официальные СМИ (преимущественно газеты) являлись основным источником внешнеполитической информации. При этом зачастую газетная информация потреблялась не напрямую, а опосредованно. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в рассматриваемое время еще не все граждане СССР были грамотны [44, р. 55–56]. Во-вторых, даже овладевшие грамотностью не всегда были способны понять смысл газетного текста, особенно касавшегося международных проблем, язык газет был сложен для рядового читателя.

В-третьих, доступность газет была ограниченной. Несмотря на растущие тиражи нельзя сказать, что крупнейшие центральные газеты уже «вошли в каждый дом». Так, в Верх-Нейвинской волости Екатеринбургской губернии подписчики в 1923 г. получали только один экземпляр «Правды», два экземпляра «Известий» и три экземпляра «Бедноты» [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 989. Оп. 1. Д. 16. Л. 106]. В таких условиях заметную роль в деле информирования населения, в том числе о ситуации за границе, играла региональная пресса. В случае с жителями Верх-Нейвинской волости узнавать о событиях за рубежом они могли преимущественно из «Уральского рабочего», который выписывался в количестве 107 экземпляров [Там же].

Внешнеполитическая информация центральных газет распространялась путем перепечатывания в региональных изданиях, в ходе обсуждений на собраниях, лекций по международным отношениям, публичных чтений. Существовал и характерный для ран-

³ С нашей точки зрения визуальные материалы в периодической печати являются особым видом источника и требуют отдельного внимания. Стоит отметить, что проблеме внешнеполитических образов в советской карикатуре 1920-х — 1930-х гг. посвящены многочисленные работы А. В. Голубева [2–8], а также работы М. А. Гулевой, С. Н. Зверевой, М. Е. Ерина, А. де Лазари и др. [9–12, 23].

несоветского времени оригинальный формат живой газеты (постановки по материалам печати), посредством которого среди прочей информации подавались последние новости из-за рубежа⁴. Таким образом, даже при отсутствии прямого доступа к материалам центральных изданий их информация доходила до широкой аудитории. Однако необходимо учитывать, что при многоступенчатой передаче многие «нюансы» и «полутона» политической жизни терялись и мир становился исключительно черно-белым.

Кратко охарактеризуем динамику образа Франции в советской печати. На завершающем этапе Гражданской войны советские издания объявляли Францию одним из главных врагов большевиков. Если с Англией уже в 1921 г. устанавливались экономические связи, Франция стабильно воспринималась как сторонник вторжения в Советскую Россию. В первой половине 1920-х гг. пресса характеризовала Францию как самого упорного противника СССР, центр мирового империализма. Переломным моментом стал 1924 г. В опубликованном докладе Г. В. Чичерина, посвященном установлению дипломатических отношений между СССР и Францией, указывалось, что признание Францией Советского Союза «является завершением целой полосы в истории, в которой французское правительство занимало по отношению Советской Республики гораздо более враждебную позицию, чем другие руководящие государства Европы» [43, с. 1]. Несмотря на произошедшее сближение во второй половине 1920-х гг. образ Франции не претерпел серьезных изменений и сохранил преимущественно негативные черты. Одной из тем, постоянно обсуждаемых в публикациях о Франции и доказывающих антисоветский настрой французской политической элиты, была тема белой эмиграции. Франция была одним из главных центров русской эмиграции в мире. Советская печать постоянно подчеркивала связь эмигрантских организаций с правящими кругами Франции, французским генштабом и полицией.

В начале 1930-х гг. образ Франции в советской печати меняется. Первая половина 1930-х гг. ознаменовалась чередой советско-французских соглашений. В 1932 г. был заключен пакт

⁴ В основном это было рассчитано на сельскую аудиторию [см., к примеру, 34, с. 22–25].

о ненападении, в 1934 г. торговое соглашение, в 1935 г. договор о взаимопомощи. В глобальной перспективе предполагалось оформление многостороннего соглашения, объединяющего кроме Франции и СССР и другие страны Европы. В частности, в рассматриваемое время активно обсуждалось создание Восточного пакта, который так и остался лишь идеей. Публикации о политической жизни Франции стали мягче. Особенно это становилось заметно в период информационных кампаний, посвященных подписанию франко-советских соглашений⁵. Сопутствующей причиной смягчения образа Франции стали антинемецкая и связанная с ней антипольская кампании, на фоне которых Франция уже не выглядела главным врагом СССР.

Ключевое место при показе политической жизни Франции занимало описание партийной борьбы. Советские издания были полны сообщениями о деятельности различных партий. Перед глазами читателей мелькали многочисленные партийные деятели общегосударственного и регионального уровня. Основу партийного спектра составляли консерваторы, радикалы, социалисты, синдикалисты-реформисты и, конечно же, коммунисты.

Параллельно читателей знакомили с весьма широким ассортиментом французских периодических изданий, представляющих разные политические силы. Указание на политическую специализацию газет и журналов должно было сориентировать читателей в безбрежном океане французских СМИ. Эпитеты, даваемые советскими изданиями своим французским коллегам, были весьма экспрессивны. Среди наиболее часто упоминаемых французских изданий были «продажный орган II интернационала» «Попюлер», руководящий орган французской буржуазии «Тан», националистическая «Эко де Пари», левобуржуазная «Суар», реакционная «Либерте» и т. д. Но, несомненно, самым авторитетным французским изданием считался орган ФКП «Юманите». Эта газета рассылалась во все ведущие периодические издания СССР [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 517. Оп. 1. Д. 1742. Л. 105], ее материалы постоянно

⁵ Относительно кампании 1935 г., посвященной подписанию франко-советского договора о взаимопомощи см. [21, 22].

перепечатывались советскими газетами либо использовались при написании собственных статей. Советским читателям указывали, что именно «Юманите» публикует достоверные сведения о жизни во Франции в отличие от других французских изданий, готовых ради прибыли и сенсации на любую дезинформацию.

Несмотря на преимущественно негативные характеристики буржуазной прессы, информация французских изданий постоянно присутствовала в советской прессе. Обзоры зарубежной печати были одним из основных вариантов подачи внешнеполитической информации в это время. Каждый день читатели встречали ссылки на французские издания. Во-первых, материал о ситуации во Франции присутствовал почти в каждом номере «Правды», «Известий» и даже «Огонька». Во-вторых, информация о событиях во многих странах мира строилась на материалах французских газет и журналов. Их информация могла опровергаться, а в нужной ситуации, наоборот, выступала как доказательство правоты советской стороны.

При характеристике партийной системы Франции советская печать постоянно отмечала, что различия в программах и целях партий лишь мнимые. Особенно этот сюжет становился актуальным во время смены кабинета или выборов. В условиях, когда на кону депутатское кресло «партийное знамя, сама партия, партийная программа, партийные традиции, партийная совесть — все это стусевывается, исчезает. Остается одно — желание снова попасть в число избранных доверчивого народа» [14, с. 2]. «Известия» из года в год описывали, как все партии (за исключением, конечно, ФКП) становились хамелеонами. «Радикальная партия забыла о всех своих целях и программах и поплелась как один человек за своим принципиальным противником и политическим врагом — Пуанкаре, единственно потому, что он будет играть решающую роль на предстоящих выборах» [Там же]. Схожая ситуация и с социалистами, готовыми «хотя бы по дешевке продать свои «принципы» за министерские портфели» [16, с. 1].

Регулярно сообщалось о сотрудничестве партий, создании партийных союзов [20, с. 1]. Данный процесс оценивался негативно,

поиск компромиссов между политическими силами воспринимался не как эффективный способ политической деятельности, а как признание слабости своей позиции и предательство своих принципов. Основная мысль публикаций оставалась неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода: при кажущемся разнообразии вариантов у французских граждан нет выбора. Ведясь на предвыборные лозунги, они голосуют за политиков, которые сразу после выборов забывают о данных обещаниях.

Перестановки в правительстве, включая смену премьер-министров, также не влияли на общую картину политической жизни. В июле 1929 г. в условиях, когда Р. Пуанкаре сменил на посту главы правительства А. Бриан, «Известия» разместили тематическую подборку статей. Говоря о политическом развитии Франции после ухода Пуанкаре, газета несколько раз подчеркнула мысль о неизменности внутренней и внешней политики Франции, несмотря на приход «бывшего социалиста» Бриана [17, с. 1]. Использовались отсылки к разным источникам информации, в том числе и к коммунистической «Юманите», и к консервативной «Эко де Пари». Рассуждения о возможных правительственных комбинациях заканчивались констатацией факта: неважно, каким будет правительство — «левым» или «правым», его социальное содержание останется прежним [Там же]. Таким образом, из всего ассортимента политических сил Французской республики только коммунистическая партия представлялась в советской печати в положительном свете, т.е. соответствующей интересам народных масс, способной стабилизировать ситуацию в экономике и строго придерживающейся своей программы т.д.

Образ ФКП конструировался на основе привычных для любой другой зарубежной компартии принципах. Ее члены показывались как активные борцы за права рабочих, бескомпромиссно стоящие на своих позициях. Их деятельность была сопряжена с опасностью, они постоянно находились под пристальным вниманием полиции, подвергались нападениям и т.д. Все это создавало героический образ представителей ФКП.

Отдельной темой в публикациях было стремление французских коммунистов развивать отношения с Советским Союзом, их

восторженная реакция на события, происходящие в СССР. Французские делегации регулярно посещали СССР. Эти поездки освещала и советская печать, и «Юманите». Отличительной особенностью образа ФКП было постоянное упоминание богатого опыта революционной борьбы, характерного именно для Франции. В статьях о деятельности французских коммунистов устойчивым сюжетом были воспоминания о событиях французской революции XVIII в. и особенно Парижской коммуны. День Парижской коммуны являлся одним из важных элементов советского революционного календаря. К этой дате советские издания размещали материалы о героических событиях прошлого и современной деятельности коммунистов Франции.

Политическая жизнь Франции на страницах советской печати была персонифицированной. Значительную часть фотоиллюстраций по теме составляли портреты или групповые снимки политических деятелей. В текстах упоминались члены разных партий, представляющие различные уровни политической жизни. При этом одни лишь мельком показывались читающей аудитории, другие становились олицетворением того или иного события, курса или даже целой эпохи. Рассмотрим наиболее выразительных представителей французской политической среды, отличающихся по форме их презентации в советской прессе.

Основным отрицательным персонажем на политической сцене Франции в 1920-е — первой половине 1930-х гг. выступал Р. Пуанкаре. Он стал в советской печати одним из наиболее устойчивых символов империализма и антисоветизма. Газеты не жалели красок при его характеристике. «Матерый реакционер», сначала он выступал противником признания СССР, потом противником развития советско-французских отношений [30, с. 5]. С его именем прочно связывалась идея похода против Советского Союза и в целом новой войны в Европе. Как активный разжигатель войны Пуанкаре постоянно присутствовал в карикатурах [5, с. 285–286]. «Печатный» Пуанкаре вобрал в себе всевозможные негативные характеристики. В ряде случаев происходила демонизация образа. Так, развивая идею о постоянной жажде крови и стремлении опрокинуть Францию в пучину войны «Известия» сформировали такого

монстра как «Пуанкаре — война»⁶. Причем в текстах этот образ был даже мрачнее, чем в карикатурах.

«Отрицательной силы» образа Пуанкаре хватало, чтобы распространять ее и на других политических деятелей. Пресса активно использовала способ презентации того или иного политика через «значимого иного». Так, в мае 1932 г. неизвестный читателям А. Лебрен показывался как друг Пуанкаре, его кандидат или «умеренный пуанкарист» [33, с. 2; 36, с. 4; 37, с. 1], что сразу создавало негативный образ нового президента Франции.

Столь пристальное внимание печати к личности Р. Пуанкаре не могло не отразиться в общественном сознании. Он регулярно появлялся в речах на собраниях и лекциях по международным вопросам, письмах и т. д. Здесь повторялись газетные установки, и Пуанкаре характеризовался как «кровожадный зверь» [РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 1. Л. 4].

Другим представителем французской политической элиты, постоянно фигурировавшим в советской прессе, был Э. Эррио. Его образ был весьма противоречив. С одной стороны, печать в разные годы говорила о его просоветской позиции. Во время кампании, посвященной подписанию советско-французского пакта в мае 1935 г., его называли выдающимся французским политическим деятелем, «который с французской стороны является автором договора 1932 г. и который с первых же лет существования советской власти активно боролся и борется за дело франко-советского сближения» [41, с. 1], подчеркивалось его содействие успешному завершению франко-советских переговоров весной 1935 г. [39, с. 1; 42, с. 1, др.]. Ранее газеты отмечали и усилия Эррио в деле формирования системы безопасности в Европе [38, с. 3]. Однако образ Эррио как друга СССР нельзя было назвать стабильным. К тому же с Эррио ассоциировались и все кризисы французского правительства, которые приходились на его руководство. В этих условиях Эррио превращался в «прекраснодушного провинциального демократа», нерешительного и неспособного дать отпор финансовому капиталу [35, с. 2].

⁶ Данный образ существовал как в карикатурах Б. Ефимова, так и в текстах. См., к примеру, [18, с. 1].

Неоднозначность газетного образа Эррио находила отражение и в общественно-политической литературе. В частности, в работе Л. М. Волынского указывалось, что дипломатические отношения СССР с Францией были установлены при кабинете Эррио. «Однако это еще не означало действительного поворота в политике Франции по отношению к СССР и не рассеяло атмосферы недоверия, создавшейся в предшествовавшие годы» [1, с. 59]. В глазах советских граждан Э. Эррио не стал положительным героем. Разница между праворадикальным Пуанкаре и мелкобуржуазным Эррио выглядела для читателей незначительной: «Русскому рабочему и русскому крестьянину нужно быть на чеку, и мы с уверенностью говорим, что кто бы ни были у власти Макдональды и Эррио или Керзон и Пуанкаре могила буржуазии роется, а почва для пролетарских революций подготавливается во всем мире»⁷ [ЦДООСО. Ф. 3305. Оп. 1. Д. 1. Л. 142–142об.].

Примером политика, в чьем образе в советской прессе преобладали положительные черты, являлся А. де Монзи. А. де Монзи был давно знаком советским читателям, еще со времени его деятельности во главе русской миссии в начале 1920-х гг. Основой для позитивного образа стала его активная поддержка идеи развития советско-французских отношений. В октябре 1924 г. среди материалов о признании Францией Советского Союза присутствовало интервью с А. де Монзи. В нем признание Францией СССР он назвал историческим шагом [43, с. 2], а свою задачу в деле налаживания отношений СССР и Франции видел в создании «моста через бездну, по которому могла бы переходить жизнь» [Там же]. В дальнейшем советская печать будет регулярно вспоминать о его роли в развитии советско-французских связей. К примеру, в публикации о назначении де Монзи министром финансов в апреле 1925 г. он был обозначен как один из виднейших деятелей буржуазной Франции, приблизивший признание СССР [29, с. 4]. В данном случае пресса напрямую отражала позицию официальных лиц. В частности, по мнению Г. В. Чичерина, именно А. де Монзи больше всех других политиков содействовал признанию СССР [РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 46. Л. 143]. Политическая платформа А. де Монзи, согласно

⁷ Орфография автора.

материалам советской печати разных лет, была расплывчатой. Он характеризовался и как «независимый социалист», и как человек, связанный с крупным капиталом [19, с. 1; 29, с. 4]. Данные определения подавались в материалах в нейтральном тоне. Необходимо отметить, что в массовом сознании фигура А. де Монзи не заняла существенного места, в связи с чем его имя не упоминалось при публичном обсуждении международных вопросов или в письмах.

Ряд французских политиков, выступавших за сближение своей страны с СССР, также одобрительно характеризовались в советской прессе. Относительно заключения франко-советского пакта в мае 1935 г. в «Правде» отмечалось: «широко известна работа, проделанная в этом направлении [заключение пакта] бывшими министрами иностранных дел Поль Бонкуром и особенно покойным Луи Барту» [41, с. 1]. Однако их образы нельзя назвать исключительно положительными. Читатели могли помнить, что ранее эти политические деятели обвинялись в антикоммунистической (а значит и антисоветской) позиции или были замечены в симпатиях к тем странам и силам, которые негативно оценивались Москвой. Так, Луи Барту, будучи министром юстиции, говорил про опасность коммунистической пропаганды в армии и на флоте [15, с. 1]. «Социалист» Поль Бонкур на посту председателя совета Лиги наций удовлетворительно относился к позиции Японии в Маньчжурии, а Советский Союз воспринимал как возможного агрессора [32, с. 8; 36, с. 4]. Следствием двойственности образов было отсутствие этих французских политиков среди друзей СССР в сознании большинства читающей аудитории.

Закономерно, что положительными героями среди политических деятелей Франции были члены ФКП. В рассматриваемое время среди французских коммунистов выделялась личность Андре Марти. А. Марти был одним из самых частых французских гостей в материалах советской прессы, в том числе в качестве автора в «Огоньке», «Правде» и т.д. Личность Марти окружал ореол героя. Читатели знали его как последовательного сторонника Советского Союза, активного деятеля Коминтерна. В 1927 г. он был награжден орденом Красной Звезды, его именем был назван судостроительный завод в Николаеве [13, с. 1, 3; 31, с. 1].

При показе А. Марти использовался образ мученика. Регулярно в публикациях говорилось о чинимых правительством, полицией и представителями различных партий препятствиях в отношении Марти. Так, о провале А. Марти на выборах весной 1935 г. «Правда» писала: «Радикалы и социал-фашисты, не один десяток раз избалованные тов. Марти с трибуны палаты депутатов в реакционных и антисоветских махинациях, поклялись не допустить избрания в парламент героя черноморского восстания. Они объединились на кандидатуре социал-фашиста Бартелими, великолепно учитывая, что тов. Марти, потеряв парламентский мандат, должен будет отсидеть числящийся за ним многолетний тюремный приговор за выступления против войны и интервенции» [40, с. 1].

Аресты А. Марти вызывали кампании поддержки. Создаваемый в прессе образ транслировалось и население. К примеру, в письмах А. Марти представал решительным борцом против империализма и назывался «французским Матюшенко французского Потемкина» [РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 218. Л. 27], что было прямой отсылкой к растиражированной истории об участии А. Марти в восстании на Черном море в годы французской интервенции в России.

Подводя итог, стоит отметить, что при конструировании политической среды Франции межвоенного периода на страницах советской печати создание негативных образов шло успешнее, чем создание образов «друзей СССР». Ежедневно читатели узнавали новые и новые факты из французской политической жизни, пусть даже в форме коротких информационных сообщений. Действия правых, центристов, социалистов характеризовались весьма экспрессивно. При такой подаче сами факты отходили на второй план, их перекрывали оценочные суждения. Читателей постоянно информировали о деятельности французских коммунистов. Однако значительная часть статей представляла собой сообщения о подготовке ФКП к выборам разного уровня, результатах выборов и т.д. Подобные публикации часто шли без развернутых комментариев и выразительных описаний. Закономерно, что в карикатурах, которые создавали запоминающиеся внешнеполитические образы, представители ФКП отсутствовали. Создавать образ друга с помощью подобного инструмента было гораздо сложнее, чем образ

врага. В итоге положительный образ французских коммунистов был скромнее, чем образ их оппонентов. В данном случае не помогала даже героизация деятелей коммунистического движения во Франции. В общественном сознании укоренялись наиболее яркие образы. Именно поэтому печатные образы оппонентов СССР среди французских политиков чаще встречались в публичных высказываниях, чем образы французских коммунистов.

Список литературы

1. Волынский Л. М. Франция. Л.: Лениздат, 1938. 70 с.
2. Голубев А. В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 280 с.
3. Голубев А. В. «Часовой, вооружённый карандашом». Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922–1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке. Т. 2. Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М., 2010. С. 85–105
4. Голубев А. В. Италия в советской политической карикатуре межвоенного периода // «Друг — зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи X — XX вв. М., 2013. С. 304–322.
5. Голубев А. В. Образ Европы в советской карикатуре 20-х — 30-х гг. // Труды института российской истории РАН. 2005. № 5. С. 273–299.
6. Голубев А. В. Образ Польши в советской карикатуре в 1922–1939 гг. (по материалам журнала «Крокодил») // Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe. 2014. Т. 2. С. 197–205. URL: Sztuka_Europy_Wschodniej_B_Art_of_Eastern_Europe-2014-t2-s197-205.pdf (muzhp.pl)
7. Голубев А. В. Советская политическая карикатура 1920–1930-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 80–102.
8. Голубев А. В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // Россия и мир. 2008. № 1. С. 170–187.
9. Гулева М. А. «Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. № 2. С. 706–729.
10. Гулева М. А. Советская дипломатия и китайско-японский конфликт в изображении «Крокодила» и Шидай маньхуа (1931–1937 гг.) // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 900–932.
11. Ерин М. Е. Образы лидеров Третьего рейха в советской политической карикатуре 1930–1940-х годов. Учебное пособие. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2009. 84 с.
12. Зверева С. Н. Советская внешнеполитическая карикатура 1930-х годов: Опыт источниковедческого исследования // Источниковедческие исследования. Вып. 1. М., 2004. С. 193–218.
13. Известия. 1927. 13 нояб.
14. Известия. 1928. 6 марта.
15. Известия. 1929. 17 фев.
16. Известия. 1929. 29 июня.
17. Известия. 1929. 31 июля.
18. Известия. 1930. 18 нояб.
19. Известия. 1931. 29 марта.
20. Известия. 1932. 25 мая.
21. Каменская Е. В. Региональная печать во внешнеполитических информационных кампаниях 1930-х гг.: пример советско-французского пакта 1935 г. // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993): материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции; Ижевск, 13 апреля 2021 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2021. С. 284–292.
22. Каменская Е. В. Советско-французский пакт 1935 г. в контексте международных отношений середины 1930-х гг. (по материалам советской печати) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2021. № 21. С. 105–121.
23. Лазари де А. Поляки и русские глазами друг друга // Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasia Cultural Context / ed. by Tetsuo Mochizuki. Sapporo: Hokkaido University, 2008. P. 111–129.
24. Литературная газета. 1931. 19 марта.
25. Литературная газета. 1932. 17 дек.
26. Литературная газета. 1932. 23 дек.
27. Литературная газета. 1934. 16 янв.
28. Литературная газета. 1934. 20 янв.
29. Огонек. 1925. № 17.
30. Огонек, 1926. № 36.
31. Огонек. 1930. № 28.
32. Огонек. 1932. № 5.
33. Огонек, 1932. № 15.

34. Персонов И. Живая газета в деревне. М., Л.: Долой неграмотность, 1927.
35. Правда. 1926. 3 окт.
36. Правда. 1932. 11 мая.
37. Правда. 1932. 14 мая.
38. Правда. 1932. 30 нояб.
39. Правда. 1935. 8 мая.
40. Правда. 1935. 10 мая.
41. Правда. 1935. 13 мая.
42. Правда. 1935. 14 мая.
43. Уральский рабочий. 1924. 30 окт.
44. Brooks J. The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935 // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Vol. 3. Milan: Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 43–81.

Ekaterina V. Kamenskaya

Ural Federal University, Ekaterinburg

THE POLITICAL ENVIRONMENT OF FRANCE IN THE SOVIET PRESS (1924–1935)

The article is devoted to the analysis of the French political environment in the Soviet press in the 1920s – the first half of the 1930s. The author considers the representation of the French party system, the struggle of the main political forces. The options of the presentation of French political figures are considered, depending on the political platform and attitude to the USSR (R. Poincare, E. Herriot, A. Marti, etc.). The perception of newspapers images by the Soviet population is examined. The main sources of the research were the central socio-political newspapers “Pravda” and “Izvestia”, as well as the magazine “Ogonyok”.

Keywords: USSR, France, Soviet-French relations, Soviet press, R. Poincare, E. Herriot, A. Marti.

Л. А. Бударина

РЕЗНОЙ КАМЕНЬ В РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ ЯВЛЕНИЯ В ДВУХ КАРТАХ

Статья посвящена двум взаимосвязанным произведениям русских камнерезов, отмечающим существенные этапы в истории франко-русских и франко-советских отношений. Первое из них — карта Франции — было создано мастерами императорской Екатеринбургской гранильной фабрики в 1898–1900-х гг. и подарено Франции на открытии Всемирной выставки 1900 г. Выполненная на подъеме дружественных настроений, карта стала кульминацией потока каменных даров, отправленных на протяжении второй половины 1880-х — 1890-х во Францию. Выбор формы подарка, как и пристальное внимание монаршей семьи к его исполнению свидетельствовали об особой роли драгоценного дара. Новый виток взаимодействий, связанных с цветным камнем, пришелся на вторую половину 1930-х гг. и был связан с очередной Всемирной выставкой, прошедшей в Париже в 1937 г. Представленная на ней масштабная карта Индустриализации СССР (работа предприятия «Русские самоцветы») стала своего рода ответом подарку императора: скорость исполнения, размеры, количество использованных драгоценных материалов — все призвано было продемонстрировать эффективность советского государства. Обе карты были исполнены в качестве репрезентации состояния связей двух государств и имели не только художественное или историческое, но еще и политическое значение. Анализ особенностей политического заявления, выраженного в каждом из произведений, а также своеобразный диалог между ними резюмируют статью.

Ключевые слова: карта Франции; карта Индустриализации СССР; камнерезное искусство; императорская Екатеринбургская гранильная фабрика; Свердловский завод «Русские самоцветы».

Дипломатические отношения Российской империи и Франции на протяжении XIX столетия переживали и периоды острой конфронтации, и времена мирного сотрудничества. Многие важные события взаимоотношения двух стран были отмечены произведениями русских камнерезов. Такие предметы не раз становились официальными дарами правителям или личной благодарностью выдающимся деятелям культуры, науки и бизнеса.

Хорошо известен пример малахитовых предметов, поднесенных Александром I французскому императору Наполеону I по случаю подписания Тильзитского договора [1, с. 17–19] в 1808 г. Затянувшийся период напряженности в отношениях Парижа и Санкт-Петербурга завершился в 1880–х гг., что было ознаменовано в начале следующего десятилетия целым рядом ярких событий. Каждое из них стало поводом для новых каменных подарков: обменные визиты русских и французских моряков в 1891–1893 гг. были отмечены роскошной вазой, направленной в Париж [1, с. 33–34]. В качестве благодарности за поднесенное французским ювелиром императрице Марии Федоровне во время посещения Французской выставки в Москве в 1891 году пасхальное яйцо с бриллиантовой брошью через года в Париж был отправлен резной чернильный прибор [1, с. 29–31]. Любопытна также история малахитовой вазы, выполненной в московском отделении фирмы Фаберже по заказу городской Думы и отправленной в качестве ответного дара в Лион [2].

Восшествие на престол нового русского императора лишь укрепило принятый ранее курс на сближение двух держав. Так, уже первые его годы ознаменовались обменными визитами глав государств, к каждому из которых были приурочены торжественные закладки новых мостов в столицах: через Сену в Париже (1896, мост Александра III) и через Неву в Санкт-Петербурге (1897, Троицкий мост).

В этой атмосфере активно демонстрируемых всему миру дружеских настроений началась подготовка к участию России в очередной Всемирной выставке 1900 г., местом проведения которой был выбран Париж.

К этому времени сложилась полувековая традиция участия в выставках такого уровня старейших камнерезных предприятий России, находившихся под управлением императорского Кабинета. Привычным был и лишь незначительно менявшийся набор экспонатов: вазы и канделябры из каменных монолитов, мозаичные столешницы и мебельные вставки, принадлежности для туалетного и письменного столов. Именно таков был состав экспонатов, представленных императорскими камнерезами, на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. [4].

Однако подготовка к новому смотру вдохновила на поиск новых, ранее не создававшихся форм, что совпало с высказанным желанием продемонстрировать уникальный предмет. Так было положено создание не имеющей аналогов наборной Карты Франции [подробно история этого предмета изложена в: 12].

В мемуарах (написанных через 19 лет после завершения работы над картой, отделенных от времени ее создания Мирровой войной и революцией) В.В. Мостовеко, директор Екатеринбургской гранильной фабрики в 1885–1911 годах, пишет, что летом 1897 г. на вопрос об экспонатах фабрики для выставки, он ответил управляющему Кабинетом что, поскольку «вазы и все подобные изделия уже набили оскомину», предлагается к парижской выставке 1900 г. «сделать из разных камней карту». Можно предположить, что эта идея стала результатом знакомства, во время поездки 1878 г. в Париж, с демонстрировавшийся в то время в Лувре столешницей с мозаичной картой Европы. Это произведение было создано для Людовика XIV в королевской мастерской в 1684 году.

Решение о создании на Екатеринбургской гранильной фабрике карты Франции было зафиксировано в конце августа 1897 г., к концу этого года из Петербурга прислали экземпляры карт для разработки цветовой гаммы и подбора материалов.

Работы с камнем начались в 1898 г., первоначально к распиловке фанеры из разных пород камня привлекались от 11 до 43 человек ежемесячно [Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 575, 576]. С началом тонкой подгонки количество мастеров сократилось до 5–6. Итогом их работы стало необыкновенное мозаичное полотно, набранное на мраморной доске с эффектом рельефного выделения суши и границ департаментов. Большая часть составляющих территорию Франции деталей (85%) выполнена из разнообразных уральских яшм, дополненных агатом, письменным гранитом, кахолонгом, шайтанским переливтом, родонитом, таганайским авантюрином, нефритом, льдистым кварцем, серым гранитом и молочным кварцем.

Сопредельные государства обозначены пластинами серозеленой калканской яшмы, подобранных в разных оттенках. О том, что это произведение имело не только художественное значение,

красноречиво свидетельствует следующее обстоятельство: при изображении германской территории (вероятно, с ведома Кабинета) была допущена комплиментарная по отношению к Франции «ошибка»: образованная из аннексированных Германией в 1871 г. французских департаментов «Имперская земля Эльзас-Лотарингия» была выполнена из пластины чуть иного тона и отделена от остальной территории Германии фасками. Таким образом, несмотря на наличие на ней букв A и G, входящих в состав слова «ALLEMAGNE» (Германия), они как бы занимали промежуточное положение. Впрочем, эта полумера вызвала лишь нарекания как со стороны французов (упрекавших за то, что департаменты не обозначены как французские), так и со стороны немецких гостей выставки (считавших подобное выделение неправомерным).

Драгоценное убранство карты, состоящее из нескольких десятков золотых надписей разного размера (названия городов, рек, стран, морей, океанов, проливов), 105 ограненных и оправленных в золото самоцветов, отмечающих города (12 из них являются уникальными минералогическими образцами), а также несколько метров платиновых рек (материал для которых предоставила сама фабрика) было выполнено на одном из крупнейших частных предприятий Екатеринбурга. Ювелирная мастерская Василия Ивановича Липина была широко известна как разнообразием ассортимента, так и качеством и широтой выбора уральских самоцветов [5].

Рама карты вырезана из николаевской (шалимовской) серой с рисунком яшмы. Соединение багетов на углах перекрывали четыре серебряных листа, ныне утраченных. Таким образом, все работы над каменной картой уложились в срок со 2 января 1898 г. до 18 февраля 1900 г., когда произведение было отправлено в Петербург. Здесь к нему присоединилась монументальная дубовая витрина, специально заказанная известному московскому фабриканту мебели П. А. Шмиту.

Ко времени доставки экспоната в Париж, решение о ее поднесении в дар Французской Республике уже было принято, поэтому место для вручения карты было выбрано с учетом символического значения этого жеста. Несмотря на отведенное для демонстрации

предмета место в Русском отделе в *Palais des industries diverses*, где экспонировали свои работы создатели предметов роскоши со всей Европы, первоначально карту установили на импровизированном мольберте, окруженном шкурами белых медведей в центральном зале Сибирского (Русской Азии) павильона. Это масштабное сооружение, воспроизводившее архитектурные мотивы русских кремлей, занимало самую большую площадь среди других национальных павильонов. Здесь 18 апреля 1900 г. состоялась торжественная передача карты, в ходе которой президент Французской Республики, г-н Эмиль Лубе отметил, что «этот подарок является новой демонстрацией связей, которые объединяют две страны» и добавил, что после того, как карта будет выставлена перед восхищенными взорами посетителей выставки, она будет помещена в Лувр. В тот же день карта была перенесена в предназначавшуюся ей витрину во дворце на эспланаде Инвалидов.

Во Франции подарок российского императора вызвал живой отклик: восхищала как сама карта, так и ее стоимость. Подготовка полученного произведения к публичной демонстрации в стенах музея потребовала несколько месяцев. Только в апреле 1901 г. в газете «Искусство для всех» была помещена информация о том, что «теперь можно видеть в музее Лувр карту Франции из драгоценных камней, подаренную нашей стране российским правительством... Она помещена под стекло на массивной подставке из резного дуба, в центре зала, где доминирует портрет Людовика XIII». Таким образом, витрина была доработана: с целью обеспечить сохранность разрекламированным драгоценным камням городов и платиновым рекам вокруг яшмовой рамы была врезана стальная со стеклянной створкой. Любопытно, что местом экспонирования карты вероятнее всего стала Галерея Аполлона, где в это время находился упомянутый ранее стол с мозаичной картой, а также целый ряд других камнерезных шедевров европейских мастеров.

Несмотря на техническое совершенство исполнения и драгоценный материал, карта не соответствовала концепции Лувра, сложившейся в первой трети XX в., прежде всего — хронологическим рамкам собрания. Вероятно, на волне реорганизации музейной сети Лувра, во второй четверти XX в. включившей в себя с приданием

им статуса отделов некоторые близлежащие замки, екатеринбургская карта Франции переместилась в замок Компьень, где она была внесена в инвентарь в 1939 г. Выбор нового места для ее экспонирования также не был случайным: помимо хронологического соответствия (Компьень виделся создателям музейной сети местом для демонстрации памятников эпохи Наполеона III и второй половины XIX в.), очевиден и «русский след» — на несколько сентябрьских дней 1901 г. этот замок стал резиденцией российской императорской четы, Николая II и Александры Федоровны.

Цепь событий, важным звеном которых стало заключение военного союза России и Франции, привела к одному из самых масштабных вооруженных конфликтов и падению российской монархии. Революционные события и гражданская война нанесли большой урон камнерезному делу: Екатеринбургскую фабрику готовили к распродаже имущества, мастера переквалифицировались либо покидали страну.

Однако уже с начала 1920-х гг. возрождается интерес к работе камнерезов и огранщиков как поставщиков экспортного сырья и подарков значимым персонам как внутри, так и за пределами страны. Возрождается включенный в 1922 г. в состав национального треста «Русские самоцветы» Свердловский завод — прямой преемник императорской гранильной фабрики (оттого регулярно именовавшийся в разных изданиях «Свердловской гранильной фабрикой»). Растет число артелей, появляется горочная и коллекционная мастерская при музее Уральского Общества Любителей Естественного (УОЛЕ). Восстанавливается и опыт участия уральских камнерезов в крупных смотрах, среди которых Первая сельскохозяйственная выставка в Москве (1923, предтеча ВДНХ) и парижская Международная выставка декоративного искусства и современной промышленности (1925) [подробнее см.: 3].

Произошедшее в 1930-х гг. изменение идеологической программы с усилением русоцентризма, обращением к истории как пропагандистскому ресурсу [11] особенно ярко оформилось в эстетической программе подготовки к 20-й годовщине Октябрьской революции. Соревнование с достижениями прошлого выразилось в инициации и реализации самых фантазмагоричных

проектов. В реализацию нескольких были вовлечены уральские камнерезы.

Так, одним из ярких проявлений борьбы с прошлым стала замена орлов на башнях Московского Кремля на пятиконечные звезды, особенностью которой стала чрезвычайная скорость разработки и реализации проекта: принятое в августе 1935 г. решение надлежало реализовать к 7 ноября того же года. Латунные звезды должны были украшать ограненные самоцветы, заказ на их изготовление свердловская фабрика выполнила в рекордные сроки: более 1000 крупных камней (вес после огранки достигал 100 граммов) за три недели. Это сверкающее великолепие заменило на башнях обветшавшие символы прежнего режима. Правда, расчеты на яркий блеск не оправдались: разного рода загрязнения привели звезды в негодность, и уже спустя два года их заменили на привычные нам конструкции из рубинового стекла.

С неменьшим размахом в ноябре 1935 г. был задуман еще один «ответ» прошлому. Как сообщала газета «Уральский рабочий» [7], на Свердловскую гранильную фабрику поступил запрос от комитета по организации выставки «Индустрия социализма» (запланированной к празднованию 20-летия Октября в ноябре 1937 г.) о высылке подробных материалов, относящихся к истории «знаменитой карты Франции». Этот запрос призван был помочь в точном определении срока, необходимого для изготовления задуманной к выставке карты тяжелой промышленности Советского Союза, а также выбора материалов. Одним из информаторов стал участвовавший в создании карты Франции и продолжавший работать на фабрике Татауров. На основании предоставленных сведений специалисты пришли к заключению, что новая карта может быть исполнена к открытию выставки — менее чем за два года. Вероятно, иного ответа в существовавшей в то время ситуации и не могло быть.

Следующие месяцы были посвящены решению технических и организационных задач, и лишь весной 1936 г., когда оставалось лишь около полутора лет до предполагаемого открытия выставки, к работе приступили камнерезы. Примерно в это же время было принято еще одно решение: СССР получает и принимает приглашение к участию в Международной выставке «Искусства и техника

в современном мире», которая должна была открыться в Париже 25 мая 1937 г. Карту было решено представить публике на этой выставке: здесь, рядом с «имперской» картой 1900 г., возможности «свободного труда советского человека» не могли не произвести особенно сильное впечатление.

Таким образом, у мастеров оставался всего год на создание невероятного масштаба мозаичного набора: на площади в 26 м² предстояло передать физический рельеф территории СССР, на фоне которого расположить названия городов и особыми обозначениями показать предприятия разных отраслей советской промышленности.

Неудивительно, что такая задача потребовала полной мобилизации мощностей треста «Русские самоцветы». На головное ленинградское предприятие из Свердловска были отправлены 20 лучших мастеров, среди которых — братья Николай и Георгий Татауровы, Александр Подкорытов, Александр Семенов, принимавшие участие в создании карты Франции в 1900 г. [10, с. 6–7.]. Объемы привлеченных рабочих и выполненного ими задания в памятке для экскурсоводов павильона на выставке звучали следующим образом: «250 ювелиров, камнерезов, географов и инженеров участвовали в ее создании. Она состоит из 100 000 кусочков мозаики и оформлена 8000 драгоценных и полудрагоценных камней» [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9499. Оп. 1. Д. 4. Л. 49]. Спустя два года, в описании открывшейся в Москве выставки «Индустрия социализма», приводятся уже другие сведения: в сооружении карты участвовало 667 человек, мозаика и ювелирные работы выполнены на предприятиях треста «Русские самоцветы» (Ленинградском заводе по обработке камней самоцветов, Петергофском заводе точных технических камней, Свердловской гранильной фабрике) [6, с. 14].

О продвижении работ над картой своих читателей регулярно информировала газета «Уральский рабочий», что неудивительно — Свердловская фабрика принимала деятельное участие в работе над проектом. Не только отправленные в Ленинград мастера, но и весь коллектив предприятия продолжал усиленно работать: к карте 1937 г. надлежало поставить 3685 ограненных камней для

обозначения разных объектов промышленности (альмандинов, топазов, аметистов, горного хрусталя, аквамарин, разной формы рубинов) [9].

К открытию Советского павильона 25 мая 1937 г. карта была смонтирована в первом зале, посвященном конституции СССР. Не только огромная, напоминающая о существенно более скромных размерах императорского подарка, карта индустриализации и масштабные полотна Ю. Пименова напоминали о предыдущих участках страны в выставках. Знаком имперской преемственности была стела из красного порфира (описанная как «obelisk» во французском комментарии к павильону [ГАРФ. Ф. 9499. Оп. 1. Д. 4. Л. 48]) с высеченным на ней текстом конституции.

Не обошлось без курьезов: в отчетах о работе павильона было отмечено, что присутствие в зале трактора ЧТЗ и автомобиля ЗИМ 101 приводило к тому, что «зритель, пройдя весь павильон, спрашивает у стендистов 5-го зала, где карта самоцветов (которая находится в первом зале)» [ГАРФ. Ф. 9499. Оп. 1. Д. 4. Л. 6]. Впрочем, из отчета в отчет подчеркивается интерес публики к карте.

Свидетельством этого внимания является и достаточно подробное описание карты в Официальном отчете выставки. Его составитель, генеральный комиссар Эдмон Лаббе отмечал, что «гигантская карта СССР более 20 квадратных метров, составленная исключительно из драгоценных и полудрагоценных камней, позволяла посетителям легко представить себе географическую и экономическую структуру Союза, и являлась, несомненно, благодаря своей оригинальности, художественным качествам и богатству использованных материалов, одним из «гвоздей» павильона, если не всей выставки» [14, р. 146].

По итогам выставки карта была отмечена Гран-при (как работа трех предприятий-экспонентов, входящих в трест «Русские самоцветы»), руководители проекта были награждены Почетными дипломами и Золотыми медалями выставки [13, р. 67–69]. Мастера, принимавшие участие в создании карты, получили Памятные дипломы.

В ожидании завершения строительства Дворца Советов, в холле которого планировали разместить это произведение

русских камнерезов и ювелиров, карта отправилась в следующее путешествие — на Всемирную выставку в Нью-Йорке летом 1939 г. С этого же времени начались модификации карты: для того, чтобы нанести на нее путь дрейфующей Полярной станции, мозаичное полотно надставили, а изменение внешнеполитической ситуации заставило убрать с карты часть стратегически важных объектов.

После Великой Отечественной войны карта (во вновь обновленном виде с изменившимися границами и числом союзных республик) демонстрировалась в Георгиевском зале Государственного Эрмитажа. В 1987 г. она была передана в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный музей имени академика Ф. Н. Чернышева (Санкт-Петербург), сотрудники которого проделали масштабную работу по изучению истории этого выдающегося произведения [8]. В 2008–2013 гг. силами «Царскосельской янтарной мастерской» была выполнена масштабная реставрация памятника, во время которой рассыпающаяся мозаика была перенесена на мраморное основание, а вся сохранившаяся нагрузка была возвращена на свои места.

История создания и экспонирования двух нетипичных произведений русских камнерезов не имеет аналогов: обе карты были созданы в качестве политических заявлений, облеченных в неожиданную визуальную форму и предназначенных использовать масштабные трибуны Всемирных выставок. Сам выбор формы карты для каменной мозаики открывал широкие возможности для прокламации, будь то поддержка Франции перед лицом мощного соседа (вспомним про обособленные Эльзас и Лотарингию) или поражающая воображение своим масштабом декларация превосходства социализма. Важным аспектом представляется и своеобразный «диалог с предшественником», особенно явный в случае карт 1900 и 1937 гг. Призванные восхищать мастерством художественной работы и роскошью использованных материалов, эти памятники внесли свою лепту в формирование образа представившей их страны в умах максимально широкой публики.

Список литературы

1. Будрина Л. А. Малахитовая дипломатия. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 208 с.
2. Будрина Л. А. Малахитовая ваза работы московского отделения фирмы К. Фаберже: случай, история, вкус // Атрибуция предмета: интуиция, опыт, документ: сборник научных статей XXVII царскосельской конференции / Государственный музей-заповедник «Царское Село». СПб.: Русская коллекция, 2021. С. 118–125.
3. Будрина Л. А. Наследники Школы: академические традиции в творчестве уральских камнерезов 1920–1930-х годов // Третьи казанские искусствоведческие чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. Конференции. К 110-летию со дня рождения С. С. Ахуна. Казань, 11–13 декабря 2013 г. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. С. 71–76, 189–190.
4. Будрина Л. А. Резной камень Русского отдела Колумбовой выставки 1893 г.: реконструкция коллекции // Уральский исторический вестник № 2 (71), 2021. С. 17–24.
5. Будрина Л. А. Ювелирная мастерская В. И. Липина в Екатеринбурге: забытое наследие уральских ювелиров // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 106–118.
6. Всесоюзная художественная выставка «Индустрия социализма». Каталог выставки. Москва, Ленинград: Государственное издательство «Искусство», 1939. 135 с.
7. Карта из уральских самоцветов. // Уральский рабочий. 1935. 11 ноября. С. 2.
8. Мозаичное панно «Индустрия социализма». URL: http://vsegei.com/gu/about/museum/museum-show/mosaic_map/index.php (дата обращения: 14.11.2021)
9. Работа над «Картой индустриализации» // Уральский рабочий. 1937. 18 февраля. С. 1.
10. Ратушный П. Счастливые камни. Рассказы гранильщиков и камнерезов. Челябинск: Челябинское областное издательство, 1937. 208 с.
11. Тихонов В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112. URL: <http://gefter.ru/archive/21275> (дата обращения: 12.11.2021)
12. Budrina L. Un précieux cadeau de la Russie. La carte de France de la collection du château de Compiègne // La revue des musées de France. 2018. № 1. 2018. P. 62–71.

13. Liste des récompenses décernées par le jury international. Ministère du commerce, Exposition internationale de Paris, 1937, arts et techniques dans la vie moderne. Paris: Impr. des Journaux officiels, 1939. 180 p.
14. Ministère du commerce et de l'industrie. Exposition internationale des arts et techniques dans la vie moderne. Rapport général présenté par M. Edmond Labbé. T. 10. Les Sections étrangères. Paris: Imprimerie nationale, 1940. 240 p.

Budrina Ludmila,

PhD Art History, UrFU, associate professor of chair of History of Art and Museology, Ekaterinburg

CURBED STONE IN THE FRANCO-RUSSIAN RELATIONSHIPS: THE HISTORY IN TWO MAPS

Two related pieces, produced by Russian stone curving artists, marks the important stages in the Franco-Russian and Franco-Soviet relationships. First, the map of France, was created by the artisans of the imperial Ekaterinburg lapidary factory in 1898–1900. It became the gift to French Republic, presented in the opening ceremony of the Paris World Exhibition of 1900. Realized on the period of intensive friendship between two countries, the map was an apotheose of the large wave of the stone's gift send to France in the second half of 1880s-1890s. the choice of the form of gift, and the particular attention of the imperial family to the execution, proved the importance of this precious gift. New stage of relationship, related to the pietra dura, date the second half of 1930s and related to the next World Exhibition in Paris in 1937. One of the most attractive exhibits of the USSR pavilion was a map of Industrialization (executed by the factories of the newly established trust "Russian gems" (Russkie samotcvety). This piece was invented as a sort of the rival to the map of France, the imperial gift. The speed of execution, the size, the number of precious materials used — everything was intended to fulfill the effectiveness of the Soviet state. Two map was realized as the representation of the richness and artistic capacity of Russia and URSS, and had not only artistic pr historical, but also political significance. An analysis of the specificities of the political statement expressed in each of the works, as well as a kind of dialogue between them, summarize the article.

Keywords: map of France, map of Industrialization of URSS, stone curving art (pietra dura), imperial Ekaterinburg lapidary factory, Sverdlovsk lapidary factory "Russian gems (Russkie samotcvety) "

Франция — Россия: механизмы взаимодействия/противодействия

М. Паоли, О. О. Попова

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В КАЗАНИ И САМАРЕ И ВОЛЖСКИЙ ФРОНТ (ЛЕТО 1918 г.)¹

В статье на основе архивных материалов рассматривается деятельность французских граждан — капитана Жозефа Борда, «избранного» вице-консула в Самаре Люсьена Жанно и некоторых других — в волжском регионе в период правления Комуча. Эти французы, в том числе составившие полуофициальную «французскую военную миссию в Казани и Самаре», как показывается в статье, имели влияние на ряд событий 1918 г. в Поволжье: деятельность антибольшевистских организаций в Самаре весной 1918 г., решение о задержке чехословацких частей в этом городе, решение о наступлении Народной армии Комуча на Казань, формирование отрядов из военнопленных «дружественных» наций в Самаре. Высказывается предположение, что в последовавшие десятилетия французские военные историки могли намеренно представить деятельность участников миссии как незначительную и даже получившую осуждение во Франции, тогда как в действительности некоторые из них были награждены, и ни один не получил порицания.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Комуч; французская военная миссия; чехословацкий армейский корпус; Восточный фронт гражданской войны в России; иностранная интервенция.

Чехи и словаки составляли примерно 16% солдат австро-венгерской армии, и нередко были враждебно настроены по отношению к двуединой монархии. В первые дни войны в России была

¹ Настоящее исследование продолжает нашу статью о нерегулярном итальянском батальоне, созданном в Самаре в августе 1918 года [21], — статью, в которой уже говорилось о Жозефе Борде и Люсьене Жанно. Выражаем благодарность Алексею Малявину — за его ценный блог об истории Самары.

создана Чешская дружина; после февральской революции ее численность значительно увеличилась и насчитывала более 50 тысяч солдат, которые перешли под французское командование 4 декабря 1917 г., в момент подписания большевиками перемирия. Эти чехи и словаки были «предателями», которых ожидала виселица в Австро-Венгрии (многие действительно были повешены), вот почему они были недружественно настроены к большевикам, заключившим мир с Центральными державами [17, р. 291; 11, р. 74, 115; 23, р. 31; 13, р. 192].

История перемещений чехословацкого корпуса и его эшелонов в начале 1918 г. весьма хаотична. Немцы желали его расформирования, но требовали прежде всего, чтобы эти поезда были предоставлены для транспортировки военнопленных Центральных держав. Большевики хотели разделить офицеров и солдат, потому что рассчитывали легко склонить последних к идеям революции. Белые намеревались использовать эту силу одновременно против немцев и против красных (генерал Алексеев высказывает эту идею в ноябре 1917 г.). Наконец, союзники желали отправить чехословаков на Западный фронт. Согласно одному из предложений, чехословацкий корпус должен был прибыть во Владивосток, транспортироваться японцами в Аден, где британцы обеспечили бы его дальнейшее перемещение. Но японцы не были склонны участвовать в этом. Тогда возникает идея отправить эшелоны в Архангельск и Мурманск, — но британцы поняли, что не имеют достаточно транспортных судов для перемещения такого количества солдат. А главное, военное министерство Великобритании (*War office*) начинает думать, что они будут более полезны в России; на набережной Орсэ — в Министерстве иностранных дел Франции — приходят к такому же выводу. В большевистском лагере появляются новые проблемы: последовательно, большевики соглашались пропустить эшелоны, испытывают давление немцев, хотят разоружить солдат, изменить маршрут их передвижения. И так в течение долгих недель чехословаки, распределенные по многочисленным эшелонам, и убежденные, что едут во Францию, — на самом деле направляются то в сторону портов Севера России, то в сторону Владивостока [16; 17, р. 224, 248, 293; 11, р. 116; 13, р. 194].

Взрывает ли ситуацию перепалка между венгерскими военнопленными и чешскими легионерами — челябинский эпизод 14 мая? Или мятеж начинается около десяти дней спустя, когда, в ответ на телеграмму Троцкого, приказывающего разоружить чехословаков, хотя бы и силой, последние берут под контроль транссибирскую магистраль на протяжении многих тысяч километров? Удивляет внезапность мятежа: за несколько дней чехословацкий корпус становится главной проблемой для большевиков. Был ли мятеж подготовлен? Историк Джон Брэдли настаивает на недоразумении — но его позицию сложно разделить [14, р. 79]. У чехословаков были конкретные причины недолюбливать большевиков. Многие из них могли симпатизировать революции, но им не стоило больших усилий понять, что большевистская власть не способствовала достижению их собственных целей.

Если мы не хотим солидаризироваться с точкой зрения Д. Брэдли, остается два варианта причин эскалации конфликта: 1) объективные проблемы, достаточно существенные для того, чтобы вызвать спонтанный бунт, распространяющийся со скоростью лесного пожара, или 2) спланированное выступление, которому нужен был только предлог. Если все было подготовлено, то кем? Чешским командованием? В согласии с белыми? Или с белыми и союзниками? Для советских историков, а также для чехословаков-коммунистов причастность «империалистов» была очевидной, однако главным недостатком их гипотез было отсутствие подтверждающих документов. Было легко упрекнуть их в этом. Долгое время западные историки ограничивались констатацией этой проблемы. В середине 1960-х гг. Жан Дельмас в своей докторской диссертации, написанной примерно в то же время, что и диссертация Джона Брэдли, стремился показать, что французская военная миссия не имела к этому никакого отношения. Исторические исследования последних десятилетий уже не столь однозначны. И хотя никаких прямых доказательств участия французской миссии найдено не было, нельзя не отметить, что отдельные свидетельства все же накапливаются. Мы не представим здесь документ, подтверждающий, что приказ о выступлении чехословацкого корпуса был отдан в Лондоне

или Париже, но мы предоставим некоторые важные свидетельства [16, р. 350–351; 15, р. 200; 18, р. 65].

Жан Дельмас признавал, что восстание было «слишком слаженным», чтобы считать его неподготовленным. По его мнению, ответственным за него был Радола Гайда. Историки-коммунисты, в свою очередь, некоторое время пытались обвинить Масарика, чтобы очернить его; но последний, напротив, был сторонником сотрудничества с большевиками — до такой степени, что вызывал подозрения в окружении Клемансо. Правда, чешский лидер встречался с Борисом Савинковым и помогал ему. При этом Савинков впоследствии писал в своей книге «Борьба с большевиками» (1920) о существовании обширного и согласованного плана по свержению большевиков: в июне 1918 г. союзники должны были высадиться в портах Севера; восстания под руководством эсеров должны были произойти в Рыбинске и Ярославле; чехословаки должны были выступить на Казань и обеспечить соединение сил. Затем, после убийства Ленина и Троцкого, достаточно было захватить Москву. Был ли это план, или только фантазия Савинкова? Сам он не приводит доказательств [15, р. 196; 16, р. 353; 17, р. 305; 19, р. 123].

Рапорты капитана Борда

Капитан Жозеф Борд написал два рапорта, чтобы отразить свои действия будучи во французской военной миссии в Казани и Самаре [Service historique de la Défense — Fonds de l'armée de Terre à Vincennes (SHD-GR) 7 N 1556. Первый из них касается его действий во время войны до отправки в Казань в июне 1918 г. (15 машинописных страниц). Второй рассматривает события июля — октября 1918 года и посвящен взятию Казани противниками большевиков (17 страниц). В конце обоих рапортов есть пометка «Просмотрено и передано» и подпись генерала Бертело, главы французской военной миссии в Румынии («Мец, 9 января 1920 г.»).

До Первой мировой войны Борд был совладельцем шахты в Донбассе (где он находился с 1903 г.). С началом войны Борд возвращается во Францию и принимает участие в боевых действиях, например, в подрыве моста возле Дуэ. В сентябре 1915 г., после по-

лучения диплома пилота, он был направлен в Салоники, для установления контакта с сербскими офицерами, язык которых он освоит. В сентябре 1917 г. Борд был откомандирован в Румынию, где генерал Бертело присвоил ему звание капитана. В марте 1918 г., пересекая охваченные войной регионы, он спасает подполковника Юше, арестованного большевиками в Новочеркасске. В своем рапорте Юше поясняет, что в декабре 1917 г. он был направлен в Добровольческую армию Алексева и Корнилова. В конце февраля оставленный донскими казаками Алексеев уехал на Кавказ, а миссия Юше была арестована окружившими Новочеркасск большевиками. Борд и сержант Гурден, которые должны были передать Юше крупную сумму денег, прибывают туда 18 марта. «Благодаря прекрасному знанию русского языка, мужеству и ловкости»² капитан убедил местных большевиков выдать пропуск Юше и его миссии, в результате чего французы вышли на свободу. То, что рассказывает Юше, очень характерно для Борда: не колеблясь, он действует очень смело, ему легко удается сделать своих собеседников верными союзниками. Описание взятия Казани Бордом очень точно укладывается в повествование Юше, что делает рапорты Борда заслуживающими доверия (даже если мы примем во внимание то, что капитан писал их ради оправдания себя и своих поступков).

Затем Борд прибывает к майору дю Фретею, которому французская военная миссия поручила консультировать Антонова-Овсеенко, командующего силами большевиков на украинской территории (это был момент кооперации между союзниками и советскими властями после подписания Брест-Литовского мирного договора и до чехословацкого выступления). Борд участвует в отражении наступления немцев на Украину, минировать инженерные сооружения. Затем он направляется в сторону Царицына (где будет ненадолго арестован большевиками), одновременно эвакуируя большие запасы военного имущества. В начале апреля 1918 г. он видит на своем пути блокированные чехословацкие эшелоны, чьи

² Rapport du lieutenant-colonel Hucher, du 25 juillet 1919 [Ressource électronique]. Archives Nationales: base Léonore. URL: http://www2.culture.gouv.fr/LH/LH339/PG/FRDAFAN84_O19800035v2656068.htm. Lien consulté: 05.01.2022.

начальники с нетерпением ожидают продолжения движения. Прибыв в Самару, Борд встречает Люсьена Жанно, второго участника этой истории, который называет себя консулом Франции. Это происходит 18 мая, когда нарастает напряжение между Троцким и чешскими руководителями. Вот так Борд продолжает свой рапорт (говоря о себе в третьем лице):

Видя, что конфликт неизбежен и что лучше, при одобрении генерала Лаверня, попытаться объединить различные партии, — партии, которые могут поддержать чешское движение или, по крайней мере, использовать его в своих интересах, капитан Борд приглашает в свой вагон: 1° — М. Жанно, избранного консула в Самаре, 2° — доктора Фишера³, руководителя всех чехов к западу от Волги и в Самаре, 3° — Боголюбова, лидера партии эсеров, насчитывающей 1500 преданных своим убеждениям членов, 4° — полковника Хорошкина [sic! имеется в виду Борис Хорошкин], полномочного представителя уральского казачества, с тех пор произведенного в генералы [SHD-GR 7 N 1556, p. 9–10].

Таким образом, на совещании представлены Франция, чехословаки, правые эсеры и казаки. Отчет об этой встрече заканчивается следующим образом:

Наконец, по совету капитана Борда и г-на Жанно, было условлено, что, как только большевики будут изгнаны из Самары, правительство Советов будет объявлено свергнутым и что в этом городе [т. е. в Самаре] будет собрано как можно больше влиятельных, энергичных, патриотически настроенных политических деятелей, которые попытаются сформировать зачаток правительства. Г-н Жанно уже поддерживает контакты со всеми главными чешскими лидерами, которым он оказывает покровительство и тайно принимает в своем доме [Ibid., p. 10].

Чехословацкий мятеж еще не вспыхнул, но французы принимают участие в совещании, цель которого — «объявить правительство Советов свергнутым», — совещании, которое приведет к конкретным результатам, хотя и не позволит реализовать описанный Савинковым план. Уполномочены ли Жанно и Борд провести опе-

³ В одном из чешских трудов [28, s. 84, 124] два раза упоминается некто Фишер (Fišer), представитель Чехословацкого национального совета в Самаре.

рацию по свержению большевиков? Что касается Борда, писавшие о нем историки представляли его смелые предприятия как своего рода личное приключение, осуществлявшееся без задания командования. Достаточно привести мнение Жана Дельмаса (который следует за Джоном Брэдли):

Капитан Борд — это офицер, который, часто ускользая от контроля своих непосредственных командиров, ставит свои собственные задачи и действует самостоятельно. [...] Возможно, он контактировал с чехословаками во время пребывания в Самаре в апреле-мае. Но в то время он был всего лишь офицером миссии Бертело, изолированным на юге России и еще не перешедшим в подчинение к своему новому командиру, генералу Лаверню. Можно допустить, что он участвовал в разработке планов Гайды, но делал он это без указаний начальства [15, p. 203, 14, p. 88].

Цель Жана Дельмаса — показать, что чехословацкое восстание было организовано Гайдой и что французская военная миссия здесь ни при чем. Однако при чтении рапортов Борда удивляет то, что он отчитывается перед Лавернем обо всем, что делает. На самом деле Дельмас всего лишь следует старой интерпретации, — той, которой придерживался генерал Жанен, когда прибыл в Сибирь в ноябре 1918 г. Жанен узнал о действиях, осуществленных Жанно и Бордом летом и обязал Борда отчитаться перед Парижем. Именно при таких обстоятельствах Борд пишет два рапорта, о которых идет речь.

Жан-Давид Авенель резюмирует еще более откровенно: Борд (и другие, например, майор Гине) «превысили полномочия своей миссии. [...] В данном случае они [предстали перед] дисциплинарной комиссией» [11, p. 125, 152; 22, p. 117]. Но дело в том, что Борд, после данного им отчета, не получил взысканий и не привлекался к суду (в отличие, например, от просоветски настроенного Ж. Садуля, которого судят за измену, когда он возвращается в Париж). Более того, в 1920 г. Борд получил орден Почетного легиона, а Гине, уже будучи кавалером этого ордена, возведен в ранг офицера. Ни о какой дисциплинарной комиссии не идет речи. Когда капитан организует совещание чехов, правых эсеров и казаков с целью свержения советского режима, он делает это, уверенный в том, что действует в рамках миссии, порученной ему Лавернем.

Можно подчеркнуть реакцию Жанена на эти события спустя полгода, но следует также констатировать, что никаких санкций по отношению к Борду не последовало.

Жанно и его письма

Однако то же самое справедливо и для «ненастоящего» вице-консула в Самаре, неизменно именуемого в документах «г-н Жанно» (*monsieur Jeannot*) [SHD-GR 7 N 1548; SHD-GR 8 N 25]. Люсьен Жанно, рожденный в 1871 г., в 1897 г. приезжает в Россию, становится учителем французского сначала в Грабовке (имение в Пензенской губернии), а впоследствии в Москве. В России он женится, в браке рождается дочь; позже к нему присоединяется его брат Фелисьен. Когда начинается война, Люсьен оказывается освобожденным от воинской повинности из-за ампутированной левой ступни. В мае 1915 г. он за свой счет едет в Париж, чтобы убедить Министерство иностранных дел в необходимости финансирования анти-немецкой пропаганды в России. Напрасно. Тем временем, Фелисьен становится членом французской военной миссии в Москве. В России у двух братьев, по-видимому, были довольно высокопоставленные знакомства: жена Фелисьена была пианисткой при царском дворе; Люсьен имел чин коллежского асессора (и личное дворянство), что было необычным для иностранца.

Мы не знаем, в какой момент и почему Люсьен Жанно решается поехать в Самару. Едет ли он по собственной инициативе? В начале 1918 г. генеральный консул Франции в России Ф. Гренар отправляет своих представителей для ознакомления с происходящим в русской провинции; вероятно, Жанно был избран «консулом» своими соотечественниками [24, р. 120–122; Archive du Ministère des affaires étrangères – Centre des archives diplomatiques de la Courneuve (АМАЕ) Omsk 802PO/1/1–2, «Affaire Henri Mauhin», Notes]. Поль Рейно, сорок лет спустя, утверждает, что именно Лавернь послал Жанно в Самару. Несколько ранее, примерно в 1936 г., бывший белый генерал Николай Галкин также говорит, что Жанно показывал своим собеседникам телеграммы Лаверня, одобрявшие его действия [10, с. 54–55]. Тем не менее, в имеющихся у нас письмах,

которые Жанно написал по возвращении во Францию, он ни разу не ссылается на генерала Лаверня. Речь идет о его собственной инициативе, направленной на защиту интересов союзников. Был ли он направлен в Самару с секретной миссией? Вспоминаются слова Сомерсета Моэма, который сам был разведчиком в России в тот период, и описывает момент своей вербовки:

Да, прежде чем вы начнете работать, вы должны знать следующее. Прошу вас это хорошенько запомнить. Если вы отлично справитесь с делом, то на благодарность не рассчитывайте, а если у вас начнутся неприятности, то помощи вы не дожждетесь. Вас это устраивает? [(9, с. 13).

«Вполне», — отвечает Эшенден, персонаж, за которым скрывается сам автор. Как бы то ни было, в период «Самарского правительства» (июнь — сентябрь 1918 г.) Жанно сначала представляется избранным вице-консулом, а затем руководителем французской военной миссии в Самаре. После эвакуации города дела у него идут плохо, но в итоге все заканчивается хорошо. По прибытии в Омск его обвиняют, в том числе, в присвоении должности и мошенничестве. Однако через три месяца он освобождается, после чего следует прекращение дела. В 1927 г. он даже получает возмещение 100 тыс. рублей, некогда предоставленных миссии Борда в Казани. Не могло ли сообщество русских эмигрантов во Франции представить его как автора идеи Волжского фронта?

Волжский фронт

Происходившее с Бордом и Жанно в последующие годы позволяет предположить, что они не были авантюристами, действовавшими самостоятельно. Предпринятые ими действия соответствуют политике союзников с конца мая по сентябрь 1918 г. — политике, направленной на восстановление Восточного фронта Первой мировой войны путем свержения большевиков. Мы ничуть не стремимся утверждать, что Жанно и Борд были инициаторами чехословацкого восстания; но мы полагаем, что союзники явно находились в контакте с белыми и чехами и что восстание служило их интересам.

В течение нескольких недель после начала восстания капитан был участником нескольких важных событий [23, р. 183–184, 19, р. 118–124, 17, р. 279]. Троцкий взял в заложники находившихся в Москве представителей Чешской Республики Прокопа Макссу и Богумила Чернака и требовал от Борда и Макссы встретиться (в сопровождении представителей большевиков) с лидерами мятежных чехословаков на Волге, чтобы убедить тех разоружиться. Этот эпизод хорошо известен [23, р. 186, 17, р. 296; SHD-GR 7 N 1556, 2^e rapport de Bordes, р. 11–12]: замысел Троцкого, видимо, состоял в том, чтобы заманить чехов на переговоры в Сызрань и либо арестовать, либо убить парламентариев с Волги. Однако в ловушку никто не попадает. При чтении рапортов Борда поражает то, что он зачастую лично знает некоторых красных командиров (бывших офицеров Императорской армии) и заручается их поддержкой. Вот, например, что происходит с группой летчиков:

приглашенные на обед капитаном Бордом, [они] поклялись ничего не предпринимать против чехов, и при этом уверять большевиков, что они предпочитают сражаться за них в тысячу раз больше, чем против них [SHD-GR 7 N 1556, р. 13].

Но главное, люди, которых капитану удастся привлечь на свою сторону, передают ему телеграммы Троцкого, доказывающие, что тот отдал приказ (еще до того, как вспыхнуло восстание) 1) арестовывать чешских офицеров и расстреливать вооруженных чехов, 2) арестовать и расстрелять чехов, вызванных в Сызрань на переговоры. После этого эпизода Борд встретился в Москве с послом Нулансом:

На обеде, устроенном генералом Лавернем в честь посла, последний, по просьбе генерала Лаверня, расспросил капитана Борда о том, что он знает и думает о чехах. / Капитан Борд отвечал, что, имея возможность сравнить силы двух сторон и зная намерения основных лидеров Красной армии, он не сомневается в полном успехе чехословаков, добавив, что в России нет организованной силы, способной остановить чехов. / На следующий день посол, получив согласие своих союзных коллег, сделал следующее заявление во всех газетах: / «Союзники рассматривают чехословацкие войска как авангард войск Антанты для вооруженной интервенции против немцев, которые нарушили Брест-Литовский

мирный договор, заняв европейскую часть России» [SHD-GR 7 N 1556, р. 15; 23, р. 187].

Июнь 1918 г.

Чехословаки взяли под свой контроль Самару 8 июня. Если мы проследим за тем, что рассказывает Алексей Толстой в трилогии «Хождение по мукам» и генерал Галкин в своих воспоминаниях, то можем увидеть, что местные антибольшевистские силы начали организовываться несколькими месяцами ранее; как только большевики изгнаны, под протекцией чехов устанавливается русская власть. Следует ли чехам продолжать движение на восток? Как указывает Галкин:

Вскоре стали поступать от Брушвита сведения весьма неутешительного порядка, которые говорили о том, что якобы чехи не хотят задерживаться, а стремятся только возможно скорей пройти. Это, конечно, расстраивало планы эсеров, которые надеялись, что при длительном пребывании чехов им удастся сколотить антисоветскую силу, а при кратком пребывании чехов они не рассчитывали на возможность борьбы и боялись впоследствии остаться один на один с Красной армией [10, с. 48].

Именно в этот момент Жанно говорит о решительном вмешательстве. Позже Андре Гурден напишет сенатору Шарлю Ноэлю: «Именно ему мы обязаны Волжским фронтом» [SHD-GR 7 N 1548, Lettre de L. Jeannot à Madame Poincaré du 16 mars 1920]. В двух письмах, одно из которых адресовано Клемансо, а другое (полгода спустя) — мадам Пуанкаре, Жанно резюмирует события следующим образом:

«13 июня 1918 года на собрании, которое длилось с 9 часов вечера до 5 часов утра, в отсутствие представителя Франции в Самаре, где я находился, я указал членам Чехословацкого национального совета на то, что в их интересах и интересах союзников — отдать приказ чешской армии, которая должна отправиться во Францию через Владивосток, остаться в России, с целью предотвратить якобы «репатриацию» австро-германских военнопленных [...], число которых превышало миллион и которые, при соучастии большевистских властей, должны были

увеличить военную силу сражавшихся против Франции армий. [...] Члены Чехословацкого национального совета выслушали меня, и чешский корпус остался» [SHD-GR 7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes, Lettres à Clemenceau du 9 septembre 1919, et à Madame Poincaré du 16 mars 1920; см. также: 3, с. 102].

Важно отметить, что никаких следов этого заседания нам не удалось найти. Однако рассказ Жанно вполне правдоподобен. В начале июня в Самаре чехи, безусловно, помогли установлению правительства Комуча, тесно связанного с правыми эсерами, бывшими членами Учредительного собрания, но они по-прежнему хотели отправиться на французский фронт. Разве они не покинули Пензу и Сызрань, к западу от Самары, несколькими днями ранее? Как бы там ни было, чехи прекращают свою эвакуацию из города, а позиция, которую защищает Жанно, — это, по сути, позиция союзников, которые уже приняли решение об интервенции в Россию. Посол Нуланс телеграфировал в Париж 18 июня:

«Я прибыл из Москвы, где все указывает на острую необходимость вмешательства союзников на Ледовитом океане и на Дальнем Востоке. Оно будет с энтузиазмом воспринято российским общественным мнением, если успеет опередить установление немецких порядков. [...] Чехи уже две недели владеют центральной частью Транссиба. [...] [Владение Транссибом] — неоценимое преимущество для интервенции на Дальнем Востоке. [...] [Чехи] вооружаются и рекрутируют военнопленных. [...] Говорят, что в Самаре казаки Орембурга [sic! — Orembourg] и Уральска собираются присоединиться к чехам. / Американский консул в Москве получил письмо от консула в Самаре, который передает желание местной антибольшевистской организации поддержать чехословаков. / Подобный запрос приходит ко мне и по французским каналам» [SHD-GR 4N 46, «Copie d'un télégramme chiffré de Moscou», n°s 477 à 483].

Поскольку, как указывал Жанно, в Самаре нет представителя Франции, приходящее «по французским каналам», очевидно, передано через Жанно. По мнению Нуланса, чехи должны одновременно удерживать и Самару, чтобы облегчить организацию местных антибольшевистских сил, и железнодорожную ветку до Челябин-

ска. Майор Гине получает 20 июня инструкции от посла: поздравить и поблагодарить чехов, встретиться с сибиряками и казаками и подготовить интервенцию с востока [23, р. 188] Министр иностранных дел Франции Стефан Пишон телеграфирует 26 июня план в Лондон и Рим: необходимо начать с преимущественно японской интервенции:

«Таким образом [...] союзники могли бы достичь своих собственных целей, без промедления остановить продвижение Германии, озаботить ее военными вопросами, и постепенно воссоздать вооруженное сопротивление в России, вынуждая наших врагов к новым военным усилиям» [SHD-GR 4N 46, «Paris, le 26 juin 1918–17h30»].

План кажется последовательным, за исключением того, что ни японцы, ни американцы на него не согласны [SHD-GR 4N 46, Groupe de l'Avant, 19 juin, «La situation des Tchèques en Russie et en Sibérie»]. Тем временем в Москве левые эсеры отказались поддерживать большевиков, потому что считают Брест-Литовский договор предательством. Чтобы принудить большевиков возобновить войну, 5 июля они убивают посла Германии Мирбаха [19, р. 127]⁴. Следует восстание, которое быстро терпит поражение. Но несколько дней спустя, 10-го числа, Михаил Муравьев, левый эсер, которого Ленин только что назначил командующим Волжским фронтом, также выступает против большевиков [27, р. 116–119]. Внезапно он захотел объединиться с чехами, изгнать большевиков и объявить войну Германии. Трудно понять этот неожиданный поворот, которому в конечном итоге даются объяснения почти психиатрического порядка [17, р. 325; 27, р. 177; 14, р. 88], однако Борд в начале своего второго рапорта сообщает следующее:

⁴ Пьер Паскаль, член французской военной миссии, близкий к Садулю, дает понять, что Гурден имеет какое-то отношение к убийству: «Через несколько дней после убийства Мирбаха, возможно, на следующий день, в Миссию явился некий человек, на лице и руке которого были следы от ран, полученных, по его словам, от осколков гранаты. Он выдает себя за одного из убийц Мирбаха. Он пришел, чтобы отчитаться перед Гурденом, соратником Борда, и получить инструкции» [22, р. 304]. Паскаль также говорит о Борде, что тот «действует вне Миссии и разведки».

«Я использую [расположение левых эсеров в Казани], чтобы попытаться склонить Муравьева, который какое-то время находился в контакте с французской миссией в Одессе (полковник Аркье), и даже на ее жалованье, заключить мир с чехами. Через посредство двух офицеров, родственников знакомых мне инженеров из Донецка, я уговорил его отправиться в Симбирск под надежной личной охраной (30 сербов и офицер батальона Благодича из Казани), чтобы сагитировать войска оставить глупую и братоубийственную борьбу с чехами» [SHD-GR 7 N 1556, rapport dactylographié intitulé «Rapport du Capitaine Bordes», p. 1].

Однако вскоре Муравьев начинает действовать слишком самоуверенно и погибает. Тем временем в Самаре Люсьен Жанно активно занимается сбором средств, которые позволят ему продолжить работу по пропаганде и рекрутированию военнопленных. Самара была центром богатого региона, где было немало миллионеров [17, pp. 244, 303]. Александр Елшин, участник политической жизни Самары, так описывает Жанно и его сбор средств:

«16–3 июля [1918 г. Вторник. [...] Сегодня утром я зашел к Н. П. Попову в магазин, имел разговор с ним по сбору денег. Затем я взял у него 10 тыс. [рублей] и пошел к Жанно. Он очень просил собрать до 100 тыс. для формирования сербских и вообще славянских батальонов из уфимских военнопленных (там их оказалось, по словам Жанно, несколько тысяч). С неделю назад я отнес ему 15 тыс. [рублей]. У него я застал двух офицеров чехов, затем несколько человек. Он сообщил мне, что он ждет отбытия в Челябинск. Передал 10 тыс[яч], получил расписки на 15 тыс. и на 10 тыс. [рублей] и сейчас же ушел. Жанно мне сообщил, между прочим, что французы надеются из военнопленных славян организовать до 80 тыс. человек. При уходе он просил меня раздобыть браунинг для Ребенды (коменданта Самары) и диктора Фишера (представителя чешского штаба в Самаре, с которым я встречался до переворота 8 июня)» [4, с. 361–362].

Жанно доходит до того, что добывает деньги, занимаясь торговлей (покупая и перепродавая муку, молоко, масло). Он сам это объясняет:

«Офицер, проводивший дознание [...] вменил мне в вину операцию с зерном, целью которой было снижение цены на муку. Я в этом преуспел, и за ночь добился снижения цены на пуд муки

в Самаре с 85, 80 и 75 рублей до 25, 23 и 22 рублей. Большая часть прибыли была использована для ведения пропаганды в лагерях для военнопленных, с целью рекрутирования чехов, румын и т. д. Я был изолирован ото всего и ото всех, и мне нужно было добыть средства для поддержки своей деятельности. Я нашел их, и они не стоили Франции ни гроша. Кроме того, я провел эту операцию с согласия французских военных властей» [SHD-GR 7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes, Lettre à Clemenceau du 9 septembre 1919; ср. 2, с. 305].

Июль 1918 г.

Итак, цель Жанно — рекрутировать солдат в лагерях для военнопленных. Тем временем, французские дипломаты решили направить в Самару настоящего вице-консула — Люсьена Комо. Последнему было «поручено создание в Самаре пункта для пропаганды и антибольшевистских действий» [АМАЕ 3950Q –148 «Note sur la carrière de Lucien Caumeau» du 11 décembre 1923 [de la main de Caumeau]]. Он прибывает в город 6 июля 1918 г. Это серьезная опасность для Жанно, но его спасает другой француз — майор Гине, в то время «выполнявший миссию комиссара правительства при чехословацких войсках» и прибывший в Самару в те же дни. Вот как он представляет ситуацию два года спустя:

«Когда, 9 июля 1918 года, проезжая через Самару, я под свою ответственность уполномочил г-на Жанно продолжить его работу (ранее начатую по согласованию с чехословацкими руководителями и комиссарами, а также с представителями правительства Самары) в отношении надзора за немецкими военнопленными и рекрутирования чехословаков, поляков, румын и т. д., я особо оговорил, что он будет заниматься этим на свои средства, — точно так же, как он ранее, до выступления чехословаков, занимался пропагандой в пользу Франции. Г-н Жанно ответил: «Я не прошу вас ни о чем, кроме документа, который позволит мне беспрепятственно посещать лагерь для военнопленных» — этот документ я ему немедленно выдал» [SHD-GR 8 N 25, Lettre datée Vannes, 6/9/20, à la Direction du Contrôle, réponse à la note 6887A du 1er septembre 1920].

Однако Жанно впоследствии предоставлял этот документ как подтверждение своей роли «полномочного представителя» французской военной миссии. Далее Гине делает общий комментарий по поводу Жанно:

«Что касается его деятельности, то она была спонтанной, и была начата много раньше моего приезда в Самару. В мае-июне 1918 года он имел довольно четкое представление о ситуации и вполне активно сотрудничал с чехословаками и депутатами Учредительного собрания (в большинстве своем правыми эсерами) против советской власти в Самаре. Я могу только констатировать это. [...] Несколько самарских французков просили меня, когда я прибыл в Самару, чтобы функции консула выполнял г-н Жанно, а не г-н Кома, который только что был направлен из Москвы в Самару в должности вице-консула. Я ответил им, что до дальнейшего уведомления г-н Кома останется единственным консулом в Самаре. И я, по его просьбе, уполномочил г-на Жанно продолжить его работу по пропаганде и рекрутированию добровольческих отрядов за его собственный счет (потому что не имел никаких выделенных для этого ресурсов). Я должен добавить: 1. что г-н Жанно, в остальном, ни о чем больше не просил; 2. что я немедленно доложил обо всех этих фактах в секретном сообщении военному атташе в Москве (генералу Лаверню) и г-ну Буржуа, генеральному консулу в Иркутске» [Ibid].

Как только Гине уезжает, настоящий вице-консул публикует газетные объявления, в которых уточняет, что он единственный полномочный представитель Франции, или, позднее, что «французское консульство в Самаре не продает муку». [Ср. 1, с. 3]. В частности, он пишет Нулансу длинное нешифрованное письмо, в котором объясняет, что происходит. Единственный способ отправить письмо послу — поручить его посыльному. Но посыльный Кома схвачен большевиками, которые находят письмо и переправляют его Троцкому, а тот немедленно публикует его в «Известиях ВЦИК» под заголовком «Господа Чехословацкой России». Для большевиков письмо является доказательством того, что союзники сотрудничают с чехами и белыми. Как сообщается в письме, Жанно

«...получает даяния, достигающие сотен тысяч руб., со стороны финансистов и коммерсантов и широко расходует их на вознаграж-

дение своего генерального штаба и на оплату вербовщиков пленных, которые уже достаточно широко его эксплуатировали»⁵ [5, с. 3]

Между тем 15 и 16 июля два вице-консула по отдельности участвуют в Челябинском совещании [26, р. 133], направленном на объединение сил, сформировавшихся между Волгой и Сибирью. Белые по-прежнему обращаются к Жанно как к полномочному лицу, если судить по письму, адресованному начальником ведомства иностранных дел «глубокоуважаемому гражданину» Жанно [25, р. 5–6]. Однако Кома начинает плести свою паутину. В его лагере — Иосиф Ильин, его переводчик, который в своем дневнике высказывается о Жанно так:

«22 июля [1918 года] [...] Жано [...] без одной ноги и производит очень внушительное впечатление, но на деле, оказывается, был просто учителем французского языка в Московской гимназии и кадетском корпусе. Он ходит в военной форме, и у него адъютант — какой-то штабс-капитан Стембо, еврей. Жано, как говорит Кудрявцев, большой жулик и занимается главным образом спекуляцией с мукой. Теперь между этими двумя представителями «прекрасной Франции» идет глухая вражда и борьба. Кома называет Жано самозванцем, а Жано уверяет, что настоящий консул он, в споре принял участие Стембо, который заявил Клаф-тону и Кудрявцеву, что месье Жано — консул по военным делам, а Кома пусть по гражданским». [6, с. 288–289]

Благодаря такому разделению задач и «документу», неосторожно предоставленному Гине, «ненастоящий» консул может по-прежнему посещать лагерь военнопленных. В конце июля Борд рассказывает о взятии Симбирска, города на полпути между Самарой и Казанью [19, р. 57; 26, р. 50]. Он упоминает как самых блестящих бойцов, которых встречает («белый» Каппель, серб Благодич, который сыграет важную роль при взятии Казани, чех Швец), так и некомпетентных политиков и военных, которые начинают скапливаться на освобожденной от большевиков территории. Двое из его людей, оставшиеся в Казани, сообщают, что там хранится

⁵ Не имея оригинала письма, написанного по-французски, нельзя исключать, что Троцкий хотя и не сфабриковал подделку, но иногда вмешивался в текст, чтобы сгустить краски ради целей пропаганды.

огромный золотой запас Российского государства, и что эвакуация «царского золота» в Нижний Новгород уже началась.

Взятие Казани

Первого августа большевики постановили мобилизовать всех мужчин в возрасте от 18 до 40 лет [19, pp. 120, 129], а Ленин пишет Раскольникову, что революцию можно спасти только при условии быстрой победы над чехами [26, p. 51]. Однако поначалу положение большевиков будет только ухудшаться. И в самом деле, на следующий день союзные войска высаживаются в Архангельске и устанавливают там антибольшевистскую власть. В ответ на это 5 августа в Москве и Петрограде заключены под стражу двести британцев и французов [17, p. 339; 19, pp. 123, 139–140]. Но самое главное, при захвате Казани белыми 6 августа большевистская власть теряет почти все золотые резервы Центрального банка и Российского государства. Борд не без удовольствия отмечает, что «все телеграммы Троцкого и Муралова были лишь призывом к сопротивлению любой ценой, криком отчаяния Ленина, который полагал, что захват Казани контрреволюционерами означал падение правительства Советов» [SHD-GR 7 N 1556, rapport dactylographié intitulé «Rapport du Capitaine Bordes», p. 9, 10].

Взятие Казани занимает несколько страниц в рапорте Борда. В этом повествовании чередуются эмоционально окрашенные фрагменты, почти эйфорического характера (обо всем, что будет способствовать захвату города), и фрагменты более рефлексивные, тон которых более глух (о причинах последующего провала), как если бы автор рапорта написал первые фрагменты на месте и добавил вторые задним числом. Трудно отрицать, что Борд сыграл одну из ведущих ролей в выборе целей и развертывании средств их достижения, — и все это в сумме приведет к успеху. Его рассказ полон достоверных подробностей. Мы располагаем письмом российского генерала Георгия Романовского, в котором подтверждается и роль Борда, и роль сербов Благодича (особо выделенная в рапорте) [12, p. 499–500], а также свидетельство Владимира Лебедева о том, что именно французский капитан убедил Чечека атаковать Казань, а не Саратов:

«В Симбирске мы встретили капитана Борда — офицера французской армии, который только что прибыл из Казани, куда он был послан генералом Лавернем, французским военным атташе в России. Он осведомил нас о приближении союзников к Вологде и о необходимости скорее захватить Казань с целью соединиться с союзными силами по пути на Вятку. Он сообщил нам, что союзные войска направляются из Вологды в Вятку. Я отправил его на аэроплане в Самару к главнокомандующему генерал Чечеку, который после беседы с капитаном Бордом дал разрешение на захват Казани» [цит. по: 7, с. 9⁶].

Направленный Лавернем⁷ Борд оказывается в Казани 8 июля, когда город все еще во власти большевиков. Он вступает в контакт с различными группами, которые могут внести свой вклад в захват города, и сводит их друг с другом. Он переходит линию фронта и присоединяется к чехам, которые готовы взять Симбирск. Не забывая отправлять рапорты Лаверню, он летит в Самару к Чечеку; затем возвращается в Симбирск, находит Благодича в Тетюшах и снабжает его оружием; 5 августа Борд пролетает над Казанью и сбрасывает листовки. Город был взят на следующий день, прежде всего силами сербов [17, p. 338; 26, p. 50; 23, p. 189; 19, p. 129]. Затем Борд становится свидетелем боев в десяти километрах к северу от города и настаивает на транспортировке золотого запаса. Очевидно, что он знаток военного дела: его интересуют как люди (офицеры, которых следует подвести к сотрудничеству друг с другом, — люди, которым нужно подать пример), так и потребности в деньгах и технике, и тактика.

⁶ Исходный источник этой цитаты не указан. Однако в записках Лебедева [8, с. 127, 133–134] обнаруживаются отрывки, возможно, пересказанные в приведенном фрагменте: «Симбирск, 26-го июля. Приехал француз летчик, капитан Борд. Пробрался через Казань. Приехал от Лаверня с известием о том, что союзники уже подходят к Вологде. Посылаю его на аэроплане к Чечеку. [...] [ночь 27 июля 1918 г.] Вечером вызвали Чечека, его не было у юза. Он говорил с прилетевшим французом, капитаном Бордом, который тоже требовал похода на Казань, основываясь на своем пребывании в Казани. Чечек, конечно, принужден будет согласиться».

⁷ Борд сам утверждает это; также, по словам генерала Нокса, захват Казани «является результатом инструкций генерала Лаверня» [SHD-GR 4 N 46, Message («Secret») du général Corvisart au général Spiers du 9 octobre].

Основное препятствие, с которым он столкнулся, имело политическую природу. В то время как Савинков и Дикгоф-Деренталь, утверждающие, что представляют «центр» (в политическом смысле), разговаривают с Лавернем и готовы пойти на значительные уступки, Лебедев действует как Керенский, выступавший за демократию, но не решавшийся по этой причине восстановить дисциплину в армии. Теперь мы лучше понимаем, почему Борд сильно сожалеет о гибели Муравьева: несмотря на чрезмерную жестокость его методов, Муравьева уважал даже Ленин — именно за то, что тот держал железную дисциплину. Что же делать с многочисленными рабочими, у которых дома есть оружие, и которые предпочитали плативших им лучше большевиков? Комуч не умеет и не хочет действовать твердо. Многие мужчины добровольно вызвались бы воевать в рядах Народной армии, если бы их мобилизовали. Если они попадут в плен, то смогут сказать, что их принудили воевать. Однако если станет ясно, что они добровольцы, то есть враги большевизма, то они рискуют быть казненными. За вычетом одной длинной страницы, полной антисемитизма, Борд очень точно анализирует все ошибки российских политиков.

Учитывая перечисленные недостатки, ясно, что Народная армия не может нормально функционировать. Преследование дезертиров осуществляется «с недостаточным упорством и рвением со стороны русских, которые слишком счастливы освободиться [от большевизма], и вот уже разделены между собой в спорах о партиях или предпочтениях такого-то генерала и т. д.» [SHD-GR 7 N 1556, rapport dactylographié intitulé «Rapport du Capitaine Bordes», p. 8]; «Поставка боеприпасов осуществляется очень плохо и часто саботируется большевиками, которые скрываются на местах» [Ibid, p. 10]. Но пока, в начале августа 1918 г., после восстания чехословаков, установления правительства Комуча в Самаре, взятия Симбирска и Казани и захвата государственной казны, положение кажется очень благоприятным. Однако в противостоящем лагере зреет ответ. Троцкий приказывает подготовить свой бронепоезд [17, p. 338] и через три-четыре дня прибывает в Свияжск, город на правом берегу Волги примерно в тридцати километрах от Казани. Там ему удастся остановить разрушение своей армии.

«...необъяснимым образом наступление белых прекращается, топчется перед последними окопами. Все висит на волоске. Если бы Каппель прошел десять километров, которые отделяли его от Свияжска в ту ночь, не откладывая, или хотя бы на следующее утро, он мог бы открыть дорогу на Москву» [19, p. 131].

Красная армия обрела лидера, требовательного к дисциплине; после покушения на Ленина декрет Совнаркома от 5 сентября 1918 г. формализует «красный террор» [17, p. 340]. У ЧК теперь есть узаконенная свобода действий; большевики начинают отвозить утерянное, аресты дипломатов союзников продолжаются в Москве и Петрограде (так, 24 октября 1918 г. Фелисьен Жанно окажется в тюрьме в первый раз).

Со второй половины августа Борд описывает сложную ситуацию. Конечно, есть политические разногласия, которые должны быть урегулированы в Уфе на большом совещании (8–23 сентября) [26, p. 145], но ситуация среди военных не лучше: Благодич погиб, его сербские солдаты деморализованы, полковник Швец испытывает отвращение к политическим маневрам Лебедева и Степанова. Чечек отказывается посылать подкрепление в Казань, тогда как Троцкий, прочно обосновавшийся в Свияжске, может теперь организовать контратаку. И Борд едет в Уфу. Там под давлением чехов и союзников белые с трудом приходят к соглашению об организации единого правительства под названием Директория. Стремясь найти Гине, капитан продвигается на восток и достигает Владивостока.

Конец волжского фронта и падение Жанно

После сорока дней, позволивших вывезти российское золото, Казань была эвакуирована и пала без боя в середине сентября. Существенной проблемой оставалось отсутствие поддержки со стороны союзников. Небольшая высадка на севере мало что принесла; мятежи подавлены; чехи определенно не хотят бороться за то, что может обернуться восстановлением самодержавия; советники Вильсона даже рекомендуют им покинуть Волгу и укрыться за Уральскими горами. Неожиданно в начале октября было принято решение и об эвакуации Самары.

Директория переезжает в Омск, где обосновывается с 10 октября. Последние присутствующие в Самаре военные силы — нерегулярный батальон «Савойя», состоящий из бывших италяязычных австро-венгерских военнопленных, принимает в свой эшелон и «французскую военную миссию». Борд и Гине далеко. Остался только Жанно, и его роскошный вагон первого класса, в котором тот покидает Самару 6 октября [21, р. 219].

Жанно останавливается в Омске 11 ноября и пишет письмо Эжену Ренью, французскому верховному комиссару в Сибири, представившись главой французской военной миссии в Самаре [АМАЕ Омск 802РО/1/1–2, Lettre de Jeannot à Regnault datée Омск, 11 novembre 1918]. На самом деле, французские представители в Сибири уже некоторое время разыскивают его. Все началось с этого:

«Вооруженное ограбление пяти товарных вагонов государственного товарного склада, которое совершили Девуайо и Мортия [Devoiod et Mortia], в настоящее время находящиеся под арестом в Томске, и Бранд [Brand], якобы русский офицер и ординарец на службе у Жанно, все еще находящийся на свободе. / [...] Досье также содержит неожиданное разоблачение коммерческой операции Жанно, подкрепленное официальными документами» [SHD-GR 17 N 592, «Sorties», télégramme de Pichon à l'ÉМ tchèque de Tcheliabinsk du 5 novembre 1918].

Так генерал Пари, его начальник штаба Пишон и полковник Мерю обнаруживают, чем занимались прошедшим летом Жанно и Борд. Генерал Пари телеграфирует генеральному консулу в Омске Нетману следующее: «Остановите в Омске все вагоны и всех людей, эвакуированных из Самары, представляющихся членами французской военной миссии, для проверки их полномочий и характера грузов» [SHD-GR 17 N 592, numéroté 57002; Cf. 14, р. 92]. На следующий день после написания своего письма, 12 ноября⁸, Жанно был изгнан из своего вагона, как он сам рассказывает:

⁸ «Сержант Гурден приехал из Казани, где находился капитан Борд, и со своей стороны — для поиска 100 000 рублей в Самаре, в период с 20 по 24 августа — указанная квитанция была изъята у М[есье] Ж[анно] во время [нрзб.: обыска?], который проводился в вагоне господина Жанно в Омске 12 ноября 1918 г.» [SHD-GR 8 N 25, Dossier Jeannot, doc. n° 8].

«[...] Несмотря на мои неоднократные протесты, мне не разрешили присутствовать при обысках, производившихся в вагоне, в котором я жил; не был составлен ни протокол об изъятии вещей, ни опись принадлежащих мне вещей. Более того, я был выброшен за дверь упомянутого вагона вместе с беженцами из Самары при 35 градусах ниже нуля по шкале Реомюра [...]. Что касается меня, я отморозил себе тогда ногу». [SHD-GR 7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes, lettre à Clemenceau du 6 septembre 1919; ср. 2, с. 306]

По-видимому, на месте дело вызвало пересуды. Некоторые обвиняют французов в том, что те приехали в Россию для обогащения. Когда генерал Жанен, ответственный за руководство всеми операциями союзников, прибывает в регион, досье передается ему. После трех месяцев расследования (порученного молодому Полю Рейно) Жанен телеграфирует во Францию:

«[639] В настоящее время открыто и близится к завершению расследование в отношении невоенного французского гражданина, не приравненного к военным, г-на Жана Но [Jean Not. — sic!], Преследуемого за: во-первых, присвоение званий и полномочий, попытку мошенничества, статьи 258 и 405 Уголовного кодекса. / Существенными обстоятельствами дела являются следующие: в течение 1918 года в Самарской области, Уфе, Челябинске, [640] Омске, Иркутске и до прибытия в этот регион французских войск Жанно, отчасти из-за неосторожной доверчивости француза, снабдившего его рукописным документом сомнительной юридической силы⁹, присвоил себе должность главы или члена французской военной миссии и действовал в этом качестве, в частности, при контактах с местными властями. / На основании этого документа Жанно купил у российских властей [641] в Омске зерна по низкой цене, которое он перепродал в Самаре, получив таким образом прибыль, часть которой он использовал [нрзб.] пропаганды, остальную прибыль оставив себе. Жанно торговал также разными товарами и получал вагоны для их перевозки благодаря своим полномочиям главы или члена французской миссии. Таким образом,

⁹ Здесь, очевидно, имеется в виду документ, подписанный Гине, который давал право Жанно входить в австро-германские лагеря для военнопленных для рекрутирования добровольцев.

представляется, что он 1°/ присвоил себе должность и полномочия. 2°/ совершил мошенничество, поскольку его коммерческие операции были возможны или [642] облегчены только благодаря доверию или воображаемой власти, обеспеченной ему его фиктивным статусом главы или члена французской миссии. / Это дело привлекло много внимания в Сибири, потому что 1°/ упоминается крупная сумма денег 2°/ упомянута французская миссия» [SHD-GR5 N 184, Télégrammes de Janin, 639 à 642.]

Как резюмирует один из собеседников Жанно: «Основной причиной ваших нынешних бед было падение Самары. Если бы Самара стояла твердо, большинство было бы на вашей стороне. Самара пала, ваше положение тоже, и никто вас больше не знает» [SHD-GR7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes: lettre d'«une personne qui a joué un rôle important dans la lutte contre les Soviets», citée par Jeannot dans sa lettre à Clemenceau du 15 novembre 1919]. В июле 1919 г. омское расследование закончилось прекращением дела, и Жанно смог вернуться во Францию (по его словам, благодаря мадам Пуанкаре, супруге премьер-министра Франции). Затем он обратился к Клемансо, чтобы получить возмещение 100 тыс. рублей, предоставленных миссии Борда, и в итоге был принят генералом Видалоном; несколько месяцев спустя он снова пишет мадам Пуанкаре. В течение последующих нескольких лет администрация неоднократно откладывала возмещение по все новым причинам. Однако были собраны свидетельства, в том числе свидетельство Гурдена, который передал в свое время деньги Жанно Борду [SHD-GR8 N 25, Dossier Jeannot, doc. n° 8].

Заключение

Наконец, в 1927 г., через девять лет после описанных событий, Жанно получает выплату по ссуде. Борда снова направили в Сибирь на поиски пропавших без вести французов. Гине пишет книгу о пережитом в России. Кома продолжает карьеру дипломата. Согласно газете *Le Petit Parisien* от 23 октября 1920 г., ЧК арестовывала Фелисьена Жанно 57 раз; он был освобожден и вернулся

во Францию через два года после своего первого ареста и стал владельцем табачного магазина — пожалование только для тех, кто оказал услугу государству. Также он награжден медалью и Военным крестом 1914–1918 годов.

В противоположность тому, что Жан Дельмас пытался обосновать в своей диссертации, эти французы, несомненно, были активными участниками антибольшевистского движения, так же как, вероятно, и другие представители союзников. С французской стороны мы наблюдаем два феномена. Прежде всего, это столкновение между одним движением, которое шло с запада на восток (Нуланс, Гренар и Лавернь, которые из Москвы посылают миссии к Волге и в другие регионы для осуществления антибольшевистского плана), и другим движением, более поздним, которое шло с востока на запад (Пари, затем Жанен, которые прибывают из Владивостока, узнают, что произошло в Самаре и Казани, и хотят посадить всех причастных в тюрьму). И во-вторых, налицо несоответствие между войной, очерченной рамками закона или хотя бы рамками обычая, и гражданской войной (в сочетании с войной секретных служб). Поняв, что произошло, члены миссии Жанена отнеслись к описываемым событиям с высокомерием, что оставило отчетливый след в историографии: Жанно стремился воспользоваться обстоятельствами, чтобы обогатиться, и мы чуть не испачкались, упоминая его имя; Борд вышел за пределы данных ему поручений, и был опьянен своими мимолетными успехами. Впоследствии те немногие историки, которые упомянут об этих событиях, поддержат данное объяснение.

Франция, которая очень хорошо знает, как именно она действовала, позднее сделает все, чтобы затушевать свое участие во внутренних делах России. В книгах воспоминаний, которые Нуланс, Гине и другие участники публикуют по возвращении, никогда не идет речи о Жанно и Борде или какой-либо форме вмешательства в российские дела в Самаре или где-либо еще. В конце концов, именно люди, которые играли более чем подчиненную роль, внесли свой вклад в создание Волжского фронта и в захват государственной казны России, придав гражданской войне новое измерение. Когда есть намерение удалить все следы вмешательства, имена

этих людей легче растворить в небытии. По какой причине ими были предприняты подобные действия? Они занимали определенное положение в российском обществе и потеряли все из-за революций. Мотив борьбы с большевизмом у них, безусловно, преобладает. С другой стороны, пребывание в одном кругу с российскими или чешскими влиятельными лицами могло вскружить им голову, лишить их полноценного чувства реальности.

Список литературы

1. Волжский день. 1918. 1 сентября (№ 64).
2. Галкина Ю. М. Письмо самарского «консула» премьер-министру Франции о событиях Гражданской войны: долг гражданина и личный интерес // *Quaestio Rossica*. 2021. № 1. С. 297–308.
3. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. — август 1922 г. М.: Наука, 1973. 552 с.
4. [Елшин. А.Г.] Самара в июле 1918 года: записки А.Г. Елшина // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 5. Электрон. дан. Самара, 2017. Режим доступа: <http://sbornik.libsmg.ru/>. Дата обращения: 05.01.2022.
5. Известия ВЦИК. 1918. 20 августа, № 178 (442).
6. [Ильин И. С.] Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с.
7. Курносов В. В. Царское золото. М.: Вече, 2011. 320 с.
8. [Лебедев В.И.] Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России [Электронный ресурс]. 1928. № 8–9. С. 50–197. Режим доступа: <https://vivaldi.nl.ru/pm000074726/details>. Дата обращения: 05.01.2022.
9. Моэм С. У. Эшенден, или Британский агент. М.: АСТ, 2009. 320 с.
10. Стенограммы воспоминаний военного руководителя Комуца Н. А. Галкина (1936) // Боевой восемнадцатый год: сб. док-тов и воспоминаний / сост. Я. В. Леонтьев. М.: Русская книга, 2019. С. 44–100.
11. Avenel J.-D. Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920). 2e éd. Paris: Economica, 2010. 234 p.
12. Bordes N.-P. L'or de Kazan. Nîmes: Lacour, 2005. 526 p.
13. Bradley J. F. N. La France, la Russie et l'indépendance tchécoslovaque en 1918 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. Т. 18, n° 2. 1971. P. 189–202.
14. Bradley J. F. N. La légion tchécoslovaque en Russie 1914–1920, Bordeaux, Impr. Delmas, 1963, p. 79.

15. Delmas J. L'État-Major français et le front oriental après la révolution bolchevique, novembre 1917–11 novembre 1918. Doctorat de 3e cycle de l'Université de Paris, Faculté de Lettres et Sciences humaines, 1965. 327 p.
16. Fic V. M. The bolsheviks and the czechoslovak legion: the origin of their armed conflict, March-May 1918. New Delhi: Abhinav Publications, 1978. 495 p.
17. Jevakhoff A. La guerre civile russe 1917–1922. Paris: Perrin, 2017. 688 p.
18. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.
19. Marie J.-J. La guerre des russes blancs: l'échec d'une restauration inavouée, 1917–1920. [Paris:] Tallandier, [2017]. 324 p.
20. McGuire Mohr J. The czech and slovak legion in Siberia, 1917–1922. Jefferson (North Carolina): McFarland & Company, 2012. 254 p.
21. Paoli M. I francesi a Samara e gli irredenti del Battaglione italiano Savoia // *Studi trentini. Storia*. 2020. № 1. P. 199–224.
22. Pascal P. Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916–1918. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1975. 359 p.
23. Pichlík K. I legionari cecoslovacchi (1914–1920) / Karel Pichlík, Bohumír Klípa, Jitka Zabloudilová. Trento: Museo storico in Trento, 1997. 311 p.
24. Reynaud P. Mémoires. T.1: Venu de ma montagne. Paris: Flammarion, 1960. 509 p.
25. The Russian Civil War: documents from the Soviet Archives / by V. P. Butt et al. Houndmills, London: McmillanPress, 1996. 217 p.
26. Smith S. B. Captives of revolution: the socialist revolutionaries and the Bolshevik dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 400 p.
27. Swain G. The origins of the Russian civil war. Londres, New York: Longman, 1996. 258 p.
28. Za svobodu: Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914–1920. [Díl III]. Praha: Památník Odboje, 1924. 896 s.

Michel Paoli,

PhD, HDR (French Habilitation to conduct research), ordinary professor, Université de Picardie, Amiens, France

Olga O. Popova,

independent researcher, Moscow

FRENCH MILITARY MISSION OF KAZAN-SAMARA AND THE FRONT OF VOLGA (SUMMER 1918)

Based on archival materials, the article examines the activity of several French citizens — captain Joseph Bordes, the “elected” vice-consul in Samara Lucien Jeannot, and some others — in the Volga region during the government of Komuch. These French, some of whom made up a semi-official “French military mission of Kazan-Samara”, apparently influenced a number of events in 1918 in the Volga region: activities of anti-Bolshevik organisations in Samara in the spring of 1918, a decision to keep the Czechoslovak units in this city, a decision on the offensive of the People’s Army of Komuch on Kazan, and a formation of detachments from prisoners of war in Samara. It has been suggested that in the decades that followed, French military historians may have deliberately portrayed the activities of the mission participants as insignificant or even condemned in France, while in fact some of them were decorated and certainly were not blamed.

Keywords: civil war in Russia, Komuch, French military mission, Czechoslovak legion in Russia, Eastern front of the civil war in Russia.

Е.П. Феськова

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В СИБИРИ И ПРОБЛЕМА ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ В КОНЦЕ 1918 — НАЧАЛЕ 1919 гг.

Начальник Французской военной миссии в Сибири — генерал Жанен был наделен Генеральным штабом Франции довольно широкими полномочиями, которые касались в первую очередь военной сферы. В России французский генерал должен был командовать не только иностранным, но и русским контингентом, а также осуществлять реорганизацию русской армии. Планы Франции были нарушены 18 ноября 1918 г. с приходом к власти адмирала А.В. Колчака. Колчак настаивал на праве российского командования иметь реальную возможность управлять армией. В тоже время адмирал признавал, что союзники могут оказать существенную помощь и предлагал определить ее условия и границы: Верховный правитель является главнокомандующим российскими военными силами на всей территории, на которую распространяется его власть; генерал Жанен должен быть назначен командующим союзными войсками в Западной Сибири и восточной России. По отношению к русскому контингенту он будет заместителем Верховного главнокомандующего; верховный правитель может временно доверить командование русскими войсками генералу Жанену, как своему заместителю. Эти положения имели мало общего с инструкциями, направленными Жанену 7 августа 1918 г., тем не менее, они стали предметом соглашения, заключенного между Омским правительством, Францией и Великобританией.

Ключевые слова: Французская военная миссия в Сибири; адмирал Колчак; генерал Жанен; гражданская война в России; Антанта; союзная интервенция

Летом 1918 г. вопрос о методах проводимой политики стран — членов Антанты в Сибири стоял довольно остро. Общее направление деятельности было определено: союзники считали необходимым начать в регионе интервенцию. В Генеральном штабе Франции отмечали, что Россия нуждается в поддержке союзников, ввиду невозможности собственными силами противостоять Германии. По этой причине французское правительство заявило о важности установления в России стабильного политического режима [Service historique de la Défense, Terre (SHD DAT) 4 N41].

Другим ключевым вопросом, подлежащим скорейшей проработке, являлась поддержка Чехословацкого корпуса (далее — Корпус), контингент которого по-прежнему находился на территории России и базировался преимущественно в Сибири. Первой о необходимости оказания безотлагательной помощи чехословацким военным высказалась Франция, ее поддержала Великобритания. В начале июля 1918 г. изменение ситуации в Сибири становится очевидным и для США. По этой причине государственный секретарь США Роберт Лансинг от имени своего правительства высказался о необходимости безотлагательного оказания контингенту Корпуса содействия в их борьбе против австро-германских сил в России. В Сибирь было решено направить войска Антанты [SHD DAT. 4 N2].

В правительстве Франции понимали, что обстоятельства требуют пересмотра принципов работы находящихся в Сибири французских представителей. В этой связи, прежде всего, стоит упомянуть о деятельности Французской военной миссии (далее — ФРАМИС, Миссия). В июле 1918 г. во Франции как раз решался вопрос о назначении в качестве её главы генерала Мориса Жанена.

Цель работы — выявить причины и обстоятельства изменений планов военного командования в Сибири в конце 1918 — начале 1919 гг., а также рассмотреть последствия такой политики.

Приступая к разработке вопроса о высшем командовании в Сибири в конце 1918 — начале 1919 гг., необходимо обратиться к исследованиям, так или иначе затрагивающим эту проблему.

В статье В. А. Толстиковой и С. В. Карлова, посвященной роли А. В. Колчака в Гражданской войне в России, факт заключения соглашения о верховном командовании упоминается лишь вскользь. При этом указано, что Жанен вступает в командование союзниками войсками, а адмирал как верховный главнокомандующий русскими силами обязан согласовывать с ним свои действия. Подобный общий взгляд на события, вероятно, вызван отсутствием задачи у авторов предметно исследовать вопрос о распределении полномочий в сфере военного командования. Бегло о новом назначении Жанена говорится также в статье А. А. Сухарева и М. А. Мараева [3] и в работе М. М. Стельмака [4].

А. В. Шмелев в своем исследовании «Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.)» уделяет обозначенной проблеме куда больше внимания. Автор считает, что главной целью союзников было установление своих порядков в Сибири, именно поэтому они не торопились признать правительство Колчака. Исследователь отмечает также, что в полученных генералом Жаненом инструкциях из Парижа, Россия была представлена лишь «объектом посторонних соглашений» [6, с. 47], а наличие власти в Сибири и на Дальнем востоке не учитывалось вовсе. Этот факт был негативно воспринят в рядах белогвардейцев [6, с. 157]. По свидетельствам А. В. Шмелева (со ссылкой временно управляющего Министерством иностранных дел Омского правительства И. И. Сукина), Жанен был крайне недоволен настойчивостью адмирала в вопросе необходимости сохранения русского командования в войсках [6, с. 47]. Автор ссылается на дневник генерала Жанена, утверждая, что тот испытывал крайнее раздражение по поводу такого положения дел [6, с. 158].

Нельзя отрицать, что Франция имела в Сибири свои интересы, но тем не менее, это не является причиной непризнания руководством Третьей республики власти Колчака. Известно, что французское правительство было готово признать Директорию, однако ее власть быстро слабела и в итоге, она была свергнута. Признать же Омское правительство, образовавшееся в результате государственного переворота, сразу Франция не могла. Для этого правительство Колчака должно было продолжительное время демонстрировать устойчивость, чего так и не произошло. Утверждение об игнорировании Францией какой-либо власти в Сибири и на Дальнем Востоке при направлении августовских директив Жанену, может являться справедливым. Тем не менее, стоит учитывать, что в июле и августе 1918 г. в этих регионах царил хаос и ни одно правительство союзниками признано не было. Кроме того, от внимания не может ускользнуть факт присутствия в исследовании Шмелева исключительно негативной оценки действий (а иногда и мыслей) генерала Жанена. Безусловно, автор в такой трактовке далеко не одинок, он делает свои выводы, в том числе ссылаясь на мнение американского историка Р. Уллмана. Тем не менее, используя

данный подход, мы рискуем получить не самую объективную картину событий. В связи с этим, несмотря на довольно глубокий анализ вопроса, исследование Шмелева не дает полного понимания ситуации и беспристрастного взгляда на проблему.

Авторы монографии «Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.», также в числе прочего обращаются к дневнику Жанена, однако интерпретация воспоминаний генерала уже иная. Генерал Жанен вовсе не настаивал на командовании русскими силами, более того, осознавая сложность ситуации, он был не против уступить эти функции другому лицу. Главным пожеланием генерала в этой связи было, чтобы командующий русской армией поддерживал порядок в ее рядах и не вносил дезорганизацию. Тем более Жанен осознавал, что значит быть непрошеным гостем на чужой земле, о чем он писал в телеграмме в Военное министерство Франции. В подтверждение незаинтересованности Жанена лезть в самую гущу событий в монографии также приводятся свидетельства члена правительства Колчака — Г. К. Гинса и члена Русского политического совещания в Париже В. А. Маклакова [1, с. 162–163]. В целом, в исследовании имеет место подробное описание изначальных функций Жанена, которые были прописаны в Инструкции от 7 августа 1918 г. Вместе с тем, в монографии присутствует детальный анализ соглашения о разделении полномочий между Жаненом и Ноксом от 23 ноября 1918 г. Рассмотрены авторами и положения приказа Колчака от 19 января 1919 г., где окончательно были закреплены функции Верховного правителя, а также генералов Жанена и Нокса. Таким образом, исследование демонстрирует вполне ясную картину происходящего. Однако, для достижения большей объективности, представляется необходимым обратиться к некоторым нюансам, возникавшим в ходе переговоров о распределении полномочий, для чего необходимо частично перевести фокус с анализа положенных заключенных соглашений на то, какими взаимоотношениями и событиями они сопровождались.

Согласно коллективной ноте союзников о действиях в Сибири, генералу Жанену должно быть поручено командование чехословацким, польским, сербским, румынским и латышским контин-

гентом. Кроме того, Жанен должен был заняться реорганизацией русской армии. На начальном этапе еще не были определены четкие условия этой реорганизации, однако было решено, что русская армия должна оставаться национальной, а все иностранные силы должны были представлять собой отдельные отряды [SHD DAT. 17 N 643].

Для выполнения перечисленных выше функций правительство Франции подготовило для Жанена необходимые инструкции. 7 августа 1918 г. Жанен получил секретную инструкцию из французского Генерального штаба, подписанную премьер-министром Франции Жоржем Клемансо и согласованную с Чехословацким национальным советом (далее — ЧНС)¹. Генерал принял на себя командование Чехословацкой армией в Сибири, во Владивостоке и в пограничных районах. Кроме того, генерал Жанен получал в прямое распоряжение французский отряд, действующий в Сибири совместно с силами союзников, а также ему подчинялся личный состав французской миссии в Сибири [SHD DAT. 6 N 232].

Согласно полученной инструкции, генерал Морис Жанен обладал рядом полномочий. В военной сфере, как указывалось выше, Жанен должен был руководить чехословацкими и французскими военными в ходе межсоюзнических военных операций. Речь шла, прежде всего, о контроле над Транссибирской железной дорогой и её защите от прогерманских элементов. По мере установления связи с чехословацкими частями, стоящими за Иркутском, генерал Жанен должен был наладить с ними контакт и выяснить ряд вопросов, начиная с их морального состояния и заканчивая материальным обеспечением. Между командованием различных эшелонов Жанену надлежало обеспечить тесное тактическое взаимодействие. Для организации чехословацких войск, их обеспечения продовольствием и снаряжением, генерал должен был обращаться за помощью к британским, американским и японским представителям в России [Ibid.]. Кроме того, Морис Жанен был призван наладить контакт с существующими в России силами, которые уже борются

¹ Главный орган политической власти чехословацкой эмиграции. Оставался в своих правах до образования органов государственной власти независимой Чехословакии в ноябре 1918 г.

против Германии, либо собираются вступить в конфликт на стороне союзников [1, с. 128].

Что касается политической сферы, генерал Жанен, руководствуясь директивами французского правительства и действуя в согласии с союзниками, должен был «участвовать в рассмотрении и решении всех вопросов, имеющих отношение к переустройству России, восстановления в ней порядка и безопасности». В этих целях генерал должен был наладить связь с руководящими органами в Сибири [SHD DAT. 6 N 232].

В финансовой сфере в обязанности генерала входило ведение точного учета денежных средств, предоставленных Францией. В частности, из этих денег Жанен должен был выделять суммы на нужды Чехословацкого корпуса.

Надеясь на японскую интервенцию, правительства союзных стран пришли к соглашению о том, что верховное военное командование в Сибири будет возложено на японского главнокомандующего союзными силами интервенции [Ibid]. В этой связи отдельно регулировался вопрос, связанный с чехословацким контингентом и французскими отрядами в Сибири. Так, чехословацкая армия признавалась автономной и находилась под командованием Жанена, который, в свою очередь, действовал согласно общим директивам от верховного главнокомандования Японии [1, с. 130]. Таким же образом дело обстояло с французскими силами интервенции, и другими союзными интервенционными отрядами. Отвечал за дисциплину в этих войсках сам генерал Жанен [SHD DAT. 6 N 232].

Инструкции, данные Жанену, в части своей были рекомендательными, и генерал во многом самостоятельно определял характер своих действий [1, с. 130]. Дело в том, что постоянно меняющаяся обстановка зачастую не предоставляла возможности своевременно получить дополнительные разъяснения из Парижа, а имеющийся у генерала опыт позволял ему действовать на свое усмотрение, но обязательно в русле общей стратегии французского правительства.

Организация работы ФРАМИС стала предметом особых поручений и была прописана в Приложении к приведенной выше

инструкции. Генерал Жанен, как глава Миссии, должен был поддерживать прямую связь с Генеральным штабом Чехословацкой армии в Париже, с военным министром, а также военными атташе России, Китая, Японии и Соединенных Штатов Америки [SHD DAT. 6 N 232].

Для реализации возложенных на него функций генералу Жанену предстояло прибыть в Россию. Жанен должен был проделать долгий путь из Франции через Америку, Японию и затем железнодорожным транспортом в Сибирь. Во время его путешествия, обстоятельства кардинально изменились [1, с. 132]. Уже к середине осени 1918 г. некоторые положения инструкции Генерального штаба Франции потеряли свой смысл.

Так, после прихода к власти адмирала Александра Васильевича Колчака 18 ноября 1918 г. уже не идет речь о реализации пункта, в котором говорилось об участии генерала в принятии решений по основным политическим вопросам в России [SHD DAT. 6 N 232]. Арест некоторых членов Директории (Временного Всероссийского правительства), равно как и передача единоличной верховной власти адмиралу Колчаку, с Жаненом согласованы не были. В этом случае французские представители могли реагировать только на последствия.

Вопрос о полномочиях остро встал сразу после переворота. Уже 19 ноября Жанен получил телеграмму от Жоржа Реньо, французского консула во Владивостоке. Реньо сообщил, что Колчак, провозглашенный Верховным правителем, испрашивал возможности воспользоваться военными силами, находящимися под управлением командира Чехословацкого корпуса и всех чехословацких и союзнических войск в России генерала Яна Сыровы. Ситуация была неоднозначной, поскольку на Урале под командованием генерала Сыровы находились не только чехословацкие, но и русские части. С одной стороны, Реньо понимал, что Франция не могла запретить русскому правительству обратиться к помощи русских же военных, с другой стороны, он желал «устраниться от посредничества чешского генерала» и от его «вмешательства в политику» [5, с. 510]. В этой ситуации Реньо счел необходимым обратиться к генералу Жанену. Генерал, сославшись на запрет президента Чехословакии

Томаша Масарика вмешиваться во внутренние дела России, рекомендовал Сыровы воздержаться от любого участия в событиях, которые могли принять вид политической борьбы [5, с. 519].

Осенью 1918 г. стало очевидно, что полномасштабная японская интервенция в Сибири не состоится, по этой причине вопрос о вышем японском руководстве союзными силами отпал. В этой связи Военное министерство Великобритании предложило перевести все силы под руководство русского командования. Франция по этому вопросу выразила категорическое несогласие, обращая внимание англичан на то, что союзные войска не могут подчиняться русской ставке, поскольку Омское правительство Антантой не признано. Великобритания с французским заявлением была вынуждена согласиться [1, с. 159].

Таким образом, в конце ноября власти Франции и Великобритании взялись за пересмотр директив, данных генералу Жанену в августе. Прежде всего, рассматривался вопрос о распределении функций между французской и английской военными миссиями. 24 ноября 1918 г. Жанен и начальник английской военной миссии генерал Альфред Нокс получили инструкции, в которых четко говорилось об обязанностях каждого. Жанену предписывалось командовать союзными и русскими войсками в Восточной России, в Сибири и на западе Байкала. К слову, еще до переговоров с Колчаком, Жанен осознавал, что Верховный правитель не оставит русские части под его командованием и эту идею, имевшую свои корни в Военном ведомстве Великобритании, считал нежизнеспособной [7, р. 19]. Генерал Нокс назначался заместителем генерала Жанена и занимал должность начальника тыла. Специально было оговорено положение британского контингента: он был подчинен британскому правительству, однако эти военные находились в оперативном подчинении генералу Жанену [Archives du Ministère des Affaires étrangères (АМАЕ). 117СРСОМ, 813].

В качестве главнокомандующего генерал Жанен мог давать общие инструкции относительно организации вновь набранных русских войск. Однако все инструкторы, как английские, так и французские подчинялись генералу Ноксу. Последний, как начальник тыла, обеспечивал войска необходимыми материалами. Отдельно

отмечалось, что поставляемое американцами и французами оборудование предназначалось не только русским формированиям, но и иностранным. Так, например, Нокса просили проконтролировать вопрос обеспечения чехословацкой армии [1, с. 160]. Любопытно, что в п. 7 инструкции о распределении полномочий указано, что генерал Морис Жанен должен был взывать к патриотическим чувствам русских и чехословацких солдат для того, чтоб они лояльно относились к выполнению генералом предписанных ему документов обязанностей. Жанен должен был убедить военных в том, что согласие с его деятельностью — это важнейшее условие союзной поддержки.

В инструкции отмечалась, что целью своей союзники ставят только помощь и они никак не хотят задеть чувства солдат и офицеров. Договоренности, которые содержал документ, признавались временными и вскоре должны были обеспечить русским возможность «летать на своих собственных крыльях» [SHD DAT. 17 N634]. Текст данной инструкции для ознакомления также был направлен Ренью [Ibid.].

Итак, несмотря на некоторую разницу во мнениях, французская и английская стороны пришли к соглашению, однако основная сложность состояла в том, чтоб убедить в важности исполнения инструкции Омское правительство.

16 декабря 1918 г. генерал Жанен и Жорж Ренью встретились с адмиралом Колчаком, который к тому моменту уже был знаком с положениями англо-французской инструкции. А. В. Колчак в резкой форме выразил свои возражения по данному вопросу [7, р. 43]. Он говорил о том, что военное командование неотделимо от политической власти, кроме того война в России — гражданская, потому русской армией не может руководить иностранец. Армия доверяла адмиралу, и, по его мнению, передача командования союзникам могла бы сломить волю солдат и офицеров. Колчак тогда был готов разделить с Англией и Францией только функцию снабжения. От союзников, по словам адмирала, требовались лишь боеприпасы и теплое обмундирование и если они не готовы все это предоставить, то русская армия могла бы просто забрать все это у врага [1, с. 162]. Жанен вспоминал, что он и Ренью вели беседу

с адмиралом в очень благожелательной манере и напоминали ему, что их целью является исключительно помощь и содействие русской армии. Генерал заявлял Верховному правителю, что он настаивает только на том, чтоб войсками руководил «дисциплинированный солдат», а сам он «охотно бы обошелся без такой чести» [7, р. 44]. Колчак, по свидетельствам генерала Жанена, был крайне эмоционален, он постоянно ссылался на действия чехословацких военных, на их вмешательство в русскую политику. Договориться тогда не получилось, а на следующий день из сторонних источников Жанену стало известно, что омский совет министров отказал в одобрении проекта союзников относительно военного командования. Тем не менее, переговоры все-таки решено было продолжить [Ibid.].

На следующей встрече Реньо предложил Колчаку рассмотреть вопрос о назначении генерала Жанена заместителем Верховного главнокомандующего. Казалось, что большого восторга у адмирала это предложение тогда не вызвало. Когда в Омск вернулся военный министр Чехословацкой Республики генерал Милан Штефаник, Жанен обратился к нему за помощью в ведении переговоров с Верховным правителем. Штефаник на встрече с адмиралом Колчаком 19 декабря 1918 г., подталкивал адмирала к принятию проекта союзников. Он говорил о желании Чехословацкой армии восстановить хорошие отношения с русскими. Не поддерживая способ прихода к власти Колчака, чехословацкая сторона, по заявлению Милана Штефаника, все-таки видела во власти Верховного правителя необходимую основу для восстановления порядка в России. Уже 20 декабря беседа проходила вполне спокойно, что было редкостью в переговорах между А. В. Колчаком и союзниками. Адмирал огласил свое решение по поводу проблемы военного командования в Сибири, где подтвердил свой основной тезис о том, что Верховный правитель должен являться и верховным главнокомандующим [7, р. 45].

Адмирал не считал возможным в столь тяжелое время отделять военную власть от политической, поэтому сообразно своему титулу он считал необходимым сосредоточить в своих руках всю реальную власть. Тем не менее, важность союзной помощи адми-

рал также осознавал и потому предложил выход из ситуации, который считал компромиссным. Генерал Жанен, по предложению адмирала, должен быть назначен командующим союзными войсками в Западной Сибири и Восточной России. Также адмирал согласился с тем, что генерал Жанен, по отношению к русской армии мог являться заместителем главнокомандующего. Колчак предположил, что Жанен мог принять командование Уральским фронтом, вместо чешского генерала Яна Сыровы [SHD DAT. 17 N 605]. В сложившихся обстоятельствах назначение генерала Жанена было скорей временной мерой. В дальнейшем Жанена предполагалось заменить русским генералом. Сразу отказаться от кандидатуры чешского генерала в пользу русского, адмирал Колчак не мог, поскольку это вызвало бы серьезные недовольства среди чехословацкого контингента, в то время как генерал Жанен пользовался доверием Корпуса [1, с. 164]. О своем решении Верховный правитель уведомил власти Франции 25 декабря 1918 г. [SHD DAT. 17 N 604].

14 января 1919 г. генерал Морис Жанен, Иван Иванович Сукин и начальник штаба фронта генерал Михаил Константинович Дитерихс составили проект соглашения о верховном командовании в Сибири и на востоке России [7, р. 61–62]. Соглашение о командовании войсками было подписано 16 января 1919 г. В документе Жанен признавался представителем верховного межсоюзного командования. Кроме того, Жанен должен быть осведомлен обо всех проектах и планах русского генерального штаба и военного министерства. За генералом закреплялось право давать общие директивы по предстоящим военным операциям, а также утверждать приказы по подчиняющемуся ему контингенту. В целях обеспечения единства действий русских и союзных войск, Жанен был полномочен осуществлять общий контроль на фронте и в тылу. Основными задачами генерала Нокса являлось курирование вопросов (совместно с Жаненом) обеспечения войск необходимыми материалами, а также подготовка русских войск в тылу [1, с. 164].

Несмотря на то, что Верховный правитель не уставал подчеркивать тот факт, что Жанен не командовал русскими войсками, а временно исполнял обязанности главнокомандующего [АМАЕ. 117СРСОМ, 813], после подписания соглашения о высшем

командовании, генерал действительно находился в контакте с русской Ставкой, Военным министерством и лично адмиралом [7, р. 70].

В подтверждение можно привести некоторые телеграммы, направленные генералу Жанену. 21 января 1919 г. Жанену для сведения был представлен доклад начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала Дмитрия Антоновича Лебедева. В докладе среди прочих предложений по урегулированию ситуации говорилось о необходимости «привести в боеспособный вид все союзные войска. Части небоеспособные немедленно расформировать» [SHD DAT. 17 N624]. Имелась ввиду реорганизация уже существующих чехословацких, польских, румынских и югославских частей. Впрочем, копии шифрованных телеграмм с информацией о положении на фронте, направлялась Жанену и в том случае, если о союзных отрядах и вовсе не упоминалось [Ibid.].

15 января 1919 г. генерал Морис Жанен, согласно распоряжению генерала Штефаника, был назначен командующим чехословацкой армией в Сибири. В документе было сказано, что в отсутствие военного министра в Сибири, командование чехословацкими войсками необходимо поручить человеку, который пользуется доверием нации. Штефаник остановился на кандидатуре генерала Жанена, поскольку он поддерживал чехословацкую армию как во Франции, так и в России. Важным генерал Штефаник считал и то, что Франция первой признала суверенитет Чехословакии. Военный министр постановил, что «генерал Жанен будет осуществлять при посредничестве главнокомандующего Чехословацкой армии в России и независимо от представителя Чехословацкой республики верховное руководство [...] армией» [5, с. 582–583].

18 января 1919 г. генерал Штефаник направил Жанену телеграмму, в которой было сказано, что Ян Сыровы отныне должен командовать только чехословацким войском и в своих действиях подчиняться Жанену [5, с. 586]. Наделив генерала Жанена всеми необходимыми полномочиями, Штефаник направился в Прагу. За политическую сферу в Сибири ответственен был руководитель политического отдела чехословацкого военного министерства Богдан Павлу [5, с. 585–586].

В целом, генерал Жанен отмечал, что подписание соглашения о верховном командовании и декрет Штефаника во многом конкретизировали функции ФРАМИС [7, р. 66].

Жанен вспоминал также, что к началу марта 1919 года деятельность ФРАМИС приняла более или менее определенный вид. Представители Миссии были при каждом иностранном военном формировании. Они рассчитывали бюджет, изучали положение дел на месте, следили за состоянием железной дороги [7, р. 101].

Основными целями работы Миссии тогда являлись:

- 1) Помощь в организации русских войск в Сибири и их снабжение на средства, выделенные правительством Франции.
- 2) Командование союзными контингентами в России и Чехословацким войском в соответствии с полученными ранее инструкциями. Поддержка чехословацкой армии осуществлялась также при помощи кредитов из Франции [7, р. 98].

Тем не менее обстоятельства, с которыми Жанен столкнулся в Сибири не позволяли в точности придерживаться инструкций. Весной 1919 г. отношения между русскими властями и союзниками осложнялись еще и тем, что у японцев, которые и американцев были разные взгляды на множество вопросов. Кроме того, как отмечал Жанен, Сибирь была враждебна к правительству адмирала Колчака, что подтверждалось все более частыми волнениями в Омске и его окрестностях. Во Владивостоке также было не спокойно. Генерал считал, что давать советы Российскому правительству становилось все более бессмысленным занятием, поскольку помешать совершению политических и военных ошибок, растрат и взятки было невозможно. Жанен указывал также, что политика Омского правительства косвенно повлияла и на охлаждение местного населения к Миссии [7, р. 99–101]. В связи с крайне простой ситуацией и невозможностью исполнять многие директивы, Жанен часто просил уточнения позиции официального Парижа, ждал более детальных инструкций [SHD DAT. 17 N604]. Однако это редко приносило какие-то плоды, а к сентябрю 1919 г. правительство Франции и вовсе предпочло устраниваться от многих проблем ФРАМИС в Сибири, давая несвоевременные и очень общие директивы [5, с. 697–698].

Говоря об обстановке, в которой проходило заключение соглашения о распределении полномочий между Колчаком и союзниками, стоит отметить, что она практически всегда была накаленной, на что есть ряд причин. С одной стороны, перспектива делить управление армией с иностранцами не коррелировалась с планами командования Верховного правителя и оскорбляла его патриотические чувства, с другой, избирая манеру ведения диалога Колчак как будто не учитывал тот факт, что помощь союзников была ему во многом необходима. Отношения между Омским правительством и союзниками (особенно это касается Жанена) почти сразу не сложились. Вопрос также осложнялся конфликтом между Омским правительством и Чехословацким корпусом, которым Жанен руководил. Колчак относился к чехословацкому контингенту с плохо скрываемой неприязнью, что не мешало ему прибегать к их содействию в охране Транссибирской магистрали. Чехословацкие военные, в свою очередь, довольно резко отреагировали на способ прихода адмирала к власти.

Что касается требований Колчака о верховном командовании в армии, то они представляются абсолютно ожидаемыми и во многом закономерными. Маловероятно, что при всей взятой на себя полноте власти, Верховный правитель согласился бы передать командование иностранцу. Однако не будем забывать, что все-таки и сам генерал, понимая обстановку и предполагая дальнейшее ее развитие, не жаждал обладать военной властью в Сибири. Таким образом, становится ясным, что вопрос высшего военного командования в Сибири не решался одномоментно, это целый комплекс переговоров и предварительных договоренностей, которые имели место в течение как минимум двух месяцев. В то же время проблема абсолютно точно не лишена личностного фактора, который сыграл немалую роль в достижении тех или иных договоренностей.

Список литературы

1. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / отв. ред. А. Ю. Павлов. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 705 с.

2. Карлов С. В., Толстикова В. А. Адмирал А. В. Колчак и его роль в Гражданской войне // Молодёжь Сибири — науке России. материалы международной научно-практической конф. 2018. С. 254–262
3. Мараев М. А., Сухарев А. А. Деятельность Чехословацкого корпуса в Западной Сибири (1918–1920 гг.) // *Aus Sibirien* — 2017. Научно-информационный сборник. Тюменский государственный университет. 2017. С. 122–124.
4. Стельмак М. М. Газета «Правительственный вестник» и формирование образа Великобритании и Франции как союзников Сибирской контрреволюции (конец 1918 г. — начало 1919 г.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 2 (40). С. 39–44.
5. Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы в 2 тт. Т. 2. / Под ред. А. Н. Артизова и др. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.
6. Шмелёв А. В. Внешняя политика адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.
7. Janin M. *Ma Mission en Sibirie 1918–1920*. Paris: Payot, 1933. 307 p.

Feskova Ekaterina,

Saint-Petersburg State University of Economics, Russia. Senior Lecturer

THE FRENCH MILITARY MISSION IN SIBERIA AND THE PROBLEM OF MILITARY COMMAND IN LATE 1918 — EARLY 1919

The head of the French military mission in Siberia, General Janin, was endowed by the General Staff of France with rather broad powers, which primarily concerned the military sphere. Russian general had to command not only the foreign, but the Russian contingent, as well as to reorganize the Russian army. The plans of France were disrupted on November 18, 1918 with the coming to power of Admiral Kolchak. Kolchak insisted on the right of the Russian command to have a real opportunity to control the army. At the same time, the admiral recognized that the Allies could provide substantial assistance and offered to define its conditions and boundaries: the Supreme Ruler is the commander-in-chief of the Russian military forces throughout the territory over which his authority extends; General Janin should be appointed commander of the allied forces in Western Siberia and Eastern Russia. Russian contingent, he will be the Deputy Commander-in-Chief; the Supreme ruler may temporarily entrust the command of the Russian troops to General Janin, as his deputy.

These provisions had little in common with the instructions sent to Janin on August 7, 1918, nevertheless, they became the subject of an agreement concluded between the Omsk government, France and Great Britain.

Keywords: French military mission in Siberia; Admiral Kolchak; Supreme Ruler of Russia; General Janin; civil war in Russia; Triple Entente; allied intervention

РУССКИЕ МОРЯКИ НА ЮГЕ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.: ЛЮДИ, МЕХАНИЗМЫ, ИНСТИТУТЫ, СООБЩЕСТВА¹

В начале 1920-х гг. города юга Франции стали одним из центров русской военно-морской эмиграции. В рамках данной статьи показаны предыстория контактов российских государственных и военно-морских структур с военной и городской администрацией городов южной Франции (Марсель, Тулон), которые обусловили направление этой эмиграции и облегчили условия адаптации в регионе русских военных моряков уже в роли эмигрантов. Автором проанализированы основные аспекты военно-морского сотрудничества в изучаемый период, показаны основные институты этого взаимодействия не только в военном, но также и в социокультурном аспектах.

Ключевые слова: русско-французский альянс, русско-французское сотрудничество, военно-морские офицеры, Франция, Тулон, русские места памяти, русские эмигранты.

Военно-морское сотрудничество России и Франции с конца 1850-х до середины 1910-х гг. претерпело различные периоды не только активного взаимодействия, но и спада в зависимости от меняющейся внешнеполитической и экономической ситуации. В качестве примера такого сотрудничества может послужить взаимодействие русских государственных и военно-морских структур с крупнейшей базой французского флота в г. Тулон. Особенно эффективным это сотрудничество было в сфере военного кораблестроения и использования Россией французских военно-морских баз в Средиземном море для обучения гардемарин, стоянки и ремонта русских кораблей [1, с. 125–134]. В начале XX века с подписанием военно-морской конвенции 1912 г. альянс получил документальное оформление и новые перспективы для развития, о чем свидетельствует визит российской делегации офицеров Морского Генерального штаба в Тулон в июне 1914 г.

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-09-00081 А «Старое русское морское офицерство после 1917 г.: сплошное просопографическое исследование».

Политическое и военно-техническое сотрудничество с недавним противником по Крымской войне оказалось одной из тех мер, которые позволили России восстановить собственный военно-морской флот уже на новом техническом уровне, а также приобрести опыт строительства, ремонта и эксплуатации современных кораблей в диалоге с французскими бизнесменами, кораблестроителями, гражданскими и военными моряками.

Данное сотрудничество, в свою очередь, имело далеко идущие последствия, сказавшись, помимо всего прочего, с одной стороны, на формировании геополитического союза (Entente cordiale), с другой стороны, на низовом уровне, на формировании определенной страты людей (чиновники, предприниматели, инженеры, офицеры), задействованных в данном русско-французском сотрудничестве.

Центры строительства новых кораблей для русского флота становились точками кристаллизации упомянутого сообщества. Сложилась определенная институция людей, имевших опыт регулярных визитов, поездок, стажировок во Францию, деловых контактов, знания людей и обстановки. Эта преемственность взаимоотношений сохранялась в годы Первой мировой войны и революционных событий в России. Моряки-эмигранты Русской эскадры, покинувшие Родину после поражения в Гражданской войне, избрали для себя местом компактного проживания тот самый регион, который был им хорошо знаком.

Поразительно быстро организованное переселение, размещение, адаптация на новом месте, быстрое и эффективное налаживание связей русской общины с местной гражданской и военной администрацией, а также с правительственными учреждениями свидетельствует, на наш взгляд, о том, что упомянутая выше институция действительно существовала и проявляла себя в конкретных действиях. Следует заметить, что дипломатические учреждения Российской империи, расположенные в этом регионе, продолжали действовать в интересах русской диаспоры до середины 1920-х гг.² Таким образом, можно говорить не только о преемст-

² Генеральное консульство Российской империи в Марселе, Императорские консульства в Тулоне.

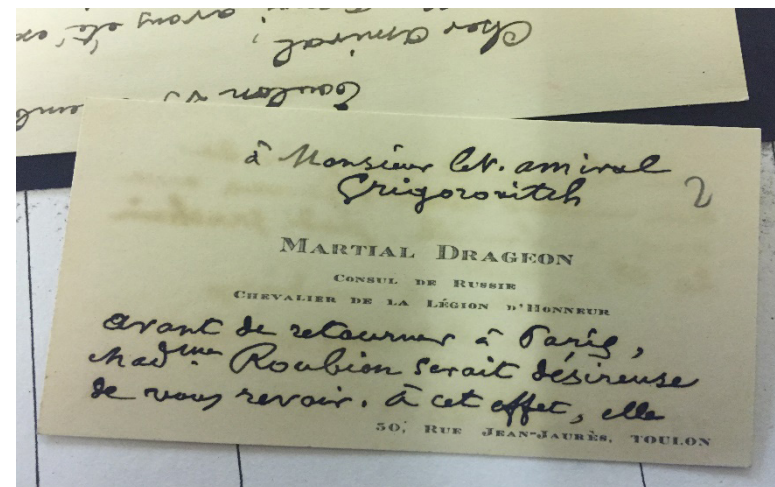

Рис. 1. Визитная карточка консула России Марциала Драгона с автографом.

[Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5903. Оп.1. Д. 44. Л. 2]

венности связей и отношений, но и о существовании устойчивого сообщества, не только индивидов, но и организаций.

С конца 1950-х гг. XIX в. в Тулоне постоянно функционировало русское Императорское консульство, расположенное на улице Жан-Жорес, дом 50. Консульские службы активно участвовали во франко-русских морских делах (встреча судов, административные вопросы, переписка с морской префектурой), а также обеспечивали визовое обслуживание иностранных пассажиров, выезжающих в Россию³.

В годы Первой мировой войны двустороннее сотрудничество России и Франции, опиравшееся на уже богатый опыт взаимодействия в военной сфере, обрело новые формы. В 1914–1918 гг.

³ Некоторые документы, касающиеся истории российского Императорского консульства в Тулоне, хранятся в архиве Военно-исторической службы Министерства обороны Франции в Тулоне (SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 6. Carton 310; Série 2D. Sous-série 10. Carton 21) и в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р5903. Оп.1. Д. 44, 527).

тулонская городская агломерация входила в состав XV военного округа. Военно-морская база и Арсенал стали базой военно-морских сил союзников в Средиземном море; через тулонский рейд прошли десятки военных кораблей, их экипажей и пассажиров, будь то французские комбатанты, союзники или гражданские лица в составе делегаций (дипломаты и журналисты). На верфях тулонского пригорода Ля Сейн-сюр-Мер французские и китайские рабочие участвовали в строительстве и ремонте не только военных судов, но и железнодорожных вагонов [9, р. 30–33]. После начала Первой мировой войны российские корабли продолжали заходить в порт Тулона. Французские кораблестроители занимались ремонтом и переоснащением российских военных судов: установка артиллерийского и минометного вооружения, ремонт пушек, проведение артиллерийских испытаний.

В городе функционировали 14 временных военных госпиталей, среди которых был и русский госпиталь в Ля Сейн-сюр-Мер [7, р. 22]. Занявший помещения пансионата Сент-Мари, госпиталь, рассчитанный на 550 коек и имевший собственную операционную, получил статус дополнительной больницы № 4. 7 января 1917 г. первые раненые русские солдаты прибыли в Ла-Сейн. 10 марта 1917 г. тулонский еженедельник «Le Petit Var» опубликовал заметку о преобразовании дополнительного военного госпиталя № 4 в Русский госпиталь: «Императорское общество Красного Креста под председательством Его Величества Императрицы решило создать госпиталь для лечения офицеров и солдат русской армии, прибывающих с Востока (sic — М.Р.). Выбор пал на пансионат Сент-Мари» [6].

Госпиталем руководил главный врач Петр Павлович Белавенец⁴; по данным муниципального архива, к госпиталю были

⁴ Белавенец Петр Павлович (1871 г., г. Смоленск — 1939 г., г. София.). Хирург. Окончил медицинский факультет Московского университета (1903 г.) Защитил докторскую диссертацию при лаборатории Н. П. Кравкова в Военно-медицинской академии (1897 г.) С 15 мая 1898 г. работал земским врачом в с. Борисовщина Духовского уезда Смоленской губернии. С 1 февраля 1901 г. младший врач 178-го пехотного полка в г. Либаве, на 15 февраля 1902 г. там же вольнопрактикующий врач. На 1 мая

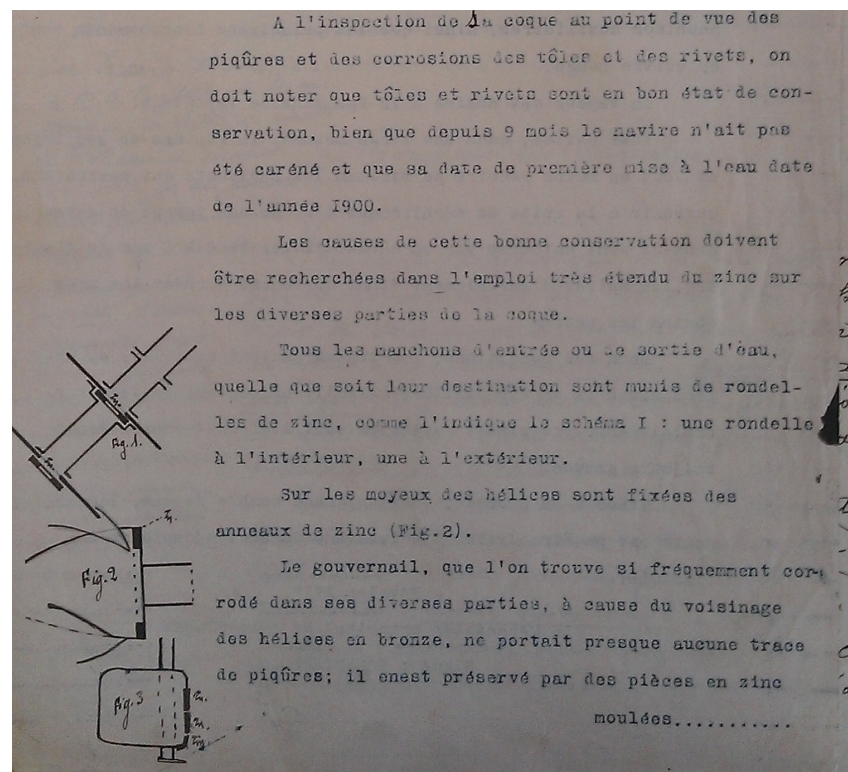

Рис. 2. Докладная записка французского механика Бурникара о состоянии корпуса крейсера «Аскольд» с предложениями по ремонту, 1916 г. [Service Historique de la Défense de Toulon, Série 2D, Sous-série 10, Carton 21]

1908 г. амбулаторный врач Александровской больницы в Санкт-Петербурге. Доктор медицины. Коллежский советник. Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну — врач в Русском экспедиционном корпусе во Франции в 1916–1918 г. Участник Белого движения. В Болгарии с 1920 г. Работал вместе с женой, сестрой милосердия, Евгенией (род. в Санкт-Петербурге) в Приюте для увечных и престарелых воинов в с. Шипка. С 1929 г. они работали в Княжевском медицинском околотке, рядом с г. София. В 1938 г. был директором Русского инвалидного дома в Княжево.

прикомандированы четыре доктора, фармацевт, два офицера для решения административных вопросов, переводчик, семнадцать медсестер и семьдесят четыре медбрата, все русские [7, р. 23]. Госпиталь в Ля Сейн предназначался для лечения русских офицеров и солдат 2-й специальной бригады (3 и 4 полка) и 4-й специальной бригады (7 и 8 полка) Русского экспедиционного корпуса, которые сражались вместе с союзниками против болгар и австро-турок после подписания императором Николаем II в мае 1916 г. специального протокола о взаимодействии. Всего триста тридцать шесть русских солдат и офицеров, доставленных с передовой, были госпитализированы здесь, из них семьдесят два человека скончались от ран и инфекционных болезней и были похоронены на военном кладбище в Ля Сейн [7, р. 24].

Кроме того, при необходимости лечение в госпитале в Сент-Мари проходили русские моряки, офицеры военных транспортов и коммерческих судов, находящихся на рейде в Марселе. Так, в своем письме-обращении на имя капитана 1-го ранга В. И. Дмитриева, военно-морского агента в Париже, помощник капитана парохода «Императрица Екатерина Вторая» Кирилл Эммануилович Желадов сообщил, что в ноябре 1917 г. проходил лечение в русском госпитале в Ля Сейн, находится на реабилитации, и через генерального консула просил посредничества в переписке с французскими властями в Марселе по выплате ему суточных денег [ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 81. Л. 111–111об.].

Отдельной и весьма важной формой сотрудничества двух стран стали стажировки и служба офицеров флота в морских префектурах Тулона, Марселя и Бреста, а также наем русских экипажей. Прежде всего необходимо отметить, что практика организации служебных командировок по обмену опытом появилась в 1900 г. по инициативе французской стороны. Как установила в своей работе исследовательница М. Авис-Анун, французские офицеры-стажеры направлялись в армейские корпуса или училища для сбора сведений о русской армии [3, р. 425–434]. Первоначально поездки носили частный характер, но с 1908 г. французским военным, приезжающим в командировки в Россию, стало выплачиваться жалование.

Первые достоверные сведения о стажировках русских офицеров военно-морского флота относятся к 1911 г. Так, в специальной депеше, адресованной морскому префекту Тулона, вице-адмирал Ля Брис, начальник Генерального военно-морского штаба Франции, сообщал, что русский «капитан 1 ранга Весёлкин, командир крейсера “Бородино”, получил разрешение на пребывание в течение трех-четырёх дней на борту крейсера “Париж”, прибывающего в Ля Сейн. Командиру корабля Весёлкину, который у себя в стране является членом Морского технического комитета, поручено изучить повседневные условия жизни на борту» [SHD Toulon. Série D 1. Sous-série 2. Carton 99]. Автор депеши также специально отмечал, что профессиональные интересы русского капитана никак не затрагивают вопросов, связанных с судовой артиллерией и организацией боевых учений.

Отдельной плодотворной формой сотрудничества следует считать наем русских морских офицеров и экипажей на французскую службу. По данным документов, сохранившихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, в 1918–1919 гг. для прохождения службы в различных административных подразделениях военно-морских сил Франции были направлены пятьдесят шесть русских моряков. Так, согласно приказу от 16 августа 1918 г., лейтенант Любимов поступал в распоряжение морского префекта Тулона, а лейтенант Смиренский должен был предстать перед начальником отряда тральщиков в Марселе.

В 1919 г. с целью обеспечения взаимодействия с командованием французского Оккупационного корпуса в Константинополе была создана Русская военно-морская база. После крымской эвакуации специалисты базы занимались вопросами размещения и сохранности русских кораблей в Константинополе, наймом экипажей, использованием русских судов французскими и турецкими властями. Для работы в штабе Оккупационного корпуса нанимались русские морские офицеры, выполнявшие функции переводчиков и секретарей-делопроизводителей; они считались поступившими на французскую службу и получали жалование от властей Оккупационного корпуса [SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Cartons 61–62].

Наем русских экипажей практиковался не только в Константинополе, но и в других портах пребывания русских кораблей военного и торгового флота. О практических аспектах данного сотрудничества мы можем судить по документам из коллекции Государственного архива Российской Федерации. В своем письме-рапорте, адресованном военно-морскому агенту в Париже, командир парохода «Чихачёв» сообщал, что специальным распоряжением морского министра все русские корабли, находящиеся на марсельском рейде, были «переведены под французский флаг. <...> Офицеры остались, плюс офицеры с “Екатерины”, вернувшиеся из отпуска. Живут на берегу. <...> Начальник Морского штаба в Марселе заявил мне, что я и мои офицеры, а также и механики с парохода “Императрица Екатерина II”, все, давшие свое согласие оставаться на французской службе и на французских условиях, будут находиться в запасе на берегу со следующим месячным жалованием: капитану — 600 франков, старшему офицеру — 350 франков, 2-му офицеру — 250 франков, старшему механику — 500 франков, 2-му механику — 350 франков, 3-му механику — 300 франков, 4-му механику — 250 франков, радио-телеграфисту — 200 франков и с суточными каждому по 8 франков в день. <...> Отношение Марини всегда было к нам, морякам, самое великолепное и желательно было бы, чтобы оно таковым и оставалось...» [ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 81. Л. 156–157]. Как правило, русские экипажи нанимались на небольшие новые пароходы, совершавшие регулярные маршруты. Впоследствии некоторые русские корабли торгового флота были куплены известной транспортной компанией «Messageries Maritimes», выполнявшей пассажирские перевозки [Chambre de Commerce et d’Industrie de Marseille. Série L. Journaux de campagnes d’Odessa, d’Affon, de Jérusalem]. Компания также практиковала наем русских экипажей, имевших репутацию квалифицированных и грамотных специалистов.

Как уже было упомянуто во введении к данной статье, в регионе стали появляться памятные места, связанные с пребыванием русских военных. К таким местам относятся, прежде всего военные некрополи в Ля Сейн и Сен-Мандрие. Могилы 31 солдата и офицера Русского экспедиционного корпуса находятся на спе-

циальном участке сейнского городского муниципального кладбища: «Квадрат 11. Русско-французский военный мемориал». Мемориал был создан в 1922 г. по инициативе городских властей и при участии регионального отделения французской Ассоциации ветеранов Великой войны. Все русские могилы были украшены уникальными литыми крестами в виде шпаги (так называемые «русские кресты») и табличками с гравировкой «Mort pour la France» («Погиб за Францию»). Кладбище сильно пострадало от бомбардировок в годы Второй мировой войны, однако «русский угол» сохранился. В 1999 г. была проведена реконструкция данного участка кладбища, обветшавшие могильные памятники прошлого века были заменены новыми, современными и типовыми (Рис. 3) [5].

Рис. 3. Русский военный некрополь, Ля Сейн-сюр-Мер, 2016 г.⁵

Некрополь в Ля Сейн не единственный в регионе, где были похоронены русские военные, участники Первой мировой войны. Русские могилы присутствуют также и на кладбище центрального военно-морского госпиталя в Сен-Мандрие. Здесь, на линии «G»,

⁵ Фото из личного архива автора.

покоятся останки 18 русских воинов, павших за Францию: 17 солдат Русского экспедиционного корпуса и 1 морской офицер [8].

Важно отметить, что о местонахождении данных объектов русской воинской славы и памяти было хорошо известно представителям общины русских эмигрантов, сформировавшейся в Тулоне к концу 1920-хх гг. [2, с. 405–418], о чем свидетельствуют соответствующие архивные документы. Согласно выписке из протокола заседаний Церковного совета русской церкви Воскресения в Тулоне от 13 мая 1937 г., прихожане заботились об организации ежегодной панихиды на русском военном кладбище в Ля Сейн: «Отслужить в воскресенье 16 мая в 4 с половиной часа. Сбор у церкви, выше пристани...» [Archives Paroissiales de l'Église. Procès-verbaux des réunions du Conseil de l'administration. 1937].

Подводя итоги, необходимо отметить, что военно-морское сотрудничество России в сфере военного кораблестроения, обучения и стажировок офицеров стало одной из важных и результативных граней русско-французского альянса второй половины XIX — начала XX вв. Вместе с тем, помимо развития и укрепления отношений исключительно в военной области, важно отметить формирование в регионе южной Франции определенной социальной структуры, связанной с постоянным пребыванием здесь русских военных моряков, и поддерживаемой, с одной стороны, русскими дипломатическими учреждениями, а с другой регулярными контактами русских военных моряков с французскими коллегами и местным населением. К началу 1920-х гг. в регионе уже сформировалось культурное пространство русских мест памяти, связанное с событиями и последствиями Крымской и Первой мировой войн. Русские морские офицеры, прибывшие в начале 1920-х гг. в такие южно-французские города как Тулон и Марсель, показали себя прекрасно осведомленными об истории русско-французских контактов в военно-морской сфере, о содержании сотрудничества в данной сфере, о наличии целой сети функционирующих русских дипломатических учреждений в этом регионе и тех самых русских памятных местах.

Список литературы

1. Рудковская М. М. Русско-тулонское военно-морское сотрудничество второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 125–134.
2. Рудковская М. М. Русская эмигрантская община в Тулоне в 1920–1930-х годах: формирование и состав // Научный диалог. 2018. № 12. С. 405–418.
3. Avicé-Hanoun M. Les relations stratégiques franco-russes de 1892 à 1914. Thèse de doctorat. Paris, 2001. P. 425–434.
4. Archives de la Chambre de Commerce et d'Industrie de Marseille. Série L. Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem.
5. Domange Y. Les croix-épées dites russes des monuments aux morts des communes du canton de Reigner // <https://www.la-salevienne.org> (дата обращения 05.12.21).
6. Le Petit Var. Le 10 mars. 1917.
7. Marcellesi D. Soins des malades et des blessés à La Seyne: institution de la Sainte-Marie et l'hôpital russe // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. № 15. P. 22–24.
8. Pelliyard J.-F., Extraits militaires russes des archives de l'hôpital de Saint-Mandrier. Tapuscrit. Toulon, 2005. 30 p.
9. Regnard C. Les travailleurs chinois de la Grande Guerre — l'exemple de la Seyne-sur-Mer // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. № 15. P. 30–33.

Margarita Mikhailovna Rudkovskaya,

PhD in History, Associate Professor, Department of Political Economy and History of Economic Science, Russian University of Economics, Moscow, Russia.

**RUSSIAN SAILORS IN THE SOUTH OF FRANCE
IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY:
PEOPLE, MECHANISMS, INSTITUTIONS, COMMUNITIES**

In the early 1920s, the cities of southern France became one of the centers of Russian naval emigration. This article shows the background of contacts between Russian state and naval structures with the military and city administrations of cities in southern France (Marseille, Toulon), which determined the direction of this emigration and facilitated the conditions for adaptation in the region of Russian sailors already in the role of emigrants. The author analyzes the main aspects of naval cooperation in the period under study, shows the main institutions of this interaction in military and socio-cultural aspects.

Keywords: French-Russian Alliance, French-Russian naval cooperation, naval officers, France, Toulon, Russian places of memory, Russian emigrants.

**НАБЛЮДЕНИЕ SÛRETÉ GÉNÉRALE ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
«СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ ФРАНЦИИ» И «СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ВО ФРАНЦИИ» В 1925–1929-х гг.¹**

В статье рассмотрена деятельность двух организаций — «Союза русских рабочих Франции» и «Союза советских граждан во Франции», образованных русскими эмигрантами в Париже. Данные объединения действовали с 1925 по 1929 гг. и являлись одними из наиболее многочисленных союзов русских эмигрантов. Автор статьи анализирует заявленную членами союзов цель создания объединений и их деятельность и сопоставляет эти данные с материалами наблюдения сотрудников Sûreté Générale. Также автор анализирует источники финансирования союзов, их связь с посольством СССР и приходит к выводу, что, находясь под покровительством посольства СССР, члены союза помогали компатриотам в решении насущных проблем, выделяли им денежные ссуды, развивали их интеллектуальную культуру и стремились поспособствовать их возвращению в Россию. В статье сделан вывод о том, что данная деятельность являет собой пример мягкой и культурной пропаганды в пользу Советского союза в попытке вернуть эмигрантов на родину. Кроме того, доказано, что данная активность была нацелена только на русских эмигрантов и не посягала на внутреннюю политику Франции. Автор заключает, что сотрудники Sûreté Générale стремились найти в деятельности союзов действия пропагандистского характера, нарушавшие внутреннюю безопасность страны. Однако таких действий не было найдено, а наблюдение за рядом членов союза, проверки их документов и репатриация революционно настроенных русских граждан спровоцировали сокращение членов союзов, что в конечном итоге привело к их распаду.

Ключевые слова: «Союз русских рабочих Франции»; «Союз советских граждан Франции»; Sûreté Générale; русская эмиграция.

Октябрьский переворот и Гражданская война стали причиной массового отъезда русских граждан с территории бывшей Российской империи. Отчаявшиеся беженцы покидали родину в поисках

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

нового места для жизни. Различными путями они достигали европейских стран, в частности Франции, где осела значительная часть русской эмиграции. В 1920–1930-х гг. во Франции проживало от 70 до 150 тысяч русских граждан [10, с. 241]. Эта страна и главным образом ее столица Париж стали культурным центром русской эмиграции.

История постреволюционной русской эмиграции привлекала внимание многих специалистов. Интерес к этой теме возник не случайно. Это масштабное явление выступает не только частью истории России, но и историей Франции, и в то же время является страницей истории франко-русских/франко-советских отношений межвоенного периода. Исследователи обращались к таким проблемам, как правовое положение русских эмигрантов во Франции в 1920–1930-х гг. [4, 6, 7, 1], место бывшего русского дворянства, перебравшегося во Францию из России [8]. Изучены также такие темы, как создание и функционирование разных профессиональных и культурных объединений, образованных русскими эмигрантами во Франции [9, 12]. Также некоторыми историками были написаны обобщающие труды в целом по историографии русской эмиграции [10], что являлось значительным вкладом в изучение всех аспектов, касающихся этой темы.

Многочисленная русская диаспора во Франции была представлена всеми классами и слоями российского общества. Русские консульства до и после признания СССР Францией в 1924 г. защищали интересы бывших русских подданных. Сотрудники консульств подтверждали сведения о гражданском состоянии эмигрантов, заверяли их документы, способствовали получению ими виз, вида на жительство и отстаивали их право на труд [9, с. 259]. Но нередко прибывшие во Францию эмигранты, не дожидаясь помощи от своих местных представительств, пытались самостоятельно адаптироваться к новым реалиям их жизни и даже стремились оказывать помощь своим компатриотам. С этой целью они создавали объединения русских эмигрантов.

Во Франции в 1920–1930-х гг. была образована масса союзов русских эмигрантов. Например, это были «Комитет помощи русским эмигрантам», «Красный крест», «Общество помощи русским

беженцам» [9, с. 259], белоэмигрантский «Всеобщий союз бывших русских борцов во Франции», Казачий союз и многие другие. Особенно заметными были объединения, образовавшиеся по профессиональной принадлежности их членов. Так, например, существовали союзы шоферов, фармацевтов, адвокатов, учителей и т. д. Подобные профсоюзы нередко объединяли несколько сотен человек [9, с. 264–267], но иногда число членов таких союзов достигало и тысяч. Так, например, во Франции с 1925 по 1929 гг. функционировали два довольно заметных по количеству членов союза, которые назывались «Союз русских рабочих Франции» («Union des ouvriers russes en France») и «Союз советских граждан Франции» («Union des citoyens soviétique en France»).

Важно отметить, что любое объединение, в том числе и союзы эмигрантов, независимо от цели их создания должны были регистрироваться в префектуре местного департамента. Такое требование являлось обязательным в соответствии с законом об ассоциациях от 21 июля 1901 г. Данный закон разрешал создание любых общественных организаций, при условии регистрации их в префектуре департамента, сообщении об их названии, цели, адресе места нахождения и сведения об руководящих ими персонами [13]. Однако нередко даже зарегистрированные организации становились объектом наблюдений местных органов правопорядка, поскольку подозревались в осуществлении действий, нарушающих внутреннюю безопасность Франции. В первую очередь это касалось объединений, лояльно настроенных к советской власти. В данной статье нам бы хотелось продемонстрировать на примере «Союза русских рабочих Франции» и «Союза советских граждан Франции» как французские службы безопасности проводили наблюдение и контроль за деятельностью подобных объединений в 1925–1929-х гг.

Пролить свет на цели создания и функционирование «Союза русских рабочих Франции» и «Союза советских граждан Франции» позволяют документы по их деятельности, хранящиеся в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции. Материалы представляют 1331 лист отчетов, рапортов и записок, подготовленных Sûreté Générale на имя министра иностранных дел

Франции [Service historique de la Défense / Terre (SHD/T). 7 NN. 2119]. Однако нужно сказать, что название данного дела не имеет и намека на то, что содержит сведения по деятельности во Франции каких-либо большевистских организаций. Название дела звучит как «Дело французского коммуниста Жака Садуль»². В материалах дела действительно присутствуют документы, касающиеся активности Ж. Садуля в 1918–1919 г. в Советской России, но это лишь 459 листов дела. Кроме того, имеются сведения по подозрению ряда персон в шпионаже в пользу нацистской Германии в 1939 г. (около 111 листов). Остальная же часть указанного дела посвящена деятельности двух упомянутых нами ранее организаций — «Союза русских рабочих во Франции» и «Союза советских граждан Франции». Отметим также, что Ж. Садуль не имел отношения к деятельности указанных союзов, но, тем не менее, был членом Коммунистической партии Франции (ФКП), активно выступал на конференциях, организованных ФКП [Archives Nationales (AN). F.7.16004.2. Le Prefet de la Vienne à monsieur le Ministre de l'Intérieur (Direction de la Sûreté Générale). Paris, 1 mars 1926] и ARAC³ [AN. F.7.16004.2. Prefet à Intérieur Sûreté Générale et Cabinet. Paris, 19 février 1927] в поддержку коммунистического движения. Сотрудники Sûreté Générale наблюдали за активностью всех персон, пропагандирующих коммунизм, а также за пробольшевистскими организациями, соответственно, «Дело французского коммуниста Жака Садуль» было сформировано как попытка Sûreté Générale найти связь между прокоммунистической деятельностью Ж. Садуля и деятельнос-

² Жак Садуль (1882–1956) — капитан Французской военной миссии, представитель международного коммунистического движения. «Дело французского коммуниста Жака Садуль» числится в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции под шифром SHD/T 7NN2013. Рассматриваемое нами одноименное дело представляет собой дополнительный том и числится под шифром SHD/T 7NN2119.

³ Association républicaine des anciens combattants (Республиканская ассоциация ветеранов) — объединение, созданное в 1917 г. В межвоенный период ассоциация была крупной организацией ветеранов левого крыла, выступавших за республиканские идеалы свободы, равенства, братства и за мир и солидарность между народами.

тью «Союза русских рабочих во Франции» и «Союза советских граждан Франции». Эти материалы представляют особый интерес, потому как ранее исследователи, занимавшиеся деятельностью общественных организаций русских эмигрантов, опирались преимущественно на данные отечественных архивов и не привлекали материалы французских служб безопасности.

Источники, посвященные активности «Союза русских рабочих во Франции» и «Союза советских граждан Франции» включают в себя собранные префектурой Парижа сведения, касающиеся деятельности этих объединений в период с сентября 1925 г. [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 573] по 20 декабря 1929 г. [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 107] Документы свидетельствуют о том, что 18 февраля 1925 г. в Париже был основан «Союз русских рабочих во Франции» и под этим названием он просуществовал до декабря 1928 г. Организация была зарегистрирована и существовала в соответствии с законом от 21 июля 1901 г. [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 325–328]. Известно также, что с 23 декабря 1928 г. этот союз стал именоваться как «Союз советских граждан Франции»⁴ и под этим названием просуществовал до конца 1929 г. Кроме того, некоторые члены указанных союзов были членами как союза рабочих, так и союза советских граждан, что дает нам основания полагать, что это одна и та же организация, существовавшая с 1925 по 1929 гг. под двумя названиями.

Бюро союза с начала его функционирования находилось в Париже по адресу Версинжетори (Vercingetorix) д. 11., где члены союза занимали двухкомнатное помещение, предоставленное им «Союзом кооперативов» (Union des Cooperatives) [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 325–328] с годовой арендной платой в 600 франков. С 1 января 1926 г. офис организации был переведен на улицу Шато (Chateau) д. 111, затем с декабря 1926 г [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 878]. находилась по адресу Драгон (Dragon) д. 32. Исходя из собранных префектурой Парижа материалов следует, что официальная и заявленная членами союза цель — «защищать экономические интересы своих

⁴ Иногда в документах встречается более полное название союза как «Союза советских граждан Франции и сочувствующих» («Union des citoyens soviétique en France et des sympathisants»)

членов, заботиться об их трудоустройстве и помогать им в случае необходимости» [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 745]. Необходимость в защите интересов действительно существовала, поскольку в целом среди иностранцев, в том числе и русских эмигрантов, был довольно высок процент безработицы [1, с. 170]. Однако источники свидетельствуют о том, что в российских монархических и умеренных кругах, а также в кругах бывшего дипломатического представительства Российской империи союз рассматривался как большевистская организация [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 156]. Соответственно, не все русские эмигранты рассматривали деятельность этой организации как исключительно экономическую и трудовую помощь compatriотам. Кроме того, члены союза заявляли о своих намерениях создать курсы французского языка для русских эмигрантов, открыть библиотеку и читальный зал, проводить лекции и, наконец, издавать периодический бюллетень на русском языке [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 325–328]. Эти намерения были воплощены в жизнь, но они также выходят за рамки защиты экономических и трудовых интересов сограждан, а являются попыткой членов союза развивать интеллектуальную культуру compatriотов.

Отметим, что в материалах по деятельности ФКП, хранящиеся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), также имеются сведения о «Союзе русских рабочих во Франции». Согласно этим документам союз «был создан с целью объединения признавших Советскую власть русских рабочих во Франции, а также всех симпатизирующих новому режиму» и «прежде всего союз ставил цель развить свою деятельность среди рабочих и крестьян, прибывших во Францию в качестве солдат экспедиционного корпуса, военнопленных из Германии и солдат белой армии». Существование данного союза было необходимым, чтобы не допустить попадания русских эмигрантов под влияние «белых» организаций. Просвещение русских эмигрантов также проводилось не с проста и проводилось для того, чтобы «впоследствии [эмигранты] смогли бы стать полезными и активными гражданами» [РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 467. Л. 87].

В то же время Sûreté Générale также располагала сведениями о целях союза. Из этих данных следует, что цель «Союза русских

рабочих во Франции» заключалась в том, чтобы «сплотить русских рабочих и убедить их присоединиться к своей стране» [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 745], а деятельность данной организации «в основном посвящена коммунистической пропаганде среди русской рабочей колонии из Парижа» [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 506]. Это объясняет причины наблюдения и контроля за деятельностью союза, со стороны Sûreté Générale. Сотрудники службы стремились найти в деятельности союза пробольшевистскую пропаганду, которая могла нарушать внутреннюю безопасность страны.

Преследуя заявленную при регистрации объединения цель, участники союза регулярно проводили собрания для своих членов. Встречи проходили два раза в неделю: вечером во вторник и днем в воскресенье [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 506]. В ряды организации принимались все желающие, но обязательным для всех вступающих в союз было одно условие — признать Советскую власть [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 248]. Количество участников союза с 1925 по 1929 гг. варьировалась. Своего максимума оно достигло к 1927 г. и составило по данным Sûreté Générale около 1200 членов [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 699] из 20 000⁵ россиян, проживающих во Франции [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 835]. Такое количество членов в рядах одной организации — довольно большая цифра, свидетельствующая о ее масштабности. Но, отметим, что в полной мере члены союза, судя по всему, никогда не собирались. В материалах дела присутствуют подробные отчеты о каждом собрании союза, и составитель каждый раз предоставлял данные о приблизительном количестве присутствующих на собраниях. Эти данные варьировались от 15 [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 748] до 200 человек [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 834] на собраниях, а на мероприятиях, организованных союзом, количество присутствующих составляло до 800 человек⁶.

⁵ Реальное количество русских граждан, проживавших в 1927 г. на сегодняшний день довольно спорный вопрос, поскольку в историографии существуют споры о завышенном и заниженном количестве русских граждан во Франции. Некоторые исследователи приводят данные о 30 000–43 250 русских эмигрантов только в Париже в середине 1920-х гг. [11, с. 21].

⁶ Так, например, на мероприятии по случаю годовщины Октябрьского переворота в 1925 г., количество пришедших составляло 800 человек [14, р. 326].

Однако и на мероприятиях могли присутствовать не только члены союза, но и в целом заинтересованные в мероприятии или в его тематике. Это наталкивает на мысль о том, что членство в союзе часто могло быть номинальным, нежели реальным.

Материалы, собранные *Sûreté Générale*, также свидетельствуют о том, что «Союз русских рабочих во Франции» был создан по инициативе посольства СССР и получал от него директивы и финансирование [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 745]. По мнению сотрудников правопорядка руководитель союза назначался консульством СССР в Париже, действовал под его прикрытием [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 157], а собрания членов объединения нередко проходили под контролем посольства СССР [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 601]. Кроме того, сотрудники *Sûreté Générale* полагали, что поскольку союз являлся неофициальным органом посольства СССР, ответственным за проведение коммунистической пропаганды [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 698], для этой цели посольство СССР выделяло союзу денежные средства [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 740].

Посольство СССР действительно контролировало деятельность союза, по крайней мере оставляло за собой контроль над тем, что на собраниях говорят его члены. Так, один из членов организации С. Соколовский поведал на собрании союза 27 марта 1928 г., что посольство СССР сообщило ему, что французская полиция узнала о том, что другой член союза М. Муравьев позволил себе критиковать французскую политику. Кроме того, Соколовский добавил, что посольство упрекнуло его в том, что он не смог помешать Муравьеву выступить с оскорбительными для Франции высказываниями [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 737]. А в силу того, что со стороны СССР безусловным было желание сохранить недавно налаженные дипломатические отношения между двумя странами, посольство СССР стремилось не допускать подобных инцидентов, поэтому контроль за высказываниями и деятельностью членов организации безусловно был.

Как было отмечено ранее, цель союза заключалась в помощи компатриотам, проживающим во Франции. Бюро «Союза русских рабочих во Франции» располагало некоторыми финансовыми средствами. Эти средства были собраны преимущественно

за счет вступительных и ежемесячных взносов его постоянных членов (3 франка — вступительный взнос и по 2 франка ежемесячно) [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 573]. С целью увеличения средств в кассе организации, некоторые его члены высказывались за то, чтобы увеличить вступительный и ежемесячный взносы до 5 и 3 франков соответственно. Однако такое решение не было принято, поскольку члены союза высказались, что повышение взносов может помешать набору новых членов [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 248]. Кроме того, организация действительно получала финансирование от посольства СССР во Франции, но эти средства шли отнюдь не на проведение коммунистической пропаганды. Эти денежные ссуды распределялись среди наиболее нуждающихся российских рабочих [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 869]. Однако денежные средства выделялись не регулярно или с задержками. Подобная ситуация произошла, например, в связи со сменой главы посольства СССР во Франции (отъезд Х. Раковского и заступление на должность нового полпреда В. Довгалецкого) [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 740]. Бывало также, что денежное финансирование заменялось материалами просветительного характера. Так, например, был случай, когда полпреду СССР Х. Раковскому были предоставлены союзом сведения о безработице среди русских рабочих, но вместо финансовой поддержки члены организации получили кинематографические фильмы о Советской России, чтобы с помощью демонстрации заинтересованным лицам этих фильмов, получить средства от продажи билетов и направить их в фонд помощи безработным [SHD/T. 7 NN. 2119, р. 871].

Нужно отметить, что финансовая поддержка со стороны посольства СССР была не только редким явлением, но и довольно скоро прекратилась. Это было связано с тем, что в 1927 г. возникли осложнения во взаимоотношениях между Францией и Россией. Летом 1927 г. посол Франции в СССР Ж. Эрбетт, вернувшись в Москву после краткосрочного отзыва «для консультаций», заявил, что франко-советские отношения могут подвергнуться угрозе, если будет продолжаться отправка денег из Москвы французским коммунистам [3, с. 453]. Новому полпреду СССР во Франции В. Довгалецкому также был дан приказ не заниматься делами советских рабочих организаций, в частности «Союза русских рабочих

во Франции». По этой причине полпред не появлялся на встречах и не выделял никаких субсидий [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 687].

В этой связи отметим, что в союзе наблюдалась постоянная нужда в денежных средствах не только для осуществления помощи русским гражданам во Франции, но и даже на нужды самого союза. Это вынуждало его членов искать всевозможные пути для получения средств. Чаще всего эта проблема решалась за счет организации праздничных мероприятий. Мероприятия были приурочены к празднованию значимых в СССР праздников или годовщин. Так, например, организовывались годовщины смерти В.И. Ленина [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 269, 846], создания Красной армии [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 219, 757], свершения Октябрьского переворота [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 746], а также художественно-кинематографические вечера [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 761], экскурсии по окрестностям Парижа [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 157, 803] и многие другие встречи. Собранные средства на подобных мероприятиях были вполне внушительными. Так, например, праздник, устроенный в начале февраля 1926 г. принес прибыль в 6000 франков [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 261], а праздник, организованный месяцем раньше, имел цель «*получить средства, необходимые для аренды помещения в штаб-квартире*» [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 861]. Любопытно, что на подобных мероприятиях разыгрывались среди участников лотереи, также нацеленные на сбор средств [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 298], и даже членами союза изготавливались на продажу (5 франков) красные значки с серпом и молотом, предназначенные для ношения в петлице [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 249]. Подобные мероприятия и дополнительные способы получения средств давали свои результаты и позволяли союзу не только окупать свои нужды, но и оказывать поддержку безработным согражданам.

Нередко на встречах и организованных союзом праздниках присутствовали и выступали представители СССР во Франции. Так, например, на встрече 20 февраля 1926 г. первый секретарь полпредства СССР в Париже Н. Тихменев выступил с докладом на тему «Высшие школы в России до революции и сегодня»; на празднике, организованном по случаю годовщины Октябрьского переворота в 1926 г, присутствовал и выступал с поздравитель-

ной речью Генеральный консул СССР в Париже Отто Христианович Ауссем [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 889]; на собрании 28 октября 1928 г. поэт В. Маяковский выступал с докладом на тему «Современная советская литература», после чего зачитал несколько своих стихотворений [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 661]. Кроме того, на организованные союзом мероприятия приглашались русские артисты, проживающие во Франции. Однако отметим, что не всегда приглашенные артисты были готовы выступать на подобных мероприятиях, поскольку опасались, что, оказав, таким образом, поддержку большевистской организации, они могли спровоцировать репрессии со стороны «белых» россиян [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 861].

В 1927 г. во Франции сохранялись антикоммунистические настроения [2, с. 66] и была проведена репатриация наиболее революционно настроенных русских граждан в СССР, поскольку проводимая ими пропагандистская деятельность посягала на внутреннюю безопасность страны. Летом 1927 г. репатриация в Россию составила 1300 человек [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 792]. Конечно же, среди репатрированных были не только те, кто был насильно выслан, но были и те, кто выразил свое искреннее желание вернуться в Россию. Но, тем не менее, среди репатрированных были и члены большевистских организаций. В связи с этим к июню 1927 г. активность членов союза значительно снизилась из-за опасений, что французские власти могут принять меры по принудительному возвращению их участников в Россию [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 807]. Также наблюдалось снижение количества участвующих в еженедельных встречах. Члены союза, опасаясь пострадать, как и репатрированные, больше не платили членские взносы. Лишь небольшая часть членов посещала собрания [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 792], но большинство членов, опасаясь за себя, покинули ассоциацию и, если в 1927 г. союз насчитывал 1200 членов, уже спустя год, количество его членов сократилось до 700 человек [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 699].

Год спустя на собрании 3 июня 1928 г. председатель союза Б. Фомин заявил, что необходима вербовка новых членов. Для этого он предлагал организовывать прогулки, экскурсии и даже пикники, то есть встречи, преимущественно на открытом воздухе, чтобы не вызывать подозрений со стороны французских служб.

Предполагалось, что на такие встречи члены группы могли бы приглашать своих друзей и товарищей. Подобный пикник состоялся 1 июля и вызвал всеобщее удовлетворение [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 687], очевидно, по причине необычного формата встречи. Однако даже после организации союзом подобных досуговых мероприятий массового притока новых членов не последовало.

При анализе материалов, собранных Sûreté Générale, не встречается данных о проведении членами «Союза русских рабочих во Франции»/«Союза советских граждан Франции» каких-либо действий, нарушающих внутреннюю безопасность Франции. На собраниях ораторы высказывались о том, что они не стремятся приглашать своих соотечественников присоединиться к французским революционным организациям, таким как ФКП и унитарные союзы, а также что они не хотят вмешиваться во французскую политику, а лишь стремятся побудить россиян вернуться в свою страну [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 699] и развивать интеллектуальную культуру рабочего класса [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 143]. Кроме того, союз не позиционировал себя как революционная организация и большинство членов организации не стремились проводить пропагандистскую деятельность. В 1926 г. были даже отстранены от участия в собраниях нескольких членов союза (Майер, Гришин, Рабинов, Шор [РГАСПИ Ф. 517. Оп. 1. Д. 467. Л. 82]) за их революционный настрой [РГАСПИ Ф. 517. Оп. 1. Д. 467. Л. 88].

Однако сотрудники Sûreté Générale полагали, что подобными заявлениями члены союза стремятся отвлечь внимание французских властей и им известно, что они прославляют русскую революцию и ее лидеров, убеждают своих коллег-французских рабочих активизировать революционные действия во Франции. Кроме того, органы правопорядка полагали, что силами союза была создана служба русских рабочих корреспондентов, работающих на французских заводах, которые собирали сведения о душевном состоянии французских рабочих, о забастовках, их причинах и последствиях и после передавали эти сведения в посольство СССР [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 698–699]. Подобного рода сведения сотрудники Sûreté Générale получали за счет наблюдения за деятельностью некоторых наиболее активных членов союза. Так, например, объектами

преследований становились те, кто входил в состав комитета организации (секретарь союза А. Мокеев [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 331], казначей Г. Спивак [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 333], член комитета Б. Капорин [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 334], член контрольной комиссии союза Ж. Стенчев [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 402] и некоторые другие). Но сохранившиеся данные содержат лишь краткие биографические справки членов союза, когда они прибыли во Францию, их семейное положение и род деятельности, что дает основания полагать, что обвинения членов союза в пропагандистской деятельности были беспочвенными.

Кроме того, подобные обвинения основывались на анонимных отчетах для Sûreté Générale, содержащих довольно подробные сведения о том, что обсуждалось членами союза на каждом собрании. Это наталкивает на мысль, что среди членов союза были двойные игроки, наблюдавшие изнутри за деятельностью объединения. Сами члены союза также подозревали, что среди них есть шпионы. На собрании 7 марта 1929 г. было решено, что необходимо провести расследование, чтобы выявить тех, кто шпионит в пользу белых организаций или тех, кто получает зарплату от французской полиции. Для этого была назначена комиссия, в которую вошли трое членов: Н. Смирнов, Д. Дроздов и Бронштейн, которым было поручено вычислить имена этих агентов, узнать их адреса, адреса их работодателей, а также имена тех, кого они посещали [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 133]. Однако удалось или нет комиссии вычислить таких шпионов, источники умалчивают.

В 1929 г. сотрудники Sûreté Générale не ограничивались только подозрениями и сбором дополнительной информации о некоторых членах союза. На встрече 18 июня 1929 г. пришедшие пожаловались, что после встречи 16 июня они подверглись проверке документов полицией [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 143]. Из-за подобных наблюдений и проверок со стороны представителей закона, многие члены союза боялись присутствовать на собраниях и к концу 1929 г. стало заметным начало распада «Союза советских граждан Франции» [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 792]. В связи с проверками и подозрениями Sûreté Générale союза в противоречащих французскому законодательству действиях, члены организации приняли

решение не организовывать временно никаких собраний или экскурсий [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 116]. Несколько позже встречи были возобновлены, однако члены союза по-прежнему воздерживались от явки на собрания, опасаясь применения административных мер. Тем не менее, руководители союза не теряли надежду на новый рост членов организации и полагали, что количество человек, которые будут присутствовать организованном союзом празднике по случаю нового года, будет стремиться к 500 персонам [SHD/Т. 7 NN. 2119, р. 744]. Однако последнее собрание союза, зафиксированное сотрудниками Sûreté Générale, было датировано 20 декабря 1929 г. Это дает основания полагать, что «Союз русских рабочих во Франции»/«Союз советских граждан Франции» больше не проводили встречи и прекратили свою деятельность, по крайней мере под этими названиями.

Резюмируя, отметим, что по материалам наблюдения сотрудников Sûreté Générale за деятельностью «Союза русских рабочих во Франции»/«Союза советских граждан Франции» нами проанализировано существование в 1925–1929 гг. одного из масштабных по количеству членов объединения русских эмигрантов во Франции. Находясь под покровительством посольства СССР, члены союза ставили перед собой цель помогать в решении насущных проблем и просвещать компатриотов, для чего организовывали еженедельные встречи и массовые мероприятия. Подобным образом членами организации собирали денежные средства для помощи нуждающимся согражданам, развивали их интеллектуальную культуру и стремились поспособствовать их возвращению в Россию. На наш взгляд, данная деятельность являет собой пример мягкой и культурной пропаганды в пользу Советского союза в попытке вернуть эмигрантов на родину. Однако данные меры были нацелены исключительно на русских эмигрантов и не посягали на внутреннюю политику Франции. Деятельность союза была объектом наблюдения Sûreté Générale, которая стремилась в ней найти действия пропагандистского характера, нарушавшие внутреннюю безопасность страны. Однако таковых действий не было найдено, как и не было оснований прекратить деятельность Союза русских рабочих во Франции»/«Союза советских граждан Франции».

Но, тем не менее, наблюдение за рядом членов союза, проверки документов и репатриация революционно настроенных русских граждан спровоцировали сокращение членов союза, что в конечном итоге привело к его распаду.

Список литературы

1. Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 161–176.
2. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 29 июля — 9 августа 1927 г. Документы и материалы: в 2 кн. Книга 1. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 617 с.
3. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 29 июля — 9 августа 1927 г. Документы и материалы: в 2 кн. Книга 2. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 705 с.
4. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. М.: НЛО, 2014. 328 с.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 517. Оп. 1. Д. 467.
6. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сб. документов и материалов / сост., публ., введение, примечания, биографический комментарий, именной указатель З.С. Бочарова). М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.
7. Русские во Франции. Справочник / под ред. В. Ф. Зеелера. Париж: Сарач, 1937. 86 с.
8. Урядова А. В. Из истории Союза русских дворян во Франции // Россия и Франция: XVIII–XX века / Ин-т всеобщ. Истории РАН. М.: Наука, 1995. С. 323–336.
9. Хитрова Е. В. Русская диспора во Франции ф период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 257–281.
10. Хитрова Е. В. Русская эмиграция во Франции 20–40-х годов в исторической литературе // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3 М.: Наука, 2000. С. 241–252.
11. Хрисанфов В.И., Турыгина Н. В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 3. С. 17–27.

12. Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne: L'âge d'homme, 1995. 281 p.
13. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association // Digithèque de matériaux juridiques et politiques. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/france/1901association.htm>.

Bespalova Ksenia,

Junior Researcher, Laboratory of Traditional Archeography, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).

**SÛRETÉ GÉNÉRALE'S OBSERVATION OF THE ACTIVITIES
OF THE UNION OF RUSSIAN WORKERS OF FRANCE
AND THE UNION OF SOVIET CITIZENS IN FRANCE
IN THE 1925–1929s⁷**

The article examines the activities of two organizations — the “Union of Russian Workers of France” and the “Union of Soviet Citizens in France”, formed by Russian emigrants in Paris. These associations operated from 1925 to 1929, and were one of the most numerous Russian emigrants. The author of the article analyzes the stated purpose of the union members and their activities and compares this data with the observation materials of the Sûreté Générale employees. The author also analyzes the sources of financing of the unions, their connection with the embassy of the USSR and comes to the conclusion that, being under the auspices of the embassy of the USSR, the members of the union helped the compatriots in solving pressing problems, allocated their monetary loans, developed their intellectual culture and sought to facilitate their return to Russia ... The article concludes that this activity is an example of soft and cultural propaganda in favor of the Soviet Union in an attempt to return emigrants to their homeland. In addition, it has been proven that this activity was aimed only at Russian emigrants and did not encroach on the internal policy of France. The author concludes that the Sûreté Générale employees sought to find propaganda actions in the activities of the unions that violated the internal security of the country. However, such actions were not found, and the observation of a number of union members,

⁷ The research is sponsored by a grant of the Russian Science Foundation, Grant 20-78-10014 “From Entente to Pact: French-Russian/French-Soviet relations during the period of 1890–1930s”.

document checks and the repatriation of revolutionary-minded Russian citizens provoked a reduction in union members, which ultimately led to their disintegration.

Keywords: “Union of Russian Workers of France”, “Union of Soviet Citizens of France”, Sûreté Générale, Russian emigration

А.А. Вершинин

«В МОЕМ ЛИЦЕ ВЫ ИМЕЕТЕ УБЕЖДЕННОГО СТОРОННИКА ФРАНКО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ»: ШАРЛЬ АЛЬФАН, ПОСОЛ ФРАНЦИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (1933–1936 гг.).¹

Статья посвящена деятельности французского дипломата Шарля Альфана на посту посла Франции в Советском Союзе в 1933–1936 гг. Он принадлежал к той группе французской военно-политической элиты, которая в начале 1930-х гг. доказывала необходимость сотрудничества с СССР в качестве противовеса растущей германской угрозе. В ходе своей работы в Москве Альфан делал ставку на создание плотной сети контактов между СССР и французскими военно-политическими и деловыми кругами, пытаясь при этом отодвинуть на второй план конфликтные вопросы. Особое внимание Альфан уделял перспективе первоочередного развития военных и торгово-экономических связей, однако в силу ряда обстоятельств она осталась нереализованной в полной мере. Успехом посла стало заключение советско-французского пакта о взаимопомощи в мае 1935 г., однако его предложения по углублению сотрудничества вплоть до формирования двустороннего альянса не были воплощены в жизнь.

Ключевые слова: Альфан; Литвинов; Барту; советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г.

Советско-французское сближение в 1930-е гг. достаточно подробно исследовано в историографии. Ему посвящены специальные работы отечественных [1, 5, 6], французских [4, 10, 17, 24], англо-американских историков [8, 20, 23]. В них уделено большое внимание генезису политики коллективной безопасности на фоне роста военной угрозы в Европе, изменению курса советской дипломатии, переговорам о заключении в 1935 г. пакта о взаимопомощи между двумя странами. Вместе с тем в тени остается целый ряд важных проблем, без освещения которых общая картина советско-французских отношений накануне Второй мировой войны остается неполной. Так, малоизученным остается весь комплекс личных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20–78–10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»)

контактов между советскими и французскими представителями по вопросу о возможности углубления политического взаимодействия. В трудах А. Баша [7], Ф. Гельтона [18, 19], Э. дю Рео [22] показан ход консультаций, шедших при участии группы французских военных, лоббировавших сотрудничество с Красной Армией. Освещено и отношение советской стороны к этим переговорам. Однако практически не исследована работа французских дипломатов в Москве, которые, начиная с 1933 г., были активно вовлечены в процесс качественной перестройки двусторонних отношений. Одной из наиболее ярких фигур среди них является посол Франции в СССР в 1933–1936 гг. Шарль Альфан.

Его фигура плохо известна историкам. Биографические справочники сообщают, что Альфан родился в 1879 г., обучался в школе живых восточных языков и в 1902 г. поступил на службу в министерство иностранных дел, где занял пост личного секретаря министра Теофиля Делькассе. В 1922 г. входил в состав французской делегации на Генуэзской конференции, в 1930 г. занял пост посла Франции в Ирландии, в 1932 г. стал руководителем кабинета главы правительства и министра иностранных дел Эдуарда Эррио. В 1933–1936 гг. был послом Франции в СССР, а затем — в Швейцарии. Скончался в 1942 г.² Альфан, таким образом, не принадлежал к первому ряду французских дипломатов, в его послужном списке не было высоких постов в главных мировых столицах: Дублин и Берн к их числу, очевидно, не относились.

Сам Альфан признавал, что «не является “дипломатом карьеры” в настоящем смысле этого слова, поскольку он почти всю свою жизнь провел на внутренней работе во Франции» [2, с. 415]. Вместе с тем, он обладал рядом качеств, которые оказались уместны именно в ходе его миссии в Москве. Военный атташе Франции в СССР полковник Эдмон Мандра, близко знавший Альфана, писал: «Это был представительный человек, в каждом движении которого чувствовалась воля. Он знал жизнь, но всегда сохранял добродушие, умел внушить симпатию, обладал практическим чувством

² Alphan, Charles // <https://francearchives.fr/findingaid/555e45c2d747b246d09a29e40497803c0aa15e60>; Monnier V. Charles-Hervé Alphan // <https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/028504/2002-06-14/>

и развитой интуицией, искусством вести переговоры в самой сложной ситуации, мог касаться самых острых проблем так, как будто речь и о них вовсе не шла, если хотел — мог сбить с толку и привести собеседника к нужному выводу самыми окольными путями» [7, р. 25].

Альфан был близок к политикам-левоцентристам Жозефу Поль-Бонкуру и Э. Эррио, и выбор его фигуры для отправки в Москву имел вполне конкретные причины. В начале 1933 г. советско-французские отношения находились на распутье: политическое потепление явно опережало развитие практических связей. В Москве с 1924 г. находился французский посол, но дипломаты, занимавшие эту должность, до сих пор мало способствовали укреплению отношений между двумя странами. Жан Эрбетт, являвшийся послом до 1931 г., проделал впечатляющую эволюцию от вполне лояльно настроенного дипломата до яркого противника советской власти, в своих отчетах открыто писавшего о скором вторжении Красной Армии в Европу с ее последующей советизацией [9]. Его отношения с наркоматом по иностранным делам (НКВД) под занавес пребывания в Москве испортились настолько, что простые коммуникации между СССР и Францией оказались парализованы. Присланный на замену Эрбетту в 1931 г. граф Франсуа Дежан не смог изменить ситуацию и, по собственному признанию, оказался в Москве в ситуации изоляции [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 122.].

В конце 1932 г. созрели благоприятные условия для углубления отношений между Москвой и Парижем. Левоцентристский кабинет Эррио в ноябре подписал с СССР пакт о ненападении. Тогда же полным ходом шли переговоры об обмене военными атташе. В Париже сформировалась узкая, но достаточно активная группа сторонников качественного улучшения отношений с Москвой. Ее возглавлял подполковник Жан де Латтр Тассиньи, офицер штаба командующего сухопутными силами генерала Вейгана. Помимо него к ней принадлежали будущий военный атташе полковник Мандра и бизнесмен Робер Кероль. Извне ее поддерживал член Палаты депутатов, левоцентрист Анатолий де Монзи [19]. Альфан

непосредственно к ней не принадлежал, однако через ряд лиц был знаком с де Латтром. Вероятно, его назначение в Москву не случайно совпало с выбором кандидатуры Мандра как военного атташе — им предстояло работать рука об руку для улучшения двусторонних отношений.

В ходе своей первой встречи с председателем Совета народных комиссаров В. М. Молотовым Альфан заявил: «[В моем лице Вы имеете] убежденного сторонника франко-советского сближения» [2, с. 415]. Однако какие конкретные цели и задачи стояли перед ним в Москве? Судя по документам, он обладал определенной автономией: послу предстояло сориентироваться на месте и понять, какие вопросы имели приоритет в двусторонней повестке. Во многом это было связано с тем обстоятельством, что к моменту официального назначения нового посла (март 1933 г.) его патрон Эррио, инициировавший сближение с Москвой с французской стороны, находился уже не у власти. Поль-Бонкур, занявший министерский кабинет на Кэ д'Орсэ, также был настроен в пользу развития диалога с СССР, но тогдашний глава совета министров Эдуард Даладьё вел достаточно осторожную политику. Зимой-осенью 1933 г. он не терял надежд на соглашение с Германией в рамках международной конференции по разоружению в Женеве или в формате «пакта четырех», инициированного Италией [22, р. 105–115]. В подобной ситуации системное сотрудничество с Москвой на повестке дня не стояло: оно могло лишь ограничить поле для маневра, имевшееся в распоряжении французской дипломатии. Как опубликованные, так и архивные документы МИД Франции не содержат в себе следов каких-либо подробных инструкций, которые мог бы получать Альфан. Они свидетельствуют скорее об обратном: в первые месяцы своего пребывания в Москве посол сам определял основные направления возможного сотрудничества между двумя странами.

По его мнению, начинать следовало с политики «малых дел». Обсуждать широкие перспективы будущего взаимодействия не имело смысла в то время, когда в Париже отсутствовало сколько-нибудь четкое видение места и роли СССР в архитектуре европейской безопасности. Именно в больших вопросах сильнее всего

сказывались идеологические противоречия между двумя режимами и, обсуждая их, можно было легко зайти в тупик. В то же время «малые дела» могли дать многое. В ходе первых же встреч с московскими собеседниками (наркомом по иностранным делам М. М. Литвиновым и его заместителями, председателем Совета народных комиссаров В. М. Молотовым) Альфан сделал акцент на проблемах военного сотрудничества и развития торгово-экономических связей [2, с. 411–416].

В военной сфере режим максимального благоприятствования для атташе полковника Э. Мандра мог сломать лед недоверия между двумя армиями, что само по себе означало многое: именно военные в Париже выступали одними из главных скептиков по поводу перспектив сотрудничества с СССР. Кроме того, развитие военных контактов могло стать первым шагом к проникновению французских технологий и капитала в советскую промышленность, транспорт, инфраструктуру. Этому же способствовала бы и активизация торговли, что имело, помимо прочего, серьезную политическую составляющую: Москва традиционно ставила этот вопрос на одно из первых мест в своих отношениях с западными странами, а упадок советско-французской торговли в начале 1930-х гг. рассматривался советским руководством как важнейший аспект двусторонней повестки дня. В случае снятия барьеров для свободного торгового обмена свои дивиденды получили бы и французские производители, в 1933 г. в полной мере ощутившие на себе влияние мирового экономического кризиса. Первоочередное значение, по мнению Альфана, имело заключение постоянного торгового договора.

В политической плоскости инициативы посла выглядели достаточно скромно. В конце сентября по горячим следам визита в СССР Эррио и министра авиации Франции П. Кота, который, по мнению Альфана, произвел в Москве благоприятное впечатление, он предлагал французскому правительству формально присоединиться к конвенции об определении агрессии, разработанной народным комиссариатом по иностранным делам (НКВД) в 1933 г. [4, с. 41]. Этот «символический жест политического сближения и личного удовлетворения для Литвинова» не требовал серьезно-

го разворота французской политики и вполне вписывался в логику локального порядка. Вкупе с развитием торгового и военного сотрудничества он, по словам Альфана, «давал удобную с моральной точки зрения возможность создать новое равновесие сил, способных обеспечить нашу безопасность и гарантировать мир» [Archives du Ministère des Affaires Etrangères (AMAE). Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 960. Alphand à la Ministère des Affaires Etrangères, le 28 septembre 1933].

Альфан, в целом, верно определял корень советско-французских проблем — колоссальное взаимное недоверие. И если в случае с Советским Союзом количество людей, которых требовалось убедить, исчислялось несколькими десятками, то во Франции предстояло работать с широкими кругами элит и общественным мнением. В беседах с советскими дипломатами он сразу расставил точки над «и»: «Даже несмотря на происшедший перелом, отношениями с СССР в Париже занимаются очень мало. Он ставит одной из своих основных задач именно заинтересовать влиятельные круги во Франции проблемой отношений с СССР... Рапортами ничего не достигнешь, Их почти никто не читает. Другое дело — устные беседы очевидца... дело не только в самых крупных людях.. Нужно учитывать личные интересы не только отдельных парламентариев, но часто и их клиентов. Иногда здесь те или другие дела кажутся маленькими и незначительными, однако при французских порядках они имеют большое значение. Заинтересованные лица воздействуют на парламентариев, а парламентарии — на правительство» [2, с. 416]. Советские колебания, связанные с большой текучестью французской политической жизни и частой сменой правительств, Альфан пытался снять, убеждая советских визави в том, что если дело советско-французского сближения завоеует популярность у средней бюрократии и парламентариев, то ни одна смена кабинета не сможет поменять заданный вектор.

Конечной целью Альфана являлось максимально способствовать «расширению международных отношений между Советским Союзом и другими странами». Интеграция СССР в мировое сообщество, недавно начавшаяся в рамках политики М. М. Литвинова, должна была пойти по французскому пути. Эта задача, вероятно,

являлась магистральной для всей просоветской группы во французских верхах. Буквально о том же в своих отчетах писал Мандра: Франция, по его мнению, должна была заменить собой Германию в качестве ключевого партнера России в Европе [Service Historique de l'Armée de Terre (SHAT). 7N3121. Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine, 20 octobre 1933]. Германия вообще достаточно эпизодически фигурировала в ходе переговоров Альфана на протяжении первых месяцев его пребывания в Советском Союзе. Он делал акцент на советско-французском сотрудничестве как самоценности, не указывая, против кого оно направлено. При этом он, конечно, отдавал себе отчет в том, что весь замысел его миссии связан с ростом германской угрозы. Однако ставить вопрос открыто, означало переходить на политический уровень, затрагивать те самые «крупные линии», чреватые разногласиями. «Мягкое» вовлечение Москвы во французские механизмы влияния могло сделать всю работу постепенно, к тому же до октября 1933 г. фактор опасности гитлеровской политики в Париже в полной мере не осознавался [17, р. 59].

Таким образом, у Альфана имелась достаточно подробная программа работы в Москве. Насколько успешно он смог ее реализовать? В 1933–1934 гг. посол активно работал над развитием военных связей совместно с полковником Мандра, и многое здесь было сделано: впервые в рядах Красной Армии стажировались французские офицеры, развивались контакты в военно-технической сфере. Однако уже в конце 1933 г. стало понятно, что здесь существуют труднопреодолимые препятствия субъективного характера. Альфан принял активное участие в организации обмена военно-морскими миссиями, которые должны были изучить судостроительное дело, соответственно, в СССР и Франции. Он рассчитывал на то, что именно здесь можно найти ту основу, которая станет фундаментом для будущего сближения: французское судостроение испытывало на себе тяжелые последствия мирового кризиса, а советский военно-морской флот отчаянно нуждался в технологиях. Фактически, именно посол наряду с Мандра и являлся инициатором всего проекта военных обменов. Успеха, в конечном итоге, добиться не удалось. На высшем уровне в Париже для плана, сформулиро-

ванного Альфаном, не нашлось лоббиста. В результате советских моряков не допустили на те объекты, которые были обозначены в предварительном соглашении, что было воспринято в Москве как попытка обмана. В свою очередь советская сторона до последнего отказывалась принимать у себя французских моряков, подозревая их в работе на спецслужбы [Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. За. Д. 500. Л. 128–133].

Быстро забуксовала и деятельность по развитию торгово-экономических отношений. Здесь источником проблемы стала позиция французского правительства. Альфан постоянно указывал на особую значимость торгового вопроса для советской стороны и настаивал на ускоренном заключении постоянного торгового соглашения вместо временного, подписанного в январе 1934 г. [11, р. 735–737]. Посол указывал на особое значение разработки программ кредитования для развития торговли и настаивал на принципиальном решении долгового вопроса с учетом советских пожеланий. Альфан никогда не забывал про острый для двусторонних отношений долговой вопрос, вместе с тем он полагал, что частью долгов, например, государственных, можно пожертвовать ради решения фундаментальной задачи советско-французского сближения. Однако в Париже торговый вопрос поставили на паузу. Представление о его взаимосвязанности с политическими сюжетами если не отсутствовало, то не фигурировало в качестве руководства к действию. В ответных письмах Альфану из Парижа вопросы развития торговли занимали одно из последних мест [12, р. 316–320].

Главная задача Альфана — расширение международных отношений между Советским Союзом и другими странами — уже в конце 1933 г. начала уступать место выработке практического механизма противодействия германскому реваншизму. По мнению посла, его главным компонентом должна была стать интеграция СССР в механизм коллективной безопасности во главе с Лигой Наций, однако это предполагало изменение ряда ключевых установок советской внешней политики. Альфан настаивал на принятии Москвой механизма арбитража. «Никакие конвенции, — отмечал он в беседе с членом коллегии НКВД Б.С. Стомоняковым, — не помогут нам против агрессивных государств, если у нас не будет возможности

обратиться к инстанции, которая смогла бы в обязательном порядке заняться конфликтом и его разрешить. В сущности, что дают материально заключенные нами конвенции об агрессоре? Кто будет судьей в случае нарушения этих конвенций кем-либо из их участников?». Подобный подход совпадал с тем, в каком направлении следовала сама советская дипломатия во главе с Литвиновым, хотя инерция неприятия Советским Союзом любого арбитража наднациональной структуры, подконтрольной капиталистическим государствам, сохранялась [2, с. 413].

Специфика советской дипломатии и самого советского дискурса о внешнем мире, их несовпадение с теми подходами и взглядами, которые бытовали на Западе после окончания Первой мировой войны, являлись, по мнению Альфана, главным препятствием к диалогу между Москвой и Парижем. «Советская дипломатия, недоверчивая и закрытая, мнительная и подозрительная, имеет неизменную склонность видеть в наших действиях скрытые маневры и постоянно опасается поворота нашей внешней политики» [12, р. 68], — отмечал он в письме в министерство иностранных дел в ноябре 1934 г. При этом посол настаивал на том, что локальная политика, предполагавшая решение проблемы европейской безопасности совместно с Берлином, имеет объективные ограничения в ситуации роста германского реваншизма и экспансионизма. Соглашение с Москвой в этой ситуации становилось насущной необходимостью.

Альфан уверенно развенчивал те образы Советской России, которые в своих отчетах в Париж в течение долгих лет создавал Эрбетт. «[Советское руководство], — писал он в феврале 1935 г., — отказывается от идеи перманентной всеобщей революции, здесь хотят “строить СССР”. Для этого необходим порядок внутри страны и мир вовне ее. Мировая революция, коммунизм отходят на второй план для руководителей [СССР], они остаются инструментом давления на внешних врагов из лагеря буржуазии, остаются во фразеологии, которая постепенно становится ритуальной, но все больше исчезают из политической реальности ежедневной работы и заслоняются старыми методами управления, присущими славянам: принуждением и полурабством» [13, р. 315]. Альфан не был поклонником советского общественно-политического строя. Советскую

систему он прямо называл диктатурой, Сталина — «настоящий восточным владыкой, остающимся невидимым для иностранных дипломатов» [АМАЕ. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 967. Alphand à Louis Barthou, 20 juillet 1934], Россию — страной, скорее азиатской, чем европейской, где «железная рука государства» являлась насущной необходимостью [13, р. 315]. Вместе с тем он был убежден в том, что стратегические интересы Франции необходимо отделять от идеологических антипатий. «Если стоит задача сдерживать Советы, необходимо сотрудничать с Германией, как она сама часто предлагала, если надо защититься от Германии — с Москвой. У Франции нет ни одной причины для конфликта с СССР. Она имеет все основания опасаться откровенных реваншистских настроений Германии» [12, р. 68].

Посол активно поддержал проект Восточного блока, предложенный Москве министром иностранных дел Франции Жозефом Поль-Бонкурром в октябре 1933 г. и поддержанный его преемником Луи Барту в конце 1933 — начале 1934 гг. Альфан, возможно даже в большей степени, чем сам Барту, склонялся к схеме прямого советско-французского сотрудничества, направленного против Германии и, при необходимости, оставлявшего на втором плане Польшу. Отношение посла к полякам оставалось неизменно скептическим на протяжении всех трех лет его пребывания в Москве. Трудно сказать, что это было: попытка угодить Москве или его убеждения [Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 97. Л. 5.]. Впрочем, главная сложность с реализацией проекта Восточного пакта, по мнению посла, заключалась не в позиции Варшавы: Альфан считал, что уверенное движение Франции к соглашению с Москвой заставит Польшу пересмотреть свое изначально негативное отношение к Восточному пакту [АМАЕ. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 970. Alphand à Paris, 14 novembre 1934]. Требовалось доходчиво разъяснить советской стороне суть французского замысла: многосторонность не равняется попытке размыть обязательства, а отсутствие военной конвенции не означает неэффективность. Советские и французские предложения могли различаться, но, по мнению посла, они, так или иначе, вели в одном направлении.

В марте 1935 г., в тот момент, когда проект советско-французского соглашения находился на грани срыва, Альфан направил в Париж список советских озабоченностей, которые достаточно точно отражали реальную картину дел: опасение закулисной сделки между западными демократиями и Германией, которая позволит Гитлеру легально перевооружиться; страх перед возможным созданием европейской «директории» великих держав, которая закрепит изоляцию СССР и повернет германскую агрессию на восток; непонимание того, почему Лондон и Париж уделяют столь пристальное внимание возвращению Германии в Лигу Наций в то время, как Берлин, очевидно, нарушал все общепринятые международные правила [14, р. 37]. При всем своей скептическом отношении к природе советского политического строя, Альфан настаивал на том, что озабоченности Москвы должны быть приняты во внимание.

В начале апреля 1935 г. в письме преемнику Барту Пьеру Лавалю Альфан дал развернутую характеристику советской внешней политики: «Правительство СССР примет любую комбинацию, которая реально поможет помешать войне: заключение пактов, определение агрессора, укрепление Лиги Наций. При этом оно останется убежденным в том, что эта цель будет достигнута лишь в том случае, если агрессор, кем бы он ни являлся, *немедленно, без возможных консультаций и дискуссий* (выделено в документе — А.В.) неизбежно столкнется с силами, способными остановить его продвижение. Я по-прежнему считаю, что наилучшим способом добиться этого стало бы подписание заинтересованными державами пакта о взаимопомощи, открытого для всех желающих» [14, р. 238]. Это предложение явно диссонировало с той линией, которую проводил Лаваль — затягивать переговоры, пытаясь таким образом либо изменить поведение Германии, либо добиться заключения некоего широкого соглашения, в котором СССР являлся бы лишь одним из элементов. В конечном итоге Парижу пришлось пойти по тому пути, который наметил его посол в Москве: 2 мая 1935 г. советско-французский пакт о взаимопомощи был подписан.

Это событие стало пиком деятельности Альфана в качестве посла в Советском Союзе, а возможно и апофеозом всей его карье-

ры. Посол рассматривал пакт в качестве первого шага к большому советско-французскому альянсу. Он рассчитывал на то, что столь мощный блок, к которому могли примкнуть и другие государства Восточной Европы, самим фактом своего существования мог умерить гитлеровский экспансионизм. «Но, — оговаривался Альфан, — он остался бы лишь фасадом без внутреннего содержания, лишь пугалом, которое не испугало бы потенциального агрессора, если бы соглашение о его учреждении не предполагало гарантий на случай неудачи миротворческого замысла и начала войны» [15, р. 63]. Развивая эту мысль, посол говорил о необходимости договоренности между генеральными штабами двух стран и соглашения об оказании Советским Союзом помощи военными поставками французским союзникам в Восточной Европе — Польше и Румынии. В этой части предложения Альфана полностью совпадали с тем, на что тогда же рассчитывала группа де Латра де Тассиньи, и чего будет добиваться в августе 1939 г. французская военная миссия в ходе трехсторонних англо-франко-советских переговоров в Москве.

Начиная со второй половины 1935 г., Альфан констатировал охлаждение советско-французских отношений. В письме в Париж в декабре 1935 г. он точно определил одну из его ключевых причин: «Франко-русская политика, имеющая своими основами реалии географии и демографии, идею баланса сил в Европе и общность — по крайней мере, временную — интересов и целей, должна быть освобождена от влияния внутривнутриполитического фактора... В то время как франко-русское соглашение, являющееся, по моему мнению, необходимой основой устойчивого мира, должно отталкиваться лишь от национальных интересов нашей страны, создается впечатление, что оно все чаще становится ставкой в борьбе партий, которая разделяет Францию. Мы бы чрезвычайно исказили курс нашего правительства, если бы франко-русская политика стала доменом антифашистов и предметом нападков их противников» [16, р. 480].

Альфан на себе испытывал все негативные последствия того тупика, в который постепенно заходили советско-французские отношения. Пакт о взаимопомощи почти год оставался без ратификации французской стороной. Москва неоднократно делала на этот счет

представления послу, как и по вопросу подписания торгового соглашения. «Альфан со мной соглашался, охал, вздыхал, но ничего, конечно, не мог обещать» [3, с. 27], — сообщал по этому поводу в январе 1936 г. Литвинов. Активность посла, очевидно, шла на спад. В ноябре 1936 г. он покинул СССР. В целом, его программа оставалась нереализованной. С чем это было связано? Главной причиной представляется тот факт, что Альфан, несмотря на свой статус, не просто действовал один. Ряд шагов он был вынужден предпринимать под собственную ответственность. Инструкции, которые он получал, содержали лишь самые общие указания. Альфан был отличным исполнителем — грамотным и главное мотивированным. Но в Париже не было того, кто мог бы его поддержать. Даже Барту делал акцент лишь на политических вопросах двусторонних контактов, не рассматривая проблему с точки зрения выстраивания полноценной системы советско-французских отношений [25, р. 220]. Особое целеполагание советской дипломатии, присущий ей взгляд на мир, испытывавший на себе влияние идеологии, — все это требовало от Кэ д'Орсэ отдельного подхода и решений, часто не вписывавшихся в ту модель внешней политики, которая была взята ею на вооружение после заключения Локарнских соглашений в 1925 г. [21, р. 241–242]. Альфан понимал это, однако его призывы остались без ответа, что во многом обусловило провал попытки создания советско-французского альянса накануне Второй мировой войны.

Список литературы

1. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М.: Наука, 1976. 418 с.
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 16. 920 с.
3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 19. 824 с.
4. Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 318 с.
5. Манфред А. З. К истории советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г. // Французский ежегодник, 1961. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 458–468.

6. Наринский М. М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 2003. С. 69–103.
7. Bach A. Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935. Mémoire de maîtrise d'Histoire. Paris: Université Paris-I Panthéon-Sorbonne, 1981. 230 p.
8. Carley M. J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. Vol. 17. 2006. No. 2. P. 295–346. DOI 10.1080/09592290600695292
9. Denéchère Y. Jean Herbet (1878–1960): Journaliste et ambassadeur. Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2003. 394 p.
10. Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2009. 440 p.
11. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1967. Т. 3. 928 p.
12. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1979. Т. 8. 738 p.
13. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1980. Т. 9. 731 p.
14. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1981. Т. 10. 760 p.
15. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1984. Т. 13. 776 p.
16. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 2e série (1936–1939). Paris: Imprimerie nationale, 1964. Т. 2. 763 p.
17. Duroselle J.-B. La Décadence, 1932–1939. Paris: Imprimerie nationale, 1979. 586 p.
18. Guelton F. Jean de Lattre de Tassigny et les relations franco-soviétiques au début des années trente // Revue Historique des Armées. 2002. No. 2. P. 3–10.
19. Guelton F. Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente // La France et l'URSS dans l'Europe des années 30 / dir. M. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. O. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005. P. 61–72.
20. Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. London: Palgrave Macmillan, 1984. 310 p.
21. Jackson P. The failure of diplomacy, 1933–1940 // The Cambridge History of the Second World War: Volume 2, Politics and Ideology / ed. R. J. B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 217–252.

22. Réau E. du. Édouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. 581 p.
23. Scott W.E. Alliance Against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact. Durham: Duke University Press, 1962. 296 p.
24. Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques, 1932–1935 // La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30 /// La France et l'URSS dans l'Europe des années 30 / dir. M. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. O. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005. P. 31–60.
25. Young R. Power and Pleasure: Louis Barthou and the Third French Republic. Montreal: McGill-Queen's University Press. 330 p.

Aleksandr Vershinin,

Cand. Sci. (Hist.), Ural Federal University, Senior Research Associate, Yekaterinburg, Russia; Lomonosov Moscow State University, Senior Lecturer, Moscow, Russia

“IN MY PERSON YOU HAVE A CONVINCED SUPPORTER OF FRANCO-SOVIET RAPPROCHEMENT”: CHARLES ALPHAND, FRENCH AMBASSADOR TO THE SOVIET UNION (1933–1936)

The article is devoted to the activities of the French diplomat Charles Alphand as the Ambassador of France to the Soviet Union in 1933–1936. He belonged to the group of the French military-political elite, which in the early 1930s advocated the need for cooperation with the USSR as a counterbalance to the growing German threat. In the course of his work in Moscow Alphand attempted to create a dense network of contacts between the USSR and the French military-political and business circles, while trying to overshadow conflict issues. Alphand paid special attention to the prospect of the priority development of military, trade and economic ties, however, due to a number of circumstances, it remained unfulfilled. The ambassador's success was the conclusion of the Soviet-French pact of mutual assistance in May 1935, but his proposals for deepening cooperation up to the formation of a bilateral alliance were not implemented.

Keywords: Alphand, Litvinov, Barthou, Soviet-French mutual assistance pact of 1935.

ТВОРЧЕСТВО ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ В 1930-е гг.¹

Исследуется роль советских журналов «Интернациональная литература», «Звезда» и «Новый мир» в поддержании франко-советских литературных контактов в 1930 — е гг., анализируются материалы переписки редакции журнала «Интернациональная литература» с французскими авторами. Показаны основные направления деятельности журналов, выявлены французские писатели, творчество которых было представлено на страницах журналов. Продемонстрирована идеологическая составляющая франко-советского диалога, проводимая советскими литературными журналами.

Ключевые слова: франко-советский культурный диалог; «Интернациональная литература»; «Звезда», «Новый мир»; Международное объединение революционных писателей.

В 1930-е гг. происходит усиление франко-советских литературных контактов. Сближение было взаимным: французские писатели ассоциировали Советский Союз с образом главного борца с фашизмом, а советские органы культуры были заинтересованы в том, чтобы наиболее значимые писатели на Западе в своих произведениях и публичных выступлениях высказывали благожелательную позицию в отношении СССР. Советские литературные журналы в 1930-е гг. стали полем для развития франко-советского культурного диалога, отразившим его пределы и возможности, механизмы функционирования идей. Анализ таких литературных журналов СССР, как «Интернациональная литература», «Звезда» и «Новый мир» позволяет выявить особенности франко-советского культурного взаимодействия путем изучения публикаций произведений французских авторов и работы редакции с зарубежными писателями.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»)

Наиболее полную информацию по данной теме дает анализ журнала «Интернациональная литература», поскольку именно его основной задачей была публикация произведений современных иностранных авторов. Журнал «Интернациональная литература» выходил в Советском Союзе с 1933 по 1943 гг. и печатался на нескольких языках (русском, французском, английском, немецком, испанском, китайском). Его непосредственными предшественниками были журналы «Вестник иностранной литературы», выходивший в 1928–1930 гг., а также «Литература мировой революции». В соответствии с новыми задачами журнала в 1932 г. происходит и смена названия журнала, поскольку отныне предполагалось печатать не только произведения зарубежных пролетарских писателей, но и «произведения мировых писателей, не связанных с революционной литературой, если эти произведения имеют исключительное художественное значение» и «знакомить читателей с литературной деятельностью врагов» [Цит. по: 5, с. 211].

В 1933–1938 гг. ответственным редактором «Интернациональной литературы» был советский литературовед, знаток английской литературы Сергей Сергеевич Динамов, а с 1939 г., после ареста Динамова, журнал возглавил Тимофей Арнольдович Рокотов. Редакторами французского издания были Поль Вайян-Кутюрье и Е. Д. Стасова. В международном редакционном совете французозов представляли Р. Роллан и А. Барбюс. Первоначально журнал позиционировал себя как орган Международного объединения революционных писателей (МОРП), а с 1936 г. после роспуска МОРПа, являлся печатным органом Союза Советских писателей.

В 1930-е гг. «Интернациональная литература» издает как художественные произведения французских авторов, так и критические статьи о творчестве отдельных французских писателей. По количеству публикаций художественных произведений на страницах журнала в середине 1930-х гг. заметно выделяется и выходит на первое место Андре Жид, кроме того, журнал чаще других публикует произведения Анри де Монтерлана, Жана-Ришара Блока, Андре Мальро, Ромена Роллана, Жана Жионо и Шарля Вильдрака. Помимо художественных произведений Андре Жида, в журнале также была опубликована автобиография А Жида, в разделе «факты

и документы» приведена его речь по радио 7 ноября 1935, в которой он приветствует «героев нового мира», опубликованы теоретические статьи об искусстве, речь на Международном Конгрессе писателей в защиту культуры 1935 г., высказывания о Советском Союзе, заметка о его пребывании в СССР, статьи Поля Низана и Ивана Анисимова о Жиде. Что касается литературной критики, советской и французской, для нее в середине 1930-х гг. наиболее востребованным французским писателем становится Анри Барбюс, советских литературоведов также интересует творчество А. Жида и А. де Монтерлана, что нашло отражение в их статьях о произведениях этих писателей. Интерес литературоведов к А. Барбюсу объясняется тем, что в 1935 г. вышла его книга «Сталин — человек, через которого раскрывается новый мир» [3], которую не могла обойти советская критика; тем более, что написание биографии Сталина было доверено не советским писателям, но иностранному, именно в силу значимости фигуры Барбюса в литературном мире Запада. Р. Медведев в статье «Писатели Европы на приеме у Сталина» подчеркивает, что с возникновением идеи о написании популярной биографии Сталина многие советские писатели охотно взялись бы за эту работу, однако «Сталин полагал, и не без оснований, что было бы гораздо лучше, если его биография будет написана одним из популярных европейских писателей» [8, с. 100]. Интересно, что биография Сталина, написанная А. Барбюсом, была издана в 1936 году, однако вскоре изъята из библиотек и не переиздавалась, поскольку в своем произведении Барбюс ссылаясь на свидетельства объявленных «врагами народа» очевидцев из окружения Сталина. Кроме того, смерть А. Барбюса в Москве в 1935 году также привлекла внимание к его творчеству.

Как правило, публикация произведения автора в «Интернациональной литературе» сопровождалась соответствующей полноценной критической статьей, помещенной в том же номере. Авторами этих статей были как советские критики, такие как И. Анисимов, Е. Гальперина, Я. Фрид, Б. Песис, В. Дмитриевский, так и французские писатели Л. Арагон, П. Низан, Л. Муссиак, Ж. Жионо, П. Гзелль, Ж. Кассу. Редакция «Интернациональной литературы» знакомила читателей с биографиями французских авторов.

В частности, в 1935–1936 гг. были опубликованы биографии и автобиографии Р. Роллана, А. Жида, Ж. Жионо, Л. Дюртена, В. Маргерита, а также некрологи памяти Эжена Даби, А. Барбюса.

Журнал «Звезда» выходил в Ленинграде с 1924 г., являлся органом Союза советских писателей, первым его возглавлял И. М. Майский. В 1934–1937 гг. главным редактором журнала был советский писатель и журналист Юрий Николаевич Либединский. В период своего основания журнал звезда «Звезда» замышлялся как литературно-общественный журнал, целью которого должно было стать повышение культурного уровня населения. Журнал знакомил читателей, в основном, с произведениями советских авторов, между тем, произведения иностранных авторов также публиковались. Преимущественно сведения о французских авторах можно почерпнуть, исследовав такие рубрики журнала, как «за рубежом», «литературно-художественный отдел», а также «библиография».

В 1930-е гг. в журнале публикуются как авторы былых эпох, так и современные французские писатели. Что касается художественных произведений классиков французской литературы, то на страницах журнала были напечатаны стихи Виктора Гюго и Жана Артюра Рембо в переводе Бенедикта Лившица (по 2 публикации у обоих авторов); также были опубликованы такие авторы, как: писавший в жанре политической сатиры Огюст Марсель Бартеlemi, Гийом Аполлинер, Стендаль, а также поэт, участник Парижской коммуны Эжен Потье.

Творчество французских современников также нашло отражение на страницах журнала «Звезда». В 1933–1934 гг. в журнале дважды публиковались сочинения Ромена Роллана. Это отрывки из его романа «Очарованная душа». Также дважды в 1934 году были напечатаны произведения Андре Жида: фарс «Плохо скованный Прометей», а также «Стихи Андре Вальтера» и «Календари». Интересно, что в указанный период в журнале был напечатаны тексты французских писателей, представлявших в политическом отношении весьма различные направления. Во-первых, в 1930-е гг. вышли в печать работы писателей — коммунистов: отрывок из романа «Антуан Блуайе» Поля Низана а также зарисовки журналистки Симоны Тери о событиях в Испании; во-вторых, журнал печатает

произведения представителей французской «пролетарской» (рабочей) литературы — Эжена Даби (1938 г.), Жоржа Давида (1937 г.); в-третьих, тех писателей, которых называли «прогрессивными писателями Запада», «писателями-гуманистами» — Андре Мальро, Люка Дюртена, Андре Моруа. Интересно, что также публиковался, например, Луи-Феринанд Селин, весьма противоречивая фигура французской литературы, известный впоследствии антисемитскими и коллаборационистскими взглядами (в 1934 году был опубликован отрывок из его книги «Путешествие на край ночи»).

Что касается критических статей советских литературоведов о французских писателях, то они представлены в «Звезде» именами писателей XIX века: Стендаль и Бальзак. Выбор этих персон (Стендаль — 4 критических статьи, Бальзак — 2), обусловлен, на наш взгляд, сотрудничеством журнала с советским литературоведом Борисом Георгиевичем Реизовым, за авторством которого преимущественно созданы статьи, специалистом по истории европейских литератур XVIII–XIX вв., чуть позже (в 1939 г.), защитившим докторскую диссертацию на тему «Стендаль-романист». Среди современных авторов обширная критическая статья была опубликована только в 1939 г. и была посвящена только одному писателю — коммунисту Полю Вайяну-Кутюрье. В разделе библиография, которая рекомендовала издания новых книг, встречаются имена Жоржа Дюамеля, Л. Ф. Селина, Андре Жида, Леона Муссиака, Жана-Ришара Блока, Шарля Вильдрака, Эжена Даби, Андре Моруа и Луи Арагона.

Журнал «Новый мир» был создан в Москве в 1925 г. на базе издательства «Известия» как литературно-художественный и общественно-политический журнал. Главным редактором в изучаемый период (с 1931 по 1937 гг.) был советский литературовед Иван Михайлович Гронский, а после его ареста писатель и литературный чиновник Владимир Петрович Ставский. На страницах «Нового мира» иностранные писатели практически не печатались, журнал позиционировался как издание советской литературы. Из французских авторов, единственный, кто было опубликован — это певец Коммуны Эжен Потье (1937 год). Между тем редакция журнала «Новый мир» проделала большую работу по публикации

литературных архивов французских писателей, сделала их доступными советскому читателю. В частности, в 1933 г. были изданы письма Бальзака с примечаниями Павла Сергеевича Сухотина, в 1934 г. письма Беранже и письма Жорж Санд с примечаниями переводчика Николая Андреевича Славятинского. Среди книжных новинок редакция журнала обращает внимание на выход в свет таких произведений французских авторов: в 1934 году — «Дневники Андре Жида» (в этом же году — критическая статья литературоведа Анисимова «Андре Жид»), «Антуан Блуайе» Поля Низана; в 1937 году «Завоевание мира» Люка Дюртена и «Черная кровь» Луи Гийю, «Испания, Испания!» Жана-Ришара Блока, «Жан Кристоф (Т. 1)» Ромена Роллана.

Анализ публикаций произведений французских авторов на страницах журналов «Интернациональная литература», «Звезда» и «Новый мир» позволяют сделать ряд выводов о характере франко-советского культурного диалога в 1930-е гг. Во-первых, большинство публиковавшихся на страницах журналов писателей были не коммунисты, а т. н. «сочувствующие», «симпатизирующие», определяемые советской стороной как «прогрессивные писатели Запада». Это соответствует изменению вектора культурной политики в СССР. Во многом это объясняется трудностью и ограниченностью культурного диалога в 1920-е гг., когда советское руководство пыталось создать международную писательскую организацию на основе коммунистической идеи (речь идет о создании МБРЛ, а затем МОРП). В 1920-е гг. агентами культурной политики СССР были писатели-коммунисты (активно печатались П. Вайян-Кутюрье, А. Барбюс, А. Гильбо и др.), а также произошла попытка контакта с левыми группами, в частности, с сюрреалистами. Эти начинания не принесли того результата, на который надеялись, поскольку привлечь действительно значимых писателей Запада на узкой идейной базе не получалось. Об этом, в частности, писал А. Барбюс А. В. Луначарскому в 1926 г.: «...найдется мало французских писателей из тех, чье положение в литературных кругах более или менее значительно, которые примкнули бы к организации, носящей название революционной, инициатива создания которого исходит от Коммунистического Интернацио-

нала с центром в Москве» [5, с. 47]. Взаимодействие с французскими левыми писателями, а точнее, с сюрреалистами во главе в А. Бретоном также не принесло ожидаемого успеха. В 1927 году в коммунистическую партию вступили сюрреалисты Луи Арагон, Андре Бретон, Поль Элюар, Пьер Юник, а уже в 1933 г. очевидным оказался раскол среди сюрреалистов по политическим взглядам: Бретон, Элюар и др. были исключены из партии, в то время как Арагон, Садуль, Юник окончательно порвали с сюрреализмом. Недолгая игра в коммунизм закончилась для сюрреалистов во главе с Бретоном следующим выводом, сделанным в работе последнего «Политическая позиция сюрреализма» (1935 г.): «Нынешний режим Советской России и его всемогущий вождь, при котором режим поворачивает к отрицанию того, чем он должен был быть, и того, чем он был. Этому режиму и этому вождю мы можем выразить только наше формальное недоверие» [9, р. 118]. Таким образом, в отличие от 1920-х гг., когда контакты развивались преимущественно с представителями «пролетарской литературы», в середине 1930-х гг. слишком революционно настроенные западные писатели уже не вписывались в новую советскую реальность, и акценты советской политики сместились в сторону более широкого круга писателей-антифашистов, что и нашло отражение на страницах журналов.

Во-вторых, в середине 1930-х гг. (пик количества публикаций был в 1934–1935 гг.) чаще всего на страницах советских литературных журналов публикуется Андре Жид. Такая востребованность А. Жида в советских журналах до 1936 г. объясняется тем, что в СССР основательно готовились к визиту писателя, с целью произвести благоприятное впечатление о стране победившего социализма и привлечь столь яркую фигуру зарубежной культуры к кругу почитателей СССР. Поэтому разоблачительная книга Жида «Возвращение из СССР» [6] стала огромным разочарованием советского руководства, советских литературных кругов, после чего имя Андре Жида практически полностью исчезает со страниц журналов. Дело в том, что практика организаций путешествий в СССР набирает свое значение в политике СССР по работе с иностранными деятелями культуры именно в к. 1920-х гг. — середине

1930-х гг. В это время в СССР несколько раз побывал писатель Люк Дюртен (в 1927 г. вместе с другом, романистом Жоржем Дюамелем), в 1929 г. посетил СССР поэт и драматург Шарль Вильдрак, в 1934 г. — Андре Мальро, в 1934 г., дважды в 1936 г. — Жан-Ришар Блок, в 1935 г. — Ромен Роллан, в 1936 г. — Андре Жид с писателями Эженом Даби, Луи Гийу, а также Андре Шамсон и Жан Геено. Организация путешествий стала одним из механизмов политики по воздействию на представления западных деятелей культуры о советской стране. Четко разработанный план посещений объектов, показывающих достижения СССР в различных сферах, умело подобранные переводчики, которые иногда вели и разъяснительную в идейном плане работу с писателями, утвержденный список лиц, с которыми нужно было беседовать путешественнику, позволяли им путешествовать по «воображаемой, а не реальной стране «реального социализма» [1, с. 22] сформировать благоприятный образ советской действительности. Итогом путешествий стали книги, отражающие восприятие французами советской действительности, например «Путешествие в Москву» (1927 г) Жоржа Дюамеля, «Другая Европа. Москва и ее вера» (1928 г.) Люка Дюртена, которые в основном содержали положительные впечатления от путешествий, а элементы критики носили благожелательный характер. Но были и такие книги, которые воспринимались в СССР как злобная критика, в частности «Я жгу Москву» (1925 г.) Поля Морана, «Женева или Москва» (1928 г.) Дрие ла Рошеля и «Возвращение из СССР» (1936 г.) Андре Жида. Книга Жида вызвала столь мощный резонанс, поскольку работа с писателем проводилась очень долго и целенаправленно. В СССР начали издавать многотомное собрание сочинений писателя, при этом выпускались большими тиражами его произведения (сам Андре Жид в 1935 году замечает, что «из московских газет я узнал, что в течение нескольких месяцев было продано более 400000 моих книг» [Цит. по: 7, 11], исследователь Г. Б. Куликова отмечает, что по советским данным тираж равнялся 164400 экземпляров [7, 11]), готовилась к постановке на сцене Малого театра его пьеса «Общее дело», публикации в журналах статей о творчестве писателя, — все эти усилия оказались напрасными после выхода его книги. Хотя,

у самого Жида встречаются в его «Записных книжках» вопросы к самому себе о том, стоит ли высказывать сомнения о жизни в социалистической стране, более того, позже он замечал «ни одно другое путешествие не оставило во мне столь глубоких впечатлений... И надо признаться, нет другой страны, где мне так хотелось побывать еще раз» [Цит. по: 2, с. 12].

В-третьих, журналы, действительно, стремились к быстрой печати новинок французской литературы, при этом можно согласиться с Арленом Блюмом о том, что при наличии цензуры и идеологизированности, журнал «Интернациональная литература» сумел все-таки познакомить российского читателя со многими выдающимися произведениями современной западной литературы, причем в первоклассных переводах» [4], иногда даже обходя политические препоны. Например, несмотря на суровую критику политической позиции, отмечалась художественная ценность произведений Дрие ля Рошеля и в 1935 г. в журнале была опубликована одна из его новелл. Для перевода французской классики и литературных новинок с журналами сотрудничали известные специалисты: переводчицы Елена Семеновна Коц, Надежда Януарьевна Рыкова, печатались стихи в замечательных переводах поэта Бенедикта Лившица.

Одной из важнейших задач, стоящих перед литературными журналами была не только публикация произведений французских авторов, но и поддержание диалога с зарубежными писателями. Наиболее последовательно это можно проследить на примере переписки редакции журнала «Интернациональная литература» с иностранными авторами.

Характер и тон переписки с различными писателями был неодинаков. Ряд писателей, таких как Жан Фревилль, Рене Блек, Жорж Фридман, Ж. Кассу, охотно включаются в беседу, переписка редакции с ними носит регулярный характер с обеих сторон. Общение с другими не выходит за рамки формальной вежливости, переписка не очень обширна и, в основном, касается, текущих дел: переписка с писательницей А. Эмбер, вдовой А. Барбюса, Л. Дюртеном и др. Иным образом велась работа редакции с Роменом Ролланом, авторитет которого в мире был очень высок, особенно в связи

с развитием западного антифашистского движения 2 пол. 1930-х гг. Именно получение от Ромена Роллана свидетельств одобрения советской литературы и советской действительности становится целью работы редакции с этим писателем.

Переписка с Ролланом шла с трудом, писатель отвечал редко, ссылаясь на проблемы со здоровьем и загруженность. В письме от 21 января 1938 г., в ответ на просьбу редактора «Интернациональной литературы» Т. Рокотова, подчеркнувшего родство гуманистических идеалов Роллана и Горького, Р Роллан написал: «Я не получаю такой помощи как Максим Горький, который был окружен секретарями и сотрудниками. У меня только одна помощница — моя дорогая жена, и, несмотря на всю ее горячую преданность, мы не в состоянии отвечать на все письма и просьбы, которые я получаю множество. К тому же здоровье мое плохое и приходится уделять ему много внимания» [Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 12]. Однако редакция была настойчива в своих обращениях к писателю. Так, 3 апреля 1938 г. Т. Рокотов обращается к Роллану: «Мы хорошо понимаем трудность для Вас регулярно отвечать нам. Мы были бы очень обязаны Марии Павловне, если бы она взяла на себя труд хотя бы в нескольких строках, сообщить нам ответ на наши вопросы» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 19]. Позиция Роллана объясняется не только нежеланием писать заказные статьи, с просьбами о которых обращается редакция, но, и тем, что, по мнению писателя, главные события вершатся в текущее время на Западе, где стремительно набирал силу фашизм. Уверая в своей благожелательности Советскому Союзу и восхищении его достижениями, писатель явно считает эти вопросы второстепенными в современных условиях. Интересным подтверждением этого положения является письмо в редакцию от 23 февраля 1939 г. Неизвестный адресат сообщает Т. Рокотову содержание письма, посланного ему Ролланом. В нем французский писатель объясняет причины своей сдержанности в отношении советских коллег. «Передайте же мои извинения нашим друзьям в СССР. Пусть они не сомневаются в моей преданности. Я вижу, что они жалуются на одиночество, в котором их теперь оставляют. Они должны понять, что у Запа-

да много своих забот; он должен думать о своей собственной судьбе, о завтрашнем дне, полном опасностей. Наше бдение под угрозой агрессии черных и коричневых банд оставляет мало места для празднования третьего пятилетнего плана СССР. Мы счастливы, что он осуществляется, что из года в год все более крепнет великий Союз Социалистических республик. Но именно у нас будет дан — он уже идет — самый значительный в мире бой» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп.1. Ед. хр. 751. Л. 50]. Несмотря на сложность диалога с писателем, редакции все же удается время от времени узнавать его мнение о выпусках журнала, посвященных советской литературе, давать рекомендации о том, какие произведения тех или иных советских авторов заслуживают его внимания и получить его отзыв об их творчестве.

Значительную часть переписки редакции журнала «Интернациональная литература» с иностранными писателями составляли литературные вопросы. В частности, творческие планы авторов, их новые литературные замыслы, а также вопросы, связанные с публикациями этих новинок на страницах журнала «Интернациональная литература». Так, например, в конце 1930-х гг. журнал получил согласие авторов на публикацию таких произведений как «Вальми», «Робеспьер» Р. Роллана, «Тяжелый хлеб» Ж. Фревиля и др., сведения о работе Л. Дюртена над романом «Путешествие в стану Бохохом», Ж. Бенда над романом «Юность клерка», Ж. Фридмана над статьей об Андре Жиде, которая, кстати, не была напечатана в журнале, поскольку, по словам Т. Рокотова «что касается нашего журнала, мы не планируем возвращаться к вопросу Жида, поэтому я не думаю, что эта статья могла бы быть опубликована в «Интернациональной литературе» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 765. Л. 4], о сотрудничестве Интернациональной литературы с «Эроп», возглавляемым Ж. Кассу.

Редакция журнала выполняла также функции, направленные на обмен новинками французской и советской литературы, осуществляла отправку книг из СССР и получение интересующих изданий из Франции. Помимо номеров журнала, произведений современных советских авторов, таких, например, как Вс. Вишневский, книга которого была направлена Р. Роллану [РГАЛИ. Ф. 1397.

Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 44, Л. 46], редакция распространяла также труды классиков марксизма-ленинизма. Интересно, что в 1937 г. сразу нескольким французским писателям редакция направила «Роль насилия в истории» Ф. Энгельса [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 765. Л. 12; РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 764. Л. 10], книги, посвященные А. И. Герцену. Кроме того, редакция пересылала авторам опубликованные в журнале заметки, рецензии и статьи советских литературоведов об их произведениях. В разделе «письма в редакцию» печатались отзывы французских писателей о книгах советских писателей. Особенно важными, в виду значимости персоны, были благожелательные отзывы Р. Роллана, который, например, писал в январе 1938 г.: «Я радостно отметил в рассказах и отрывках, напечатанных в ваших предыдущих номерах, а именно в произведениях Курочкина и Вишневого, новый тон в современной советской литературе — тон радостного героизма, непобедимого оптимизма. Это искусство еще несколько молодое, еще немного незрелое, не без некоторой угловатости. Но ценность его в радостном порыве мужественной молодости» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 12]. Что касается получения литературы из Франции, то здесь редакция проводила отбор с особенной тщательностью: зачастую, важно было получить от адресата не только текст французских литературных новинок, но и характеристику политической позиции их авторов. Во 2 пол. 1930-х годов своих корреспондентов редакция журнала просила прислать работы Г. Одизио, А. де Монтерлана, Э. Ле Руа, Л. Дюртена, Ж. Дюамеля, Ж. Бернаноса, Ф. Мориака. Благодаря Жану Фревиллю, отмеченному литературной премией «Ренессанс», редакция получила книги и других авторов, отмеченные литературными премиями в 1938 г [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 36]. Вопрос об отправке литературы в СССР оказался непосредственно связан с финансовым аспектом литературного диалога. Информация о материальном возмещении за отправку литературы показывает, что не со всеми французскими писателями он вообще обсуждался. Так например, переписка свидетельствует о том, что книги в СССР отправлял Жорж Фридман, в письмах есть упоминания об отправке и получении книг, но свидетельств о материальном возмещении за них не встречается. А вот с Жаном

Фревилем, ставшим постоянным агентом по снабжению редакции французскими книжными новинками, вопрос о получении чеков становится в переписке систематическим. Переписка свидетельствует о суммах вознаграждения: в апреле 1938 г. редакция уведомляет, что отправила Фревиллю 100 руб. [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 722. Л. 19], в марте 1939 г. — 500 франков [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 92а], в июле 1939 г. — 350 франков [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 116]. Исследование переписки позволяет реконструировать и размеры гонораров литераторов, получаемых от редакции за выполнение той или иной работы. Так, например, за написание биографий французских писателей-антифашистов Рене Блек, представлявший Секретариат и Бюро международной ассоциации писателей в защиту культуры, первоначально получил 200 рублей (декабрь 1937 г.) [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 723 а. Л. 18], затем последовала очередная выплата в 150 рублей (март 1938 г.) [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 723 а. Л. 27]. Обращаясь к Ж. Фревиллю с просьбой о подготовке материалов по изучению марксизма-ленинизма во Франции, редакция обещала: «Если надо будет кому-либо из Ваших помощников заплатить за эту работу специально, сообщите кому и сколько и мы переведем эту сумму» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 63]. С просьбой оплатить 4-х недельное пребывание в Париже советского художника, иллюстрирующего его книги обращается в редакцию Р. Роллан [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 60]. Оплатить все расходы на проезд и проживание в СССР просит Ж. Фревилль, предложивший свои услуги в деле написания репортажа о Красной Армии для газеты «Пари суар» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 86].

В идеологическом плане работа редакции с французскими писателями выражалась в следующих формах: подготовка писателями Франции заказных статей, посвященных той или иной юбилейной дате в СССР, успехам социалистического строительства, а также получение от писателей сведений о политической благонадежности и лояльности по отношению к СССР их коллег. В 1937 г. многие французские писатели получили письма редакции с предложением подготовить материал к 20-летию Октябрьской революции с целью публикации в «Интернациональной литературе» [РГАЛИ. Ф. 1397.

Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 5а., Л. 5; РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 741. Л. 7]. В ряде писем текст просьб был одинаков, например, письма к Жану Кассу и Ш. Вильдраку, где в дружественном тоне раскрывался замысел редакции и выражается надежда на их положительный ответ, письмо к Луи Арагону носит более деловой характер, информируя писателя о необходимости прислать материал, более пространное письмо, с просьбой прислать хотя бы несколько строчек обращено к Ромену Роллану, высказывания которого, несомненно, добавили бы значимость публикации журнала. Роллан, как и многие другие писатели, весьма скептически воспринимал подобного рода просьбы: «Я вынужден защищаться от просьб, с которыми ко мне беспрестанно обращаются, просьб написать статьи по заказу. Когда дело идет о том, чтобы помочь людям или делу, находящимся в опасности, я не заставлю себя просить. Но когда речь идет о том, чтобы отметить или отпраздновать победу, право, можно обойтись без меня!» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 50]. В декабре 1938 г. редакция также обращается к Жану Фревилю с предложением подготовить статью о том, как изучают марксизм-ленинизм во Франции в преддверии пятнадцатой годовщины смерти Ленина, следует отметить, что Ж. Фревилль отказался, мотивируя это тем, что столь важная тема не может быть рассмотрена им в краткие сроки, предлагаемые редакцией [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 63, Л. 65]. В июле 1939 г. Т. Рокотов вновь обращается к Р. Роллану с просьбой в связи с 60-летием И. В. Сталина: «... мне бы хотелось обратить ваше внимание на то, что в декабре этого года исполняется 60 лет со дня рождения товарища Сталина. Мы очень хорошо знаем его скромность, его нелюбовь ко всякого рода торжественным мероприятиям, связанным с его чествованием, что уже так ярко проявилось 10 лет тому назад, но я думаю, что все же наш, его современников, прямой долг постараться запечатлеть для грядущих поколений все, что связано с образом великого продолжателя дела Ленина. Вот почему я разрешаю себе обратиться к Вам: было бы хорошо, если бы Вы согласились написать для «Интернациональной литературы» несколько строк по этому важному вопросу» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 70]. Писавшие заказные статьи зарубежные авторы зачастую плохо пред-

ставляли себе, что происходит в СССР и не разбирались в вопросах социалистического строительства. Показателен в этом смысле ответ Жюльена Бенда на анкету журнала о новом пятилетнем плане в СССР: «Я недостаточно компетентен, чтобы судить о экономической ценности нового плана, хотя ничуть не менее компетентен, чем какой-нибудь конформистский литератор, который зачеркивает весь этот план одним росчерком пера. Я могу сказать одно: нельзя не заметить желания западной буржуазии подвергнуть остракизму, нельзя не заметить старательного умолчания о нем ее прессы, упорного нежелания ее экономистов принимать всерьез этот план, даже обсуждать его. Все это позволяет мне предположить, что буржуазия находит его очень опасным для своей гегемонии, а уже это заранее вызывает у меня симпатию к нему» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 6]. Редакция журнала «Интернациональная литература» также получает из переписки сведения о том, какие французские писатели проявляют благожелательность в отношении Советского Союза, чтобы иметь информацию о возможной публикации их работ на страницах журнала. Так, например, в 1937 г. редакция обращается к Рене Блеку с просьбой составления анкет писателей-антифашистов. Блек выполняет эту работу, называя среди современных левых писателей-антифашистов Жана Фревиля, Рене Марана, Клода Авелина, Жюльена Бенда, Жоржа Пиймена и самого себя [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 723а. Л. 5]. Редакция нередко обращается к Рене Блеку с просьбой дать характеристику журналам и авторам. В ответ на просьбу Т. Рокотова дать сведения об одном из журналов, Блек писал: «Сут» — журнал, с которым мы не боролись, но на который пытались повлиять..., но теперь, когда мы не имеем никакого контроля над ним, мы не можем его рекомендовать, зная, что круги, от которых он зависит, нередко находятся в контакте с элементами оппозиционными и троцкистскими. У них есть связи с некоторыми сюрреалистами. Поэтому к этому журналу надо относиться с известной осторожностью» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 723а. Л. 57–57 об.] Рене Блек неплохо справлялся с возложенной на него задачей, зная литературный и политический контекст, давал рекомендации редакции журнала. Так в связи с критикой пролетарским писателем

Анри Пулаем действий Советского руководства по делу Виктора Сержа в СССР, имя этого писателя, еще недавно предоставленного на страницах «Интернациональной литературы», сначала подверглось критике в советской печати, а потом вообще из нее исчезло. Зная тонкости сложившейся ситуации, 7 января 1937 г. Р. Блек пишет в одной из своих характеристик для редакции: «Извещаю Вас, что Пьер Бошо, рабочий писатель, в настоящее время связан с группой Пулайя. Поэтому не следует упоминать об этом писателе в статьях, которые могут быть напечатаны в «Интернациональной литературе» [РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 723а. Л. 22]. Получение подобных характеристик стало практикой журнала, связанной с цензурой со стороны различных партийных и государственных органов. В целом, по словам А. Блюма «журнал находился под тройным цензурным прессом. Во-первых, как и все без исключения издания, — превентивной цензуры Главлита СССР, без разрешительной визы которого не могло выйти в свет ни одно произведение печати, начиная с какой-нибудь пустячной спичечной наклейки. Во-вторых, как и все «толстые» литературные журналы, — под контролем идеологических отделов ЦК партии. К ним, однако, прибавлялась специфическая в данном случае цензура со стороны Коминтерна» [4]. После того, как С.С. Динамов был репрессирован, новый ответственный редактор — Т.А. Рокотов проявлял чрезвычайную внимательность в вопросе выбора произведений и авторов для публикации. Показательна его докладная записка, направленная в отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) от 27 января 1939 г.: «Согласно разговорам с Вами посылаю Вам перевод очерка «Вальми» Ромена Роллана. В посылаемом экземпляре мною подчеркнуты места, которые вызывают у меня сомнение с смысле целесообразности их напечатания... Как видно из письма Ромена Роллана, он дал нам право печатать свою пьесу с сокращениями. Я убежден в том, что выброски подчеркнутых мною мест в «Вальми» помогли бы устранить те недомумения советских читателей, которые у них естественно возникают при чтении тех строк, в которых дается апология предателя революции, что не может не перекликаться в сознании читателя с некоторыми вопросами современности. Я просил бы дать редакции по всем этим вопросам соответствующие указания» [Цит. по: 5, с. 215].

Таким образом, в 1930-е г. журналы «Интернациональная литература», «Звезда», «Новый мир» выполняли такие важных функции, как знакомство советских читателей с современной французской литературой, публикация литературного французского наследия, демонстрация достижений советской культуры за счет «прогрессивных» авторов Запада. Кроме того, советские литературные журналы принимали участие в реализации советской политики в отношении иностранных деятелей культуры, в поддержании франко-советского культурного диалога.

На наш взгляд, именно в конце 1920-х — середине 1930-х гг. этот диалог был наиболее успешным, были налажены связи французских писателей с редакциями журналов, расширен круг писателей, публиковавшихся в СССР за счет взаимодействия советских журналов с писателями-антифашистами. При этом, интерес в двустороннем контакте был обоюдным и с советской, и с французской стороны. С середины 1930-х гг. этот диалог начинает испытывать проблемы в связи с рядом конкретных обстоятельств: из-за обозначившихся противоречий в ходе Международного Конгресса писателей в защиту культуры 1935 г., начавшихся репрессий в СССР, которые затронули и круг общения французских писателей в Советском Союзе, а также из-за появления новых критических замечаний западных визитеров о советской стране.

Список литературы

1. Айелло М. Очарованные странники // За рубежом. 1992. № 4. С. 22–23.
2. Балашова Т. В. Трудный диалог // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., ИМЛИ РАН. 2002. С. 5–26.
3. Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М.: «Художественная литература», 1936. 354 с.
4. Блюм А. Интернациональная литература»: подцензурное прошлое // Иностранная литература. 2005. № 10. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/10/bl21.html> (дата обращения 25.08.2021)
5. Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., ИМЛИ РАН. 2002. 960 с.

6. Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР. М.: Моск. рабочий, 1990. 635 с.
7. Куликова Г.Б. СССР глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 4–23.
8. Медведев Р. Писатели Европы на приеме у Сталина // Свободная мысль—XXI. 2002. № 9. С. 99–108.
9. Breton A. Position politique du surrealisme. Paris: Editions du Sagittaire. 1935.174 p.

Platonova Tatyana Vasilyevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Ural Federal University, Ekaterinburg

**CREATIVITY OF FRENCH WRITERS ON THE PAGES
OF SOVIET LITERARY MAGAZINES**

The role of the Soviet journals «International Literature», «Zvezda», «Novy Mir» in maintaining Franco-Soviet literary contacts in the 1930s is investigated, materials of correspondence between the editorial board of the magazine «International Literature» and French authors are analyzed. The main directions of activity of magazines are shown, French writers, whose work was presented on its pages, are revealed. The ideological component of the Franco-Soviet dialogue, which was conducted by the editorial staff of Soviet literary journals is demonstrated.

Keywords. Franco-Soviet Cultural Dialogue, «International Literature», «Zvezda», «Novy Mir», International Association of Revolutionary Writers.

**К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ В 1890–1930-е гг.¹**

В центре внимания статьи — фигура французского дипломата Филиппа Бертелло, длительное время определявшего внешнюю политику Третьей Республики. Автор статьи предполагает, что в условиях частой смены правительственных кабинетов во Франции, именно высшее чиновничество МИДа обеспечивало стабильность и преемственность внешнеполитического курса. Представляется вероятным, что фигура Ф. Бертелло, в разные времена занимавшего должности руководителя азиатского и политического департаментов, а также генерального секретаря МИД Франции является одной из важнейших и перспективных для осмысления политики Франции по отношению к Советской России. В немалой степени это связано с анти-германскими убеждениями дипломата.

Ключевые слова: Третья Республика; Россия; франко-русский союз; Филипп Бертелло; МИД Франции.

Существует мнение, что с точки зрения советской дипломатии ключевым препятствием к развитию отношений с Францией являлась нестабильность правительств Третьей республики, в результате чего советская сторона не всегда могла рассчитывать на длительное пребывание у власти кабинета, благоприятно настроенного к СССР [9, р. 314]. Тем не менее, несмотря на то что частая смена правительств была нормой для Третьей Республики, было бы некорректно утверждать, что внешнеполитическая ориентация Франции колебалась с каждым новым кабинетом. Во-первых, подобная ситуация не располагала бы к доверию по отношению к политическим элитам страны и не способствовала бы заключению долгосрочных международных соглашений. Во-вторых, с момента рождения франко-русского альянса в 1890-е г. до начала Первой мировой войны, когда этот альянс стал востребованным — в Третьей Республике сменилось 25 правительств. Несмотря на ежегодную смену

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10014 «От Согласия к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»)

кабинетов, франко-русский союз оставался константой внешнеполитической линии Франции. В таком случае, что же обуславливало стабильность внешнеполитической стратегии?

На наш взгляд, стабилизирующим фактором внешней политики Франции была деятельность чиновников Министерства иностранных дел: руководителей структурных подразделений и их заместителей, которые могли сохранять за собой руководящие должности при сколько угодно частой смене министерских портфелей и оказывать влияние на реализацию долгосрочных внешнеполитических стратегий. А. Ферра, современник гибели Третьей Республики, также подчеркивал, что политика, проводимая верхушкой дипломатического аппарата Франции, была максимально преемственной внутри корпорации и достаточно независимой от парламентской жизни [10, р. 134]. Французский специалист по международным отношениям Б. Руо отмечает, что внешняя политика Франции, за исключением ситуации, когда у власти находились волевые, харизматичные лидеры типа Бонапарта, Клемансо или де Голля, всякий раз направлялась и определялась ответственными чиновниками — например, Конти или Делькассе [21, р. 239].

Одним из таких чиновников был Филипп Бертело, осуществлявший руководство внешней политикой Франции на протяжении почти двадцати лет. Бертело пришел во внешнюю политику в 1895 г. [3, р. 252] благодаря своему отцу, знаменитому ученому и министру иностранных дел Марселену Бертело, став секретарем посольства третьего класса. При министерстве Г. Аното (1896–1898 гг.) Ф. Бертело оставался сотрудником аналитического отдела. В это время в Министерстве работали братья Поль и Жюль Камбонны, Камиль Баррер, посол в Италии, г-н Нисар, директор политического департамента МИД, советник по вопросам франко-русского альянса, под руководством которых Филипп Бертело переживал свое становление как дипломата [20, р. 621]. Отметим, что деятельность вышеперечисленных чиновников МИД также нуждается в осмыслении, так как позволяет ответить на вопрос, какую внешнеполитическую позицию Бертело мог унаследовать и развить как их восприимчив.

В исследовании «Великая иллюзия» Ж.-А. Суту отмечает, что с конца 1890-х гг. на набережной Орсе «правило бал» трио Пуанкаре-Делькассе-Палеолог, и что стабильность франко-русского союза — результат их непосредственных усилий; помимо прочего, все франко-русские контакты проходили через этих дипломатов. Впоследствии их позицию поддержало новое поколение сотрудников: Филипп Бертело и Пьер де Маржеро [22, р. 29–30].

Ф. Бертело был хорошо знаком с «русскими делами»: он посещал Петербург в 1902 г., хотя его впечатление о России вряд ли можно охарактеризовать как восторженное: по мнению одного из биографов Бертело Ж.-Л. Барре, «он покидал Петербург с впечатлением интеллектуальной пустоты, политической неподвижности и придворного снобизма». [6, р. 156]. Бертело поддерживал тесный контакт со знаменитым славистом Полем Буайе — руководителем Школы Восточных языков в Париже (Школа, в свою очередь, тесно сотрудничала с МИД) [19, р. 348], в годы Первой мировой войны он занимался организацией пропаганды в России, осознавая недостаточную информированность союзника о положении дел на Западном фронте [Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (АМАЕ). Berthelot (Philippe). Service de la propagande. Russie (novembre 1915 — février 1917)]. При его активном участии был сформирован «Maison de la presse», который занимался пропагандой за пределами Франции и работал в тесной связи со 2 Бюро Генерального Штаба [22, р. 189]. Многочисленные документы, представляющие эту сторону активности дипломата, находятся в его личном фонде в архиве Министерства иностранных дел Франции.

После революционных событий, произошедших в России, появилась необходимость создания своеобразного «кризисного центра» для обеспечения деятельности на территории бывшего союзника — так была создана «русская секция» МИД, просуществовавшая с 1918 г. по 1922 г. [23, р. 148] и Ф. Бертело принимал активное участие в ее работе.

По мнению исследовательницы А. Огениус-Селиверстоф, именно Ф. Бертело руководил русским направлением в послевоенное время. Считается, что его позиция по отношению к бывшему

союзнику была гораздо либеральнее, чем у С. Пишона [15, р. 92]. В рамках данной деятельности Ф. Бертело регулярно сталкивался с враждебностью М. Палеолога, имевшего отличную позицию по вопросам взаимоотношений с Россией. Как писал Ж. Лярош: генеральный секретарь набережной Орсе М. Палеолог «оставшийся в воспоминаниях об имперской России, не измерил глубины перемен, рожденных революцией» [16, р. 127]. Так, считается, что признание А. Мильераном правительства Врангеля — инициатива Палеолога, решение было принято Мильераном без предварительных консультаций в МИД и персонально, с Ф. Бертело [15, р. 81], который считал этот проект большой ошибкой.

В свою очередь, отношение Бертело к большевикам диктовалось, скорее, в духе *realpolitik*. В циркуляре, разосланном во французские посольства, он отмечал, что проблема русской революции ставит вопросы к будущему послевоенному миру, и если единство России не будет восстановлено, и Россия станет контролироваться Германией, то и победа Франции в войне будет утеряна [13, р. 168–169].

Конфликты между Палеологом и Бертело (хотя они никогда не демонстрировали открытой вражды [16, р. 111]), а также между Пуанкаре и Бертело были достоянием прессы: газета «Aux Ecoutés» в 1920-е гг. смаковала интересующие публику подробности [4, р. 10–11]. При этом Ф. Бертело считался непотопляемым «серым кардиналом» МИД [Напр.: 1, с. 267], редко с кем из коллег или руководства у него складывались доброжелательные отношения, он испытывал на себе ненависть Пуанкаре, враждебность Клемансо, не дававшего ему продвижения по службе, но, тем не менее, считается, что ни один из руководителей не мог обойтись без этого дипломата, хорошо знающего свое дело и имевшего высокую степень самостоятельности в осуществлении внешнеполитической деятельности [16, р. 31].

Одной из констант видения внешнеполитической стратегии Франции с точки зрения Ф. Бертело была, в первую очередь, антигерманская направленность политики. Его коллега, Ж. Лярош вспоминал: Бертело «считал, что только взаимопонимание с Англией может преодолеть сопротивление Германии. Выступая за политику твердости по отношению к Рейху, на конференции в Спа он

помог Мильерану добиться того, чтобы в требованиях союзников присутствовала в качестве возможной санкции оккупация Рура» [16, р. 136]. Подобный образ транслировала и немецкая пресса, писавшая о Бертело как об одном из опаснейших противников Германии, который был создателем невыносимых условий послевоенного мира [8, р. 3]. По всей видимости, антигерманский вектор его мысли сформировался не позднее 1905 г., когда он пришел работать в кабинет министра Л. Буржуа. Тогда, по воспоминаниям корреспондента «Le Temps» Р. Рекули, он чувствовал предстоящую войну, в которую многие не верили, и говорил, что «оставить Россию, помимо того, что это акт бесчестия, было бы настоящим самоубийством. Через полгода-год Германия снова будет спорить с нами из-за Марокко, из-за иностранного легиона. Россия в свою очередь проигнорирует нас, и мы окажемся покинутыми» [12, р. 3].

Несмотря на то, что Ф. Бертело а также его соратник П. де Маржери были создателями теории четырех столпов против Германии — Польши, Чехословакии, Румынии и Югославии (эту теорию они изобрели к осени 1917 г. [22, р. 261–262]), хрупкость Малой Антанты вскоре стала очевидна. Уже в 1925 г. А. Бриан и Ф. Бертело начинают вытеснять из переговорного процесса с СССР «неофициальных» представителей Третьей Республики, таких как А. де Монзи и В. Дальбье. Как отмечал в своем дневнике Х. Г. Раковский: «Он [Бертело] несколько раз подчеркнул, что решающими являются разговоры с ним и с Брианом; что с ними мы должны решать вопросы и он буквально сказал в конце такую фразу: “решение нужно искать здесь, а не вне, с другими лицами, как бы высоко они не стояли”. Для нас было ясно, что речь идет о де Монзи и Дальбье» [Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 04 (Архив Чичерина). Оп. 42. Д. 53724. Л. 6]. В переговорах между Бертело и Чичериным, французский дипломат нередко «сваливал» вину за ошибки во франко-советских отношениях на некомпетентность А. де Монзи, В. Дальбье и П. Реноделя [Там же. Л. 23, 39а]. Также в 1925 г. Бертело вошел в консультативный совет по установлению франко-советских переговоров [Archives Nationales (AN). Paul Painlevé (fond privé). 313AP/210], состоял в переписке с Л. Красиным, ведя переговоры по вопросам

передачи флота Врангеля и царских долгов [Ibid. Lettre adressée à M. Krassine], выступал сторонником развития торговых отношений, хотя направленность его рассуждений была обращена к русским долгам: «Только способствуя экспорту российских товаров во Францию и создавая растущее торговое движение с Россией, мы сможем найти средства, необходимые для урегулирования ее долгов» [Ibid. Note (Paris, 29 Janvier 1925)]. Впрочем, советская сторона в конфиденциальных беседах с генеральным секретарем МИД, сама активно подтверждала готовность к выплате царского долга на приемлемых для нее условиях [АВП РФ. Фонд 04 (Архив Чичерина). Оп. 42. Д. 53724. Л. 22.].

В итоге Ф. Бертело инициировал переговоры с советской стороной по поводу пакта о ненападении [2, с. 384–385] и в апреле 1931 г. нанес визит полпреду СССР во Франции В. С. Довгалевскому. По утверждению Ф. Дессбера, после выборов в Германии в сентябре 1930 г. надежды А. Бриана на то, что Германия продолжит политику Штретземана, испарились. Восточные союзники Франции казались разобщенными, с Польшей также наблюдались противоречия, и в этом отношении сближение с СССР могло бы стать выходом из сложившейся ситуации [11, р. 271]. Это также объясняет факт смены посла в Москве Ж. Эрбетта (с которым у Ф. Бертело были к тому же весьма натянутые отношения) в 1931 г. на М. Дежана, поскольку МИД заинтересован в сотруднике, готовом откликнуться на процесс сближения. Таким образом, когда Германия усиливается, прибегая к анти-версальским лозунгам, Франция ищет союзника, достаточно сильного для противодействия вновь возрастающей германской угрозе, что фактически повторяет ситуацию 1890-х гг. По мнению Ж.-Л. Барре, именно Ф. Бертело «благословит» Луи Барту на продолжение франко-советского сближения. Однако ближайшие события фактически поставили под сомнение углубление этого процесса. Убийство короля Югославии Александра в Марселе 9 октября 1934 г. разрушило планы Бертело: «Это был самый надежный элемент, на который мы могли рассчитывать, потому что Польша очень небезопасна, Чехословакия слаба, Румыния — никакая», а смерть Л. Барту была серьезным ударом для дипломата, т.к. «вместе с Барту исчезала последняя надежда на союз на Востоке» [6, р. 415].

Советский вектор политики Ф. Бертело нашел слабое отражение в профессиональной литературе и публицистике. Тем не менее еще при жизни Ф. Бертело подвергался непрекращающейся критике со стороны правых политиков. Так, например, колониальная газета «L'avenir du Tonkin» стала ареной политической борьбы с дипломатом: франко-советское сближение подвергалось беспощадной критике со стороны журналиста, работавшего под псевдонимом Treslemont. В его статьях Бертело описывался как человек, согласно фантазиям которого длительное время формировалась внешняя политика Франции, критиковалась также его анти-японская риторика [17, р. 1]. Издание «Je suis partout», в свою очередь, называло МИД при Бертело «набережная иллюзий» — именно за политику франко-советских переговоров [14].

Ф. Бертело скончался 22 ноября 1934 г. После его смерти правый публицист Р. Корнийо написал «оду» П. Лавалю, отметив, что «Смерть Филиппа Бертело и выход на авансцену Палаты депутатов Пьера Лавала вернули нашу внешнюю политику на первый план. Но если однажды кровь все-таки прольется, наши сыновья смогут проклясть его [Бертело] память (maudire sa memoire)» [18]. Преемник Ф. Бертело, Алексис Леже, по мнению исследователей, отдавал приоритет сближению с Германией [5], а также, очевидно, не обладал тем аппаратным весом, который был у Ф. Бертело, чтобы иметь возможность продвигать инициативы чиновничества МИД. На наш взгляд, не в меньшей степени франко-советское сближение стало сходить на нет именно по причине смерти влиятельного и активного инициатора политики сближения Ф. Бертело, чьей основной целью было создание сильного антигерманского заслона.

Важно отметить, что полноценной и, главное, современной работы, посвященной Ф. Бертело, на сегодняшний день во Франции не существует. Можно отметить две монографии Ж.-Л. Барре [6], впервые увидевшую свет в 1980-е гг. и О. Бреалю [7], выпшедшую в 1937 г., которые по своей сути являются апологетикой карьерного дипломата, не опирающейся на обширные документальные источники и, как правило, пересказывающие занимательные истории и слухи о его жизни. При этом принципиально важное значение

имеет проблема вскрытия механизмов принятия решений во французском правительстве. Большинство научных исследований, посвященных проблемам внешней политики Третьей Республики, рассматривают гласные, публичные фигуры, в то время как часто они оказываются лишь озвучивающими идеи, уже принятые в министерских кабинетах. обстоятельное изучение деятельности Ф. Бертелло, как нам представляется, может способствовать пониманию специфики французской политической системы.

Список литературы

1. Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М.: Наука, 1967. 329 с.
2. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами 1914–1936. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 772 с.
3. Auffray V. Pierre de Margerie (1861–1942) et la vie diplomatique de son temps. Paris: Klincksieck, 1976. 528 p.
4. Aux écoutes. 1920. 22 août.
5. Badel L. Le Quai d'Orsay, les associations privées et l'Europe (1925–1932) // Europe brisée, Europe retrouvée: Nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XXe siècle. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1994. URL: <http://books.openedition.org/psorbonne/48998>.
6. Barré J.-L. Le Seigneur-Chat. Philippe Berthelot (1866–1934). Paris: Plon, 1988. 433 p.
7. Bréal A. Philippe Berthelot. Paris: Gallimard, 1937. 250 p.
8. Bulletin quotidien de presse étrangère. 1922. 28 Mars.
9. Carley M.J. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. Issue 2. P. 295–346.
10. Ferrat A. La République à refaire. Paris: Gallimard, 1945. 252 p.
11. Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: Peter Lang, 2009. 440 p.
12. Gringoire. 1931. 2 octobre.
13. Jackson P. Beyond the Balance of Power. France and the Politics of National Security in the Era of the First World War. Cambridge, 2013. 559 p.
14. Je suis partout. 1931. 26 décembre.
15. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: 1981. 316 p.

16. Laroche J. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré 1913–1926. Paris: Hachette, 1957. 230 p.
17. L'avenir du Tonkin. 1935. 15 Juin.
18. Mémorial de la Loire et de la Haute-Loire. 1934. 7 décembre.
19. Pondopoulo A. Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917). Paris: École Nationale des Chartes, 2011. P. 341–359.
20. Revue bleue politique et littéraire. 1937. № 19.
21. Rouaud B. L'alliance inachevée. De l'influence des représentations sur la (géo)politique russe de la France. Paris: Les Éditions du CERF, 2020. 293 p.
22. Soutou G.-H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914–1920. Paris: Tallandier, 2015. 376 p.
23. Vaisse M. L'adaptation du Quai d'Orsay aux nouvelles conditions diplomatiques (1919–1939) // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1985. T. 32. № 1. P. 145–162.

Yulia M. Galkina,

PhD, Teaching Assistant, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

TO THE QUESTION OF THE CONTINUITY OF FRANCE'S POLICY TOWARDS RUSSIA IN THE 1890–1930s

The focus of the article is the figure of the French diplomat Philippe Berthelot, who for a long time determined the foreign policy of the Third Republic. The author of the article assumes that in the conditions of frequent change of government offices in France, it was the top officials of the Ministry of Foreign Affairs that ensured the stability and continuity of the foreign policy course. It seems likely that the figure of F. Berthelot, who at various times held the positions of the head of the Asian and political departments, as well as the Secretary General of the French Foreign Ministry, is one of the most important and promising for understanding France's policy towards Soviet Russia. To a large extent, this is due to the anti-German convictions of the diplomat.

Keywords: Third Republic, Russia, Franco-Russian Union, Philippe Berthelot, French Foreign Ministry

Сведения об авторах

Беспалова Ксения Андреевна — младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета.

Бодров Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Будрина Людмила Алексеевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусства и музееведения Уральского федерального университета.

Вершинин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Галкина Юлия Михайловна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории; доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета.

Земцов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин Уральского государственного педагогического университета; главный научный сотрудник Саратовского государственного университета; профессор Уральского федерального университета.

Каменская Екатерина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета.

Конев Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории общей и сибирской лексикографии; ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета.

Лиманова Светлана Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН, Институт всеобщей истории РАН.

Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и политики стран Европы и Америки Московско-

го государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Молодяков Василий Элинархович — доктор политических наук, профессор университета Такусёку (Токио, Япония).

Остапенко Александр Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Павлов Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Паоли Мишель — доктор наук, ординарный профессор Пикардийского университета (Амьен, Франция)

Платонова Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета.

Попова Ольга Олеговна — независимый исследователь (Москва)

Поршнева Ольга Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений Уральского Федерального университета.

Романова Екатерина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Рудковская Маргарита Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского Экономического Университета им. Г. В. Плеханова.

Феськова Екатерина Павловна — старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юдин Станислав Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий редактор АНО «Национальный научно-образовательный центр «Большая Российская энциклопедия» (Москва).

TABLE DES MATIERES

Préface	5
---------------	---

Chapitre 1. Contexte franco-russe/franco-soviétique des relations internationales aux XIXe et XXe siècles

<i>Zemtsov V.N.</i> La Russie dans les plans de Napoléon: sur l'histoire de l'alliance franco-russe au XIXe siècle	8
<i>Romanova E. V.</i> L'alliance franco-russe dans le système des relations européennes de la fin du XIX — début du XX siècle.....	18
<i>Ostapenko A.I.</i> De l'alliance russo-française du début des années 90 du XIXe siècle au traité franco-soviétique du 10 décembre 1944	33

Chapitre 2. France et Russie: des problèmes de perception mutuelle

<i>Bodrov A. V.</i> Explorer un allié potentiel? L'armée russe dans les rapports des représentants militaires français dans les années 1870.....	44
<i>Yudin S. S.</i> L'armée russe dans les rapports de l'attaché militaire français L.-E. Moulin (1891–1905)	59
<i>Limanova S.A.</i> Les rencontres de Nicolas II avec Félix Faure (1897) et Emile Loubet (1902) vues par la presse de Saint-Pétersbourg.....	74
<i>Porshneva O. S.</i> Représentation de l'alliance franco-russe dans la propagande russe pendant la Première Guerre mondiale	87
<i>Magadeev I.E.</i> La Révolution russe examinée dans le contexte de la révolution française: particularités de la perception de la crise révolutionnaire de 1917 par les représentants militaires et diplomatiques de la Troisième République	102
<i>Pavlov A. Yu.</i> Une vision française de la perception par la société russe de la future intervention de l'été 1918	120
<i>Konev K.A.</i> La France comme «autrui significatif» dans les discours politiques des forces antibolcheviques en Russie orientale pendant la guerre civile (1918–1919).....	130
<i>Molodiakov V.E.</i> «Action française» contre l'alliance franco-russe et franco-soviétique: le cas de Jacques Bainville	146
<i>Kamenskaya E. V.</i> L'espace politique de la France dans la presse soviétique (1924–1935)	156
<i>Budrina L.A.</i> La pierre taillée dans les relations franco-russes: l'histoire du phénomène en deux cartes.....	171

Chapitre 3. France – Russie: Mécanismes d’interaction et d’affrontement

<i>Paoli M., Popova O. O.</i> A propos de la Mission Militaire Française à Kazan et Samara et du front de la Volga (été 1918)	183
<i>Feskova E. P.</i> La mission militaire française en Sibérie et le problème du commandement militaire fin 1918–début 1919	211
<i>Roudkovskaïa M. M.</i> Les marins russes dans le sud de la France dans le premier tiers du XXe siècle: hommes, mécanismes, institutions, communautés.....	227
<i>Bespalova K. A.</i> Surveillance par la Sûreté générale des activités de «l’Union des travailleurs russes de France» et de «l’Union des citoyens soviétiques de France» en 1925–1929	239
<i>Vershinine A. A.</i> «Vous avez en moi un partisan convaincu du rapprochement franco-soviétique»: Charles Alphand, ambassadeur de France en Union soviétique (1933–1936)	256
<i>Platonova T. V.</i> L’œuvre des écrivains français dans les revues littéraires soviétiques des années 1930	271
<i>Galkina Yu. M.</i> Le problème de la continuité de la politique française envers la Russie dans les années 1890–1930	289
Nos auteurs	298

Научное издание

130 ЛЕТ ФРАНКО-РУССКОМУ АЛЬЯНСУ

Проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества

*Текст настоящего издания
приводится без издательского редактирования*

Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 28.07.2022. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 19. Тираж 22 экз. Заказ № 2733

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_history@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82